ГК625
Ш276

Б. ШАПОШНИКОВ.

НА ВИСЛЕ

К ИСТОРИИ КАМПАНИИ 1920 года.

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Б. ШАПОШНИКОВ.

НА ВИСЛЕ.

К ИСТОРИИ КАМПАНИИ 1920 года.

С 12-ю схемами

На правах рукописи

Государственное
Военное Издательство
Москва 1924

БИБЛИОТЕКА
Зав-ва МАРКСИЗМА - ЛЕНИНИЗМА
при ЦК КПСС

823707

К 625
276 Р

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО № 1005.
ТИРАЖ 3.000.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ Гублит № 8018.
ЗАКАЗ № 323.
Воен. Типография Штаба Р.-К. К. А.
(Пл. Урицкого, 10).

КАБИНЕТ ИСТОРИИ К. А. ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1260

121/53

2876.

НА ВИСЛЕ.

К ИСТОРИИ КАМПАНИИ 1920 года.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

При чтении нашего труда рекомендуем пользоваться картой Европы в масштабе 40 в. в дюйме (листы V и VIII-й).

Автор.

„Исторические примеры вполне раз'ясняют дело. Они служат лучшим доказательством в науках, основанных на опыте; в особенности же в науке военной".
Клаузевиц.—О войне. Том I, стр. 117.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Значение военной истории для изучения военного дела.

В наши дни едва ли нужно доказывать всю ту полезность военной истории, боевого опыта прошлого, в изучении такого практического дела, как военное искусство. В Красной армии это признано неопровержимым и настолько необходимым, что, так называемый, „прикладной" метод познания войны не найдет большого числа противников.

Философ войны Клаузевиц давно указывал, что: „гораздо больше была бы заслуга того, кто с'умел бы учить ведению войны путем одних только исторических примеров" и призывал того, „кто чувствует влечение взяться за это, снарядить себя на это доброе дело, как на дальнее странствие. Пусть он жертвует временем и не тяготится никаким трудом. Да не побоится он земной силы и власти, да поднимется он выше личного тщеславия и ложного стыда; пусть он, по изречению французского кодекса, говорит: „правду, одну только правду, всю правду".

Тяжел и тернист путь такого учителя военного искусства. Мы знаем, что он бывал даже не по плечу такому наставнику Прусского Генерального Штаба, как Мольтке, из под редакторского карандаша которого выходили описания современных ему войн, содержащие в себе—„правду, одну только правду, но не всю правду".

Условия исторической работы над только что пережитыми войнами вынуждали Мольтке идти сознательно по пути, от которого предостерегал Клаузевиц.

Казалось бы, что лучше обращаться к изучению истории более отдаленных времен и из нее черпать поучения на будущее, учитывая то, что она является и наиболее полно исследованной.

Однако каждому известно, что определенной эпохе развития производительных сил соответствует своя эпоха военного искусства и „чем дальше пойдем назад, тем военная история становится сама по себе беднее, а польза от нее

меньше. Военная история древних народов будет самая бедная и мало полезная"—предупреждает Клаузевиц.

Если к тому же учесть, что каждая будущая война никогда не бывает аналогичной с прошедшей, хотя бы и близкой ей по времени, то станет понятным, что военная история ближайшего нам времени явится самой желательной для изучения.

Мы пережили две войны—империалистическую и нашу гражданскую, сменивших одна другую и каждый из участников этих войн скажет, что, не отрицая пользы изучения империалистической войны, мы должны остановить наше пристальное внимание на войне классовой, так как будущая война, безусловно, будет включать в себя в значительной мере элемент классовой борьбы.

Обе эти войны еще мало изучены по архивным материалам, в особенности, наша гражданская война, но жизнь не ждет кропотливой работы историков и требует настоятельно материала для познания только что прошедших дней. Поэтому, мы приветствуем каждую книгу, освещающую эти войны и, не скроем, всегда с жадностью проглатываем ее содержание.

Если в ней нет „об'ективного" взгляда ученого историка, а порой вносится элемент страстности—это не беда, так как не „по реляциям" учатся воевать.

„Не следует искать примеров в победах и завоеваниях, ни также в официальных реляциях,—они находятся в искреннем свидетельстве людей, много действовавших, притом таких, которые, действуя, видели", советует Ардан-де-Пик.

Тот же Клаузевиц придает большое значение „общению с разумными людьми, знавшими войну".

Современная нам литература по мировой и гражданской войнам носит, преимущественно, „мемуарный" характер и очень мало можно насчитать работ на основе архивных данных. Слов нет, что военному историку и критику трудно познать в этой литературе истину, но зато из нее он зачастую почерпнет те душевные волнения, кои обуревали деятелей войны в момент их подвигов, узнает о тех трениях, какие приходилось преодолевать.

На этот счет Клаузевиц говорит: „повествование (историческое) не дает никакого понятия о трудностях, которые пришлось преодолеть. Изредка только удается схватить одну из основных нитей всей ткани в мемуарах полководца или его близких, или, наконец, при особо тщательном, страстном, так сказать, исследовании какого-либо события. Обыкновенно же нарочно скрывают размышления, борьбу и колебания мнений, предшествовавшие великому делу. Случается это по соображениям политическим, или же просто забывается тем легче, что на все это смотрят, как на леса, отбрасываемые по окончании здания".

Поэтому мы всегда с глубоким интересом подходим к книге, написанной современником, стараясь в ней найти ту „область душевную“, к каковой принадлежит война.

2. Труд М. Тухачевского—„Поход за Вислу“.

Перед нами лежит труд М. Тухачевского—„Поход за Вислу“, представляющий собою лекции, прочитанные в Военной Академии Р.-К.К.А. 7—10 февраля 1923 года.

Автор заявляет нам, что—„главным источником настоящих лекций являются мои воспоминания. Отчасти же они основаны и на просмотре наших официальных документов Оперативного Управления штаба фронта“ и „кое-каких французских и польских статьях“.

За недостатком времени для разработки, автор придал лекциям „характер общего стратегического обзора операций“.

Не скрываем—с большим интересом мы прочитали лекции автора, видного участника Советско-Польской войны 1920 г.,—позволяем себе думать, что с неменьшим, чем и слушатели Академии, перед которыми автор развертывал картину нашего похода к Висле.

Автор не ограничивался одним только историческим повествованием, а попутно поучал слушателей и нас тем приемам стратегии, кои выявлял этот недавний боевой опыт. Такой подход автора к изучению военной истории мы горячо приветствуем и именно потому, что „в искусствах практических не следует гнать слишком вверх цветы и листья теории, но держать их поближе почвы опыта“.

М. Тухачевский сделал большой вклад в историю войны 1920 года на Западном фронте, дав свое понимание боевых операций, что поможет будущему историку этой войны правильно оценить ту обстановку, какая складывалась на Западном фронте.

Но Западный фронт был лишь частью, правда, главной, всего того фронта, на котором развертывалась наша борьба с бело-поляками и для правильных выводов из опыта этой войны, необходимо оценить ту же обстановку Западного фронта с точки зрения как высшего руководства всей войной в целом, так и действий на других фронтах.

Поэтому не с критикой, ради критики, не с целью умаления труда М. Тухачевского мы взялись за перо. Нашим искренним намерением является дополнить его книгу теми данными, кои ускользнули от его внимания или не были ему известны, как материалы других штабов.

Мы сознаем всю ту тяжелую работу, которую проделал М. Тухачевский, дав сжатый очерк „Похода за Вислу“ в то

время, когда архивы еще хранят многие материалы к нему, а участники, лишь в небольшом числе поместили в печати свои воспоминания. Война 1920 года в целом еще покрыта вуалью неизвестности—„леса отброшены по окончании здания“ и к исследованию материала их еще не приступали.

Мы поставили своей задачей сделать попытку, может быть, слабую, чтобы разобраться в том основании, которое было положено в „Поход за Вислу“, в понимании, каковое сложилось у нас, как, до известной степени, также участника этого похода.

Всегда бывает приятно откликнуться на призыв боевого товарища.

I.

ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ЗАПАДНОГО ФРОНТА.

1. Обстановка на бело-польском фронте к весне 1920 года.

В первых четырех главах (I—IV) автор обрисовывает нам „Возникновение войны“, „Район боевых действий“, „Группировку сил“ и „Майское наступление“.

Обзор событий автор начинает со времен занятия белополяками Киева, т.-е. к моменту, когда уже первая операция войны находила свое завершение. Таким образом, сочетать эту дату с возникновением войны, хотя бы на Западном фронте, отнюдь не приходится. Война возникла с 1918 г. и в данном случае, около года мы наблюдаем характерный признак современной стратегии, когда оба противника стоят друг перед другом в полуготовности, ведя главные операции на иных фронтах, а затем производят сосредоточение в условиях, далеко отличных от начала империалистической войны.

Уже в конце января 1920 г., когда широко развертывались события на Южном и Юго-Восточном фронтах Советской республики, главное командование в своем докладе указывало, что на Западном фронте нужно предвидеть серьезную борьбу с Белой Польшей. Начиная с февраля когда лишь в средине этого месяца началась решительная операция по ликвидации Деникина, главнокомандованием принимается ряд мер по укреплению Западного нашего фронта, выразившихся в первую очередь в посылке пополнений в ослабленные дивизии этого фронта.

Таким образом, подготовка к весенним операциям на Западе началась с февраля и в обстановке, далеко неблагоприятной для красного командования.

Примечание. При чтении нашего труда предлагаем пользоваться схемами из труда М. Тухачевского и прилагаемой схемой № 1.

К тому же боевые действия на этом фронте не прекращались и в марте месяце—войска Западного фронта отбивали натиск дивизий Латвии и Польши в Латгалии.

„Война не является внезапно; подготовка ее не может быть делом мгновенья", говорит Клаузевиц,—так было и в данном случае, а потому, никоим образом, не приходится относить „возникновение войны" ко времени занятия бело-поляками Киева.

Но если даже мы остановимся на этом моменте, то все же трудно согласиться с автором, что „выступление Польши застало нас в сравнительно благоприятной для нас обстановке" и что „в общем, к весне 1920 года (курсив наш) мы имели возможность почти все наши вооруженные силы перебросить на Западный фронт (курсив наш) и вступить в жестокую борьбу с армиями белополяков".

Колчак, Деникин ликвидированы, с Латвией подписан мир, на севере тихо—вот обстановка, которая складывалась по мнению автора.

Между тем Деникина ликвидировали только в 20-х числах марта, 20 февраля занят Архангельск и 13 марта Мурманск; мир с Латвией еще не подписан—ведутся лишь переговоры, с Румынией—никаких соглашений.

Если учесть, что войска на Западный фронт нужно было перевозить с Кавказа и наш транспорт не обладал надлежащей мощностью, то для автора будет понятным, что, если бы такое благополучие было на всех фронтах, все же мы не могли бы почти все силы бросить против бело-поляков. Перевозки на запад могли начаться только с апреля месяца, что и произошло в действительности: в марте на Западный фронт поступило 83 воинских эшелона, главным образом, пополнения, а в апреле 203 эшелона, уже преимущественно с войсками. Каковы были „благоприятные" для нас условия сосредоточения, характеризует факт отправления походом 1 конной армии с Кавказа на правобережную Украину.

Автору не менее нас, конечно, известно, что как Врангелевский фронт, так и, хотя закончившиеся оперативно, другие фронты, как Кавказский и Украина, но еще бродившие своим населением, отвлекали довольно значительные на себя силы.

Все это говорит за то, что данная автором оценка обстановки к началу операций на Западе, в мае 1920 года—страдает оптимизмом и должен быть внесен корректив в сторону более тяжелой работы по накоплению сил, каковую приходилось проделывать Главнокомандованию Красной армии.

2. План первой нашей наступательной операции.

Попутно с этим накоплением сил шла разработка плана первой операции. Автор опускает историю этого плана, а, начертав нам два операционных направления — Смоленские ворота и Игуменское, вследствие бездорожного и лесисто-болотистого характера последнего, указывает, что „для главного удара были избраны Смоленские ворота". Намеченный же район сосредоточения Витебск—Толочин—Орша „развязывал фронтовому командованию руки в смысле выбора того или другого операционного направления".

Такое краткое обозрение плана операции опускает всю ту подготовительную работу, какая велась Штабом Западного фронта и каковую не бесполезно было бы знать слушателям Военной Академии, тем более, что она безусловно нашла свое отражение в делах Оперупра того же Западного фронта. Мы не говорим уже об общем плане действий на всем польском фронте, каковой не мог не отразиться на наступлении Западного фронта. Единственно, приписываем это тому краткому времени, которым располагает автор.

3. Группировка сил.

В „группировке сил" автор знакомит с состоянием войск, как бывших на Западном фронте, так и перебрасываемых на него. Первые „не вызывали к себе особого доверия", а у вторых „боеспособность была безусловно велика". Мы должны по праву выступить на защиту коренных частей Западного фронта, дравшихся с бело-поляками довольно хорошо, против таких их частей, как 14 Познанская дивизия, резко выделявшаяся в сторону боеспособности. Кроме того, должны также указать, что всегда в распоряжении Командования будут разные части по своей боеспособности и дело самого Командования группировать их и назначать по их боевым качествам. Сей завет старик Бернгарди рекомендовал еще до мировой войны в 1912 году. и сетование, до некоторой степени, автора на то, что „состояние наших войск не могло быть приведено к общему уровню", не освобождало командование Западного фронта от комбинации своих войск по их боеготовности.

Указав на кордонное расположение польских войск, как на метод, автор раз'ясняет, что эта ошибка была учтена нами, и при организации наступления расчеты строились на силе первого удара по передовой польской линии. „Для того, чтобы получить наибольший успех в наикратчайшее время, начальникам дивизий было предложено вводить свои войска

в дело сразу, не оставляя никаких резервов". Такой прием позволил сметать не только передовые польские линии, но и подходившие резервы, которые подвергались той же участи".

Пока отметим только этот прием — он очень характерен.

Сейчас же остановимся на маленькой детали — разнице в исчислении сил противников — у нас по бойцам, у поляков — по штыкам и саблям. Автор в дальнейшем принимает польский счет и для нас. Известно, что в современном бою штык с винтовкой не является оружием решающим бой при наличии пулеметов, а потому нам кажется более правильным вести счет на бойцов. К тому же ведь „число предрешает победу", но не безусловно ее дает.

Соотношение сил, исчисленных Полевым Штабом и Западным фронтом было таково:

	Красной армии.	Бело-поляков.
По данным Полевого Штаба (бойцов)	82.000	75.000
По данным Западного фронта (штыков и сабель)	54.000 (92.000 бойцов)	56.500

В действительности, если приняться за арифметику, то ведь по польским данным (журнал „Война и мир" № 7), численность Польской армии против Западного фронта можно установить такую: по данным на 30 апреля 1920 года роты 1-й польской армии насчитывали по 107 штыков, или в дивизии 3,852 штыка, между тем, в дивизиях к тому же времени поляки считали по 5.000 штыков. Повидимому, под понятие „штыка" бело-поляки подводили и других бойцов, как и мы, исчисляя их в дивизии до 5.000. Принимая польский метод подсчета, численность их войск по числу дивизий по данным Западного фронта против него определяется в 58.000 штыков (бойцов) и сабель против 82.000 бойцов, каковых насчитывал Полевой Штаб Реввоенсовета Республики в составе наших армий Западного фронта.

Все это говорим к тому, что превосходство сил было на нашей стороне, а не „уравнивалось", как думает об этом автор. Это „уравнение" произошло по иным причинам, а не вследствие ошибочного способа исчисления сил противника и своих и, если Полевым Штабом допускалась ошибка, то в сторону увеличения сил противника, а не понижения их боевой численности.

4. Майское наступление.

В дальнейшем автор развертывает перед нами картину „Майского наступления", цель которого им определяется так: „Все говорило за то, что поляки накануне перехода в наступление. Для того, чтобы сохранить наше положение и не дать возможности полякам втянуть нашу основную группировку в навязанные ей действия, необходимо было самим перейти от обороны к нападению".

„Наступление это было начато тогда, когда еще не все наши силы поспели сосредоточиться. На запоздавшие дивизии приходилось смотреть, как на резерв. Вместе с тем, нужно было считаться с тем, что успех нашего первого наступления, безусловно, должен быть своевременно развит и не должен ограничиваться мелкими временными задачами".

Из изложенного приходится констатировать, что: 1) первое наступление должно было развиться в мощный удар, т.-е. должно было иметь достаточно сил для этого и 2) намеченные для этого главнокомандованием силы еще не закончили свое сосредоточение.

Несмотря на это, командование фронтом решилось на переход в наступление, боясь упустить инициативу из своих рук и надеясь ввести подвозившиеся дивизии в дело своевременно. Оборона, как способ выжидать накопление сил, отвергалась.

Польские источники не говорят определенно о готовившемся в начале мая наступлении их армий на Запфронте, а, наоборот, 30 апреля 1920 года „Задачей I-й армии являлась активная оборона на участке от Узмены (к югу от Дриссы) до Копысь", шевеление же их в Мозырском районе являлось отголоском их наступательных действий на Украине и тем же проявлением „активной обороны".

Что касается своевременного ввода резервных дивизий в дело, то нужно было учитывать, что при своем отходе поляки будут портить железные дороги, вследствие чего наши резервы вынуждены будут совершать марш с отдаленных станций выгрузки и поспеют на линию фронта лишь для ее подпорки, а не для развития успеха.

Таким образом, оба эти положения, выдвинутые выше автором, не являлись достаточными мотивами для преждевременного перехода в наступление и действительной причиной его являлась скорее „область душевная", т.-е. отсутствие веры в стойкость своих войск в обороне и стремление наступать первым.

К чему привело это преждевременное наступление, увидим ниже, а сейчас остановимся на плане его. Последний предусматривал „прорыв через Смоленские ворота, разгром левого фланга польской армии и прижатие остальных ее сил

к Пинским болотам. На Игуменском же направлении действия 16 армии должны были, по форсировании Березины, вцепиться с фронта в основную группировку бело-поляков и не позволить им маневрировать для противодействия главному удару 15 армии". Преимущества удара правым флангом автор видит в обеспечении его благожелательными нам государствами Литвой и Германией.

История майского нашего наступления всем известна—на линии Поставы—Будслав—Зембин оно захлебнулось, встретило „ряд согласованных контр-ударов" и „как и всегда бывает после больших переутомлений и блестящих побед", говорит автор, „опасная неудача на важном направлении с быстротой молнии передается по всему фронту и устойчивость войск мгновенно падает. Начинается поспешное отступление".

„Эта первая наша операция имела для нас очень важное значение"—так ее оценивает автор, сводя выгоды: 1) к поднятию боевого духа наших войск, увидевших, „что они могут побеждать поляков"; 2) к облегчению положения Юго-Западного фронта отвлечением с него части войск на Запфронт и 3) к занятию Смоленских ворот.

Не собираясь оспаривать эти выгоды, мы должны отметить, что майское наступление показало: 1) недостаточность сил, с которыми оно было предпринято, что командование фронтом сознавало и до начала его; 2) несогласованность в действиях 15 и 16 армий, разделенных в основных направлениях удара значительным промежутком; 3) малые силы 16 армии не только не могли сковать основную группировку поляков, но сами были взяты в клещи по переправе через Березину; 4) отсутствие в руках командования фронтового резерва и позднее прибытие подвозимых дивизий; 5) неумелое использование резервов в армии (15-й); 6) недочеты в организации управления и отсутствие технических войск в надлежащем числе.

Слов нет, что повышение боевого духа своих войск—высоко полезная данная для будущего успеха, но для этого в старые времена истории (Петр В.) обычно упражняли войска в малых битвах (Лесная).

Особенного ослабления Украинского фронта майское наше наступление не произвело, так как для парирования его большая часть резервов была взята польским командованием изнутри страны (11, 16 и 17 дивизии, 7 рез. бригада) и только небольшая часть была притянута с юга.

Все выгоды наступления, таким образом, сводились к выигрышу пространства в Смоленских воротах, но ценой того, что к первой половине июня, когда „установилось спокойствие", командование, подсчитав свои силы, пришло к выводу: „Конечно, при таких силах и учитывая то, что все подкрепления,

наконец, прибыли, **нельзя было надеяться на решительное развитие главной операции** (курсив наш). Необходимо было изыскать средства к пополнению наших поредевших частей".

Вот результат наступления, которое бы, по словам Клаузевица, должно уподобляться „полету мощно пущенной стрелы, а не мыльному пузырю, растягивающемуся пока он не лопнет", что и случилось с 15 армией в частности, а в общем со всем наступлением.

Командование фронтом до него отлично сознавало, что у него нет превосходства в силах (в действительности было), что не закончено полное сосредоточение для главной операции и, рискнув преждевременным наступлением, оказалось перед дилеммой невозможности „надеяться на решительное развитие главной операции". Позволительно спросить, для чего же было предпринято одно из „необеспеченных наступлений", от которых предостерегает тов. Троцкий в его известной статье о военной доктрине? Для чего оно нужно было, если впереди имелась в виду „главная операция", для которой с таким трудом Республика сосредоточивала силы, не являлось ли оно „Верденской мельницей" в миниатюре? Предоставим каждому читающему эти строки самому дать тот или иной ответ,—наш явствует из всего изложенного выше.

„Блестящая отвага и высокая предприимчивость часто заносят за цель и, таким образом, не достигают желанного"— такой завет оставил нам Клаузевиц.

II.

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ЗАПАДНОГО ФРОНТА.

Впереди перед командованием фронта было „главное наступление", с подготовкой к которому, соотношением сил и первым этапом в его развитии нас знакомит автор в последующих трех главах (V—VII).

1. Подготовка к наступлению.

Мы уже выше привели суждения автора, в каком положении оказался фронт в начале июня, вынужденный: „изыскивать средства к пополнению наших поредевших частей".

Командование фронтом поставило себе задачей удвоение по числу штыков всех наших стрелковых дивизий, что еще в марте предусматривалось в Полевом Штабе Республики (линия Начоперупрреси намечал доведение дивизий до 9.000 штыков), но не могло быть осуществлено как за недостатком подготовленных пополнений, так и обмундирования.

Бросив упрек в „бюрократичности" Всеросглавштабу, не умеющему выполнять возложенных на него задач по укомплектованию, автор развертывает перед нами кипучую работу самого фронта по пополнению дивизий из местных средств, за счет дезертиров. Этот источник укомплектования дал 100.000 дезертиров, что „в два с половиной раза превысило наши надежды".

Те же причины, что и в центральных запасных частях, а именно: „полное отсутствие всякого обмундирования, недостаток казарменных помещений затрудняли обучение и понижали его качество". Однако, не смотря на это: „к концу июня, благодаря несокрушимой энергии красноармейских работников, эта колоссальная, почти неодолимая задача была выполнена, и пополнения тысячами потекли в наши дивизии". К концу июня фронт был пополнен, настроение войск приподнятое—все обещало будущий успех.

Далее автор знакомит с такой же работой по устройству тыла и снабжению, признавая, что „вплоть до подхода к Бугу и Нареву наши войска были довольно хорошо обеспечены всеми необходимыми им припасами". Хуже было со связью—

„нам не хватало средств и самая операция в конечном счете погибла из-за их недостатка".

К началу наступления 4 июля 1920 года соотношение сил было таково:

	Красная армия.	Бело-поляки.
По данным Запфронта (штыков и сабель)	91.463 (160.188 бойцов)	95.000 чел.
По данным Пол. Штаба (бойцов)	114.000	58.000 „
По польским данным („Война и мир" № 7)	70.000 чел.	100.000 „

„План наступления был очень схож с майским планом. В основу его была положена та же идея упирания нашего правого фланга в Литву и Восточную Пруссию и отбрасывания польских сил к болотистому Полесью". На решающем направлении сосредоточиваются три армии из пяти (считая и Мозырскую группу), „таким образом, на нашем правом фланге против 30.000 с небольшим польских мы выдвинули до 60.000 наших штыков и сабель".

„Распределяя таким образом силы, командование фронтом имело в виду обходное движение 4 армии севернее озера Б. Ельна, фронтальный пронизывающий удар 15 армии на Глубокое и фланговый удар 3-й армии в Парафьяновском направлении. 16 армия сосредоточенными силами должна была наступать в Игуменско-Минском направлении, связывая весь центр противника; Мозырская группа, занявшая к этому времени г. Мозырь, должна была содействовать 16-й армии в Глусском направлении".

Бело-поляки не отказались от своей кордонной системы обороны и „нашим планом опять-таки являлось одно временное введение в бой всех наличных сил для того, чтобы сразу же упразднить передовую боевую линию противника", говорит М. Тухачевский.

4 июня наступление началось и успешно развивалось, благодаря полному взаимодействию армий. Смятый в первом ударе противник не смог удержаться на линии бывших германских окопов и быстро отходил на линию Немана и Шары.

2. Таранная стратегия.

Доводя описание событий до этого времени, автор развивает перед нами теорию современной таранной стратегии.

„При современных широких фронтах является совершенно невозможным наступать всюду с одинаковой насыщенностью. Смелое ведение операций непременно должно предусматри-

БИБЛИОТЕКА
при ЦК КПСС

вать сосредоточение больших войсковых группировок на решающих направлениях и оставление минимальных сил на направлениях второстепенных. В случае успеха, в случае благоприятного развития дальнейших операций, перед командованием большими войсковыми соединениями встает неминуемый вопрос: надо ли продолжать операцию, сохраняя прежние группировки и прежнее операционное направление или надобно избрать новое".

Указав на то, что нельзя „неприятельскую силу уничтожить одним быстрым решительным движением", а приходится „вести операцию за операцией, нанося противнику непрерывные потери", что при современных широких фронтах и разрушенных противником при отступлении железных дорогах новые перегруппировки трудны и „потому раз принятое массирование войск, при условии быстро развивающегося наступления, может быть изменено лишь с большим трудом и то частично", что при оставлении слабых преследующих противника сил можно дать ему время для подготовки к контр-удару и „в этом случае ввод в дело образованных нами крупных резервов для разгрома остановившегося противника может оказаться ударом по воздуху и не приведет ни к каким положительным результатам, но зато будет связан с неизбежной потерей времени",—автор приходит к необходимости „стремительного преследования противника".

„Словом, ряд последовательно веденных уничтожающих операций, соединенных непрерывным преследованием, может заменить собой то уничтожающее сражение, которое было лучшим видом столкновения в прежних армиях, имевших не такое протяжение фронта".

Автор предвидит возражение, что „таранные массы слишком ярко обнаруживают свою основную оперативную идею. Исчезает всякая возможность внезапности" и даже облегчают противнику контр-удар. Однако, это не так. „Если основная таранная группировка стоит на правильном направлении и правильно обеспечена на фланге и на второстепенных направлениях, то всякий переход противника в наступление является для этих масс не неприятностью, а желанной, заветной мечтой"—таков вывод автора.

„Скопление таранных масс ..... является неминуемым следствием характера современной войны", заключает М. Тухачевский и в доказательство указывает на германскую армию в 1914 г. на французском фронте и целый ряд наших кампаний в период гражданской войны.

Мы просим извинения за длинное цитирование современной „таранной“ стратегии, но признали это необходимым в виду того, что это об'ясняет нам правильно все действия Западного фронта.

Прежде всего мы должны отдать должное энергии Запфронта в пополнении за свой собственный счет, в выправлении создавшегося положения после первого наступления. Как ни „бюрократичен“ был Всероссглавштаб, не нужно все же забывать, что он отправлял пополнения не на один Запфронт, а и на другие фронты, из которых Юго-Западный нуждался в большом укреплении как на его западном, так и на южном направлениях.

Затем, не можем пройти мимо оценки автором и соотношения сил. Приводимые нами выше польские данные исчисляют силы бело-поляков на Запфронте к 4 июня в 100.000 человек, т.-е. близко совпадают с тем числом штыков и сабель, которые считал Запфронт. Данные Полевого Штаба о польских силах возможно и преуменьшены, но в незначительной мере и во всяком случае не сомневаемся, что превосходство в числе было на нашей стороне, о чем в разговоре по прямому проводу определенно было заявлено Наштазапом 5 июня 1920 года, исчислявшим силы фронта в 80.000 штыков и 8.700 сабель или 115—120.000 бойцов, не считая войск на Латвийском участке, силы же поляков в 58.000 штыков. „На этот раз мы в полтора раза сильнее“ докладывал Наштазап.

Подходя к самому плану наступления, мы должны указать, что современная таранная стратегия не являет собою что-либо новое, свойственное нашим дням. Принцип частной победы, прием борьбы кулаком, а не растопыренными пальцами, был известен еще в истории народов седой древности. Ярко этот принцип выявлялся в эпоху Наполеона. В наши дни, конечно, не приходится рассчитывать на генеральное сражение и ныне „поле сражения“ заменилось „маневренным полем“. В силу этого принцип частной победы переходит в стратегию. Сюда же переходит и маневр. Раз это так, то отдаваемые автором преимущества „прямолинейному“ и „стремительному“ удару без изменения его направления могут быть оспариваемы. Если такой удар на всем своем протяжении бьет в такое место противника, что не позволяет ему остановиться и вынуждает продолжать отступление дальше, то возражать против этого не будем. Если же, наоборот, противник, отойдя назад, может организовать отпор этому удару (благоприятные условия местности), тогда необходимо будет перегруппировать силы и перенести удар на другое направление, хотя бы произошла заминка во времени. Здесь-то и скажется талант полководца наших дней заранее это предусмотреть и своевременно начать перегруппировку.

Автор в подтверждение своей теории сослался на германскую армию в 1914 году на французском фронте, намекая, очевидно, на Марнское сражение. Позволим указать, что оно как раз требовало перенесения центра тяжести немецкого удара с правого фланга на участок 3-й армии, против которой намечался прорыв французского фронта. Немцы в своей военной литературе довольно подробно разбирают этот случай. Однако, германский полководец не понял этого или, вернее, уяснил себе слишком поздно и для развития этого удара в его руках была одна резервная дивизия. За свою „прямолинейность" в ударе, за отсутствием маневра, как известно, немцы жестоко поплатились „первой" неудачей, но составившей в истории войны ее „поворотный пункт". Мы предвидим возражение, что у немцев не было обеспечения правого фланга таранной массы, чего требует автор, и они получили удар в этот фланг от Парижа. Да, получили, но благодаря маневру французских войск, их перегруппировке. Современные массы настолько подвижны, что им по плечу и „маневренность", а не только движение в одном направлении.

Прежде нас вынесли порицание кардонной стратегии белополяков французы, а они отнюдь не склонны придавать большое значение грубой стратегии немцев 1914 года, за пристрастие к которой расплачиваются не только проигрышем операции, но и войной в целом.

III.

„РЕВОЛЮЦИЯ ИЗВНЕ".

В главе VIII своего очерка автор под заголовком „Революция извне" вводит нас в ту политическую обстановку, которая слагалась при нашем решительном наступлении на Варшаву.

„Схватки польского капитала с русской пролетарской революцией разрастались в масштаб европейский", говорит автор.

Отметив, что не только: „вся Белоруссия... бурлила и клокотала крестьянскими восстаниями", что: „положение в Польше точно так же рисовалось в благоприятном для революции свете", автор указывает, что и: „во всех странах Европы положение капитала зашаталось. Рабочий класс поднял голову и взялся за оружие".

„Революция извне была возможна. Капиталистическая Европа была потрясена до основания и, если бы не наши стратегические ошибки, не наш военный проигрыш, то, быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией октября и революцией Западно-Европейской".

Эта обстановка В. И. Лениным охарактеризована в его речи на С'езде рабочих и служащих кожевенного производства (в начале октября 1920 г.) следующими словами: „Подход красных войск особенно к Варшаве оказался международным кризисом, вот почему это так взволновало буржуазную прессу. Вопрос стоял так, что еще несколько дней победоносного наступления Красной Армии, и не только Варшава взята (это не так важно было бы), но разрушен Версальский мир и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы".

Л. Д. Троцкий в своей статье о военной доктрине в 1921 году об этом же периоде войны писал так: „Мы проявляли, в частности, величайшую уступчивость по отношению к Польше, предлагая ей условия более выгодные, чем те, какие были намечены для нее стараниями Антанты. Усилия наши не увенчались успехом. Пилсудский напал на нас. Война получила явно оборонительный характер с нашей стороны. Этот факт в чрезвычайной степени содействовал сплочению общественного мнения не только рабочих и крестьян, но и

многочисленных буржуазно-интеллигентских элементов. Успешная оборона, естественно, развернулась в победоносное наступление. Мы, однако, переоценили революционность внутреннего положения Польши в тот период. Эта переоценка нашла свое выражение в чрезвычайной, т. е. несоразмерной с ресурсами, наступательности нашей операции. Мы шли вперед слишком налегке, и результат известен: мы были отброшены... Неудача нашего августовского похода на Варшаву и разгром сентябрьского движения в Италии изменил соотношение сил в пользу буржуазии во всей Европе".

Такова была политическая обстановка ко времени нашего стремительного натиска к Висле. Назревавшие события на этой реке представлялись очень веским фактором в развитии международной революции.

IV.

БУГСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

Далее автор в двух главах (IX и X) знакомит нас с периодом подхода к решительной операции, разыгравшейся на Висле—этому „поворотному пункту“ войны.

Мы оставили наши армии успешно наступающими к Неману и р. Шаре с таранной группировкой к северу от Немана.

Попытки Польского командования организовать сопротивление на этих реках и даже нанести контр-удар в районе Гродно потерпели неудачу, и наши армии продолжали свое победоносное наступление.

1. Директива Главнокомандования о взятии Варшавы.

Со взятием Гродно (19 июля) Главнокомандованием при личном обсуждении с командованием Запфронта складывающейся обстановки и состоянии фронта, каковое было очерчено хорошим, и во всяком случае под'ем наступающих армий представлялся таковым, что можно было надеяться на успешное завершение операции по овладению Варшавой, была дана директива к 12 августа взять Варшаву.

К моменту отдачи директивы наши армии находились в 300 верстах от Вислы, где должны были произойти решающие боевые действия и, таким образом, войскам предстояло проходить по 12,5 верст в среднем в день, преодолевая, конечно, сопротивление противника.

Указанная скорость едва превышала теоретическую норму больших войн—10 верст в сутки, выведенную для движения массовых армий, если бы надлежаще был организован и работал тыл.

При том же совместном с фронтом обсуждении обстановки Главнокомандованием было обращено внимание на возможность контр-удара бело-поляков от Ивангорода.

Необходимо отметить, что командованию фронта поставленный срок по овладению Варшавой казался малым, что и было им указано.

Все изложенные обстоятельства отдачи этой важной директивы нашли свое отражение впоследствии в разговоре по прямому проводу Главнокомандования с командованием фронта.

Приведенная директива настолько важна, что мы позволим немного подробнее остановиться на вытекавших из нее обстоятельствах, что и делает сам автор.

Он затрагивает вопрос: „нужно было, или не нужно останавливаться на этнографической польской границе?"

Решить это можно было, учтя все данные, как политики, так и стратегии.

Предстояло или выждать подхода своих пополнений, устройства тыла и затем продолжение наступления, или же вести последнее стремительно, не давая противнику оправиться от нанесенных потерь и прекратить развивавшуюся с каждым днем деморализацию.

Автор так рисует складывающуюся тогда обстановку: „Непрерывность нашего преследования в конец деморализовала польские войска.... все бежали назад, не выдерживая ни малейшего серьезного боя. И эта неустойчивость царила не только в войсковых частях, но и в среде высшего командного польского состава".

„Остались бы это положение, при котором мы, даже численно слабейшие, все-таки оказывались сильнее противника, в том случае, если бы мы оставались на границе Польши? Конечно, нет. Если для нас эта остановка дала бы возможность привести в порядок весь организм наступающих армий, то, конечно, для поляков в этом смысле было гораздо больше возможностей. Не надо забывать, что на карту ставилось существование капиталистического мира не только Польши, но и всей Европы. Бесконечные транспорты и эшелоны с амуницией и вооружением следовали на помощь Польской армии из Франции и Англии".

В самой Польше польский капитал прилагал все усилия на приведение в порядок армии, формируя буржуазные добровольческие части на ее усиление.

„И, если бы только мы дали полякам спокойно провести эту работу, то через две-три недели, потребные нам для устройства наших дел, мы встретили бы против себя значительно сильнейшие, чем наши, армии и должны были бы снова ставить на карту наше стратегическое будущее. При том потрясении, которому подверглась польская армия, мы имели право и должны были продолжать наше наступление. Задача была трудная, смелая, сложная, но задачами робкими не решаются мировые вопросы". Таков вывод автора.

Здесь мы подошли вплотную к теории о „высшей точке наступления победы", теории очень интересной и настолько важной, что позволим на ней остановиться.

2. Клаузевиц о „высшей точке наступления победы“.

Едва ли она у кого-либо лучше изложена, чем у Клаузевица в его бессмертном труде „О войне“, поэтому к нему мы и обратимся.

Старик, указав, что „сила наступления постепенно истощается“, образно говорит: „наступающий покупает предметы ценные для мирных переговоров, но пока расплачивается за них наличными деньгами, в виде расходования боевых средств. Если перевес, хотя и ежедневно уменьшающийся, все-таки приведет к выгодному миру, то цель достигнута“.

„Бывали стратегические наступления, которые вели непосредственно к миру; однако, таких немного. Большинство доходит до такого пункта, когда силы как раз еще достаточны, чтобы держаться в ожидании мира. За этим пунктом находится уже переворот и реакция. Такая реакция обыкновенно значительно превосходит силу предшествовавшего ей удара. Этот пункт приостановки называем **высшей точкой наступления**“.

„Если вспомним, какое большое число начал участвует при обоюдном сравнении сил, то легко поймем, как трудно в ином данном случае решить, на чьей стороне перевес. Часто все висит на шелковой ниточке воображения“.

„Все дело в том, чтобы с тонким тактом прочувствовать, где лежит эта высшая точка **наступления**“.

„Не во всякой войне победитель в состоянии совершенно повалить противника. Он зачастую останавливается в высшей точке своей победы“.

Далее Клаузевиц, указав, что: „Победа проистекает обыкновенно уже из перевеса суммы всех материальных и физических средств“, в то же время поучает, что „победа бесспорно **сама по себе**, равно как и ее последствия увеличивают перевес; однако, последний не сохраняется до самого конца, но только до известного пункта“.

Философ войны подробно разбирает все те данные, кои знаменуют собою высшую точку победы (кульминационный пункт) и под конец главы дает концепцию сказанному, на которой мы и остановимся.

„Весьма важно“, говорит он—„чтобы как наступающий, так и обороняющийся, обдумывая план кампании, правильно установили указанную (кульминационную) точку с тем, чтобы первый из них не совался с предприятием свыше своих средств, не прибегал, так сказать, к займам, а второй мог уяснить себе невыгодное положение противника и воспользоваться им“.

„Бросим взгляд на все те предметы, которые полководец должен иметь в виду, заранее определяя кульминационную точку при составлении плана кампании. Припомним при этом, что цену и значение важнейших из этих предметов придется выводить, уяснив себе многие близкие и более дальние их отношения; да не только выводить, а просто угадывать".

„Полководец должен угадать, окрепнет ли ядро неприятельской армии после первой ее неудачи, сгущаясь все более и более, или же оно рассыпется в пыль, на подобие болонского графина, когда его поверхность надтреснута. Полководец должен точно угадать, как велико будет ослабление и онемение в неприятельском государстве, вследствие прекращения некоторых источников, перерыва некоторых связей. Придется угадать: упадет ли противник от боли причиненной ему раны, или же придет в ярость, как раненый бык. Наконец, необходимо угадать, испугаются ли другие державы, или же вознегодуют, и какие политические связи (внешние—наше) могут при этом явиться, или же разрушиться".

„Все это, а равно еще и многое другое, полководец должен разгадать своим тактом и попасть в каждую точку, точно так же, как хороший стрелок в центр мишени".

„Итак, нельзя не признать, что такое действие человеческого ума далеко не мелочь. Суждению открывается тысяча обманчивых дорожек, теряющихся то там, то сям, впустую. А если не одолеет масса перепутанных разнородных предметов и отношений, то может придавить опасность и ответственность".

„По этим именно причинам большинство полководцев предпочитает остановиться далеко не доходя цели; им неохота подойти к ним поближе. Напротив того, блестящая отвага и высокая предприимчивость часто заносят за цель и, таким образом, не достигают желанного".

„Только тот попадает метко, кто малыми средствами сумеет вершить великое"—вот вывод старика философа.

Прежде, нежели извлекать пользу из приведенной теории, мы позволим себе напомнить еще нижеследующие положения Клаузевица.

3. Клаузевиц о войне и политике.

„Война есть средство политики, а потому она по необходимости носит характер последней. Война мерит масштабом политики; она в общих своих очертаниях есть сама политика, заменившая перо мечом, но все же обдумывающая цели по своим законам".

„Когда дело идет о плане войны и кампании, то обращение к политике совершенно неизбежно".

„Вообще самое важное во всех жизненных делах — это установить точку зрения, с которой следует смотреть на дело и судить о нем, а засим твердо стоять на этой именно точке; потому что с единой только точки возможно охватить совместно всю массу явлений".

„Если засим и при военных предначертаниях нельзя допустить двух или более точек зрения", то, по мнению Клаузевица: „возможным остается только подчинение воззрения военного политическому и . . . . . не может быть и речи о борьбе между интересами политическими и военными, по меньшей мере по существу дела".

Развивая это, он указывает: „утверждаем, что было бы неосновательно и даже вредно такое подразделение, по коему крупное военное событие или план для него могли бы подвергаться чисто военному обсуждению; точно так же не имеет смысла привлекать к обсуждению людей военных, с тем, чтобы они дали свое чисто военное заключение. Но еще бессмысленнее то, если полководцу передадут имеющиеся боевые средства с тем, чтобы он, сообразуясь с ними, составил для войны или кампании план чисто военный".

4. Разбор директивы главнокомандования.

Мы напомнили все теоретические положения Клаузевица для того, чтобы разобраться лучше в правильности поставленной фронту задачи по овладению Варшавой и сделали это потому, что, по завету того же мудрого старика: „без разумной теории критика никак не может быть вполне удовлетворительна и поучительна".

Прежде всего мы должны отметить, что при принятии решения должна быть единая точка зрения и нельзя разделять оценку на политическую и стратегическую—обе тесно переплетаются между собою.

Операция должна быть обдумана по законам войны, но в основание необходимо прежде всего положить „воззрение политическое", ибо, как говорит Клаузевиц: „во всяком случае военное искусство политике не указ". но в свою очередь и политика должна считаться с теми средствами, которые у нее имеются.

В предыдущем отделе при разборе „Революции извне" мы уже очертили, как складывалась политическая обстановка ко времени отдачи директивы для взятия Варшавы.

Читатель помнит, что перед нами вырисовывалась высоко политическая задача—назрел „международный кризис", ко-

торий безусловно был бы углублен и расширен с успехом нашего оружия на Висле.

Внутреннее состояние самой Польши также обрисовывалось, как готовое обратиться в революцию, особенно со взятием Варшавы. Клаузевиц указывает, что мы должны были угадать: „упадет ли противник от боли причиненной ему раны, или же придет в ярость, как раненый бык". Останавливаясь подробно на этом, он развивает так: „Случается, что ошеломленный неприятель роняет оружие от страха, а другой раз бывает, что он воодушевляется пароксизмом сильнее начального. Для того, чтобы заранее предвидеть, что именно последует, принимаются данными: характер народа и правительства, природа края, политические его отношения (в смысле внешней политики — наше)". Имелись сведения, что Антанта стремится снабдить поляков военным снабжением, что послана французская военная миссия для приведения отступающей армии в порядок, что в стране производится набор добровольцев и идут из них формирования, что буржуазное правительство развивает широкую агитацию в стране, но имелись и другие данные, указывающие на возможный кризис правительства, на рост революционного движения среди польских рабочих и батраков. Одним словом, имелись сведения за и против постановки политикой задачи стратегии—взять Варшаву. Учитывая „международное" значение этого события, следует сказать, что необходимо было поставить эту цель, хотя бы даже с риском.

Теперь посмотрим, что же могла дать стратегия. Армия Пилсудского отступала деморализованной, и эта деморализация увеличивалась с каждым днем—это ныне засвидетельствовано французскими источниками. Нет слов, что армия отходила на свои подкрепления, была в лучших условиях в отношении железных дорог, но тыл ее снабженческий также оказывался надтреснутым. Нужно было „угадать", успеет ли армия оправиться и дать отпор на Висле. Не было сомнений, что не без боев придется подойти нашей армии к этой реке, но в то же время у нас было и превосходство в силах, которое еще сохранялось. „Перевес сил не есть цель, а средство", но „если повалить противника возможно хотя бы остатком, минимальной частью нашего перевеса, то было бы ошибкой не пустить его в дело", учит Клаузевиц.

Для нашего командования было ясно, что силы противника будут таять, как и наши, но в значительной степени и была надежда сохранить этот перевес, хотя бы и „минимальный" при подходе к Висле.

Состояние нашей армии, по свидетельству командования фронтом, было хорошее: дух войск отличный, части шли безостановочно вперед, гоня противника, и перебоев в снабжении

не было, как выше указывал нам автор книги. Совместное обсуждение обстановки говорило за то, что мы, по состоянию войск фронта, можем расчитывать на розыгрыш в нашу пользу Варшавской операции; дальше может быть и пришлось бы остановиться, но Варшава могла быть взята. Это была „высшая точка победы". Слов нет, что и здесь был известный риск—сил армии было, что называется, в обрез и можно было, по образному выражению, жить еще „на наличные", не прибегая к „займам". Во всяком случае, операция на Висле являлась „кульминационной точкой" всей войны и достижение ее „будет естественной целью всех планов единичной кампании"—так завещает Клаузевиц и далее указывает, что „вовсе не расчет перешагнуть за эту цель; это будет напряжение сил не только бесполезное, не вознаграждаемое никаким успехом, но и пагубное. Оно может повести к реакции". Но в наши планы пока и не входило углубляться далее Варшавы, взятие же последней почиталось необходимостью.

„Интуиция" подсказывала всю правильность принимаемого решения, а поэтому и было начертано „к 12 августа взять Варшаву". Правилен был или нет расчет, верно ли мы „угадывали" будущую обстановку на Висле—это должно было показать будущее.

Итак, „единая точка зрения"—политическая и военная приводили к отдаче вышеуказанной директивы.

В дальнейшем возникал вопрос о том маневре, которым предстояло это осуществить. Выше мы отметили, что к моменту отдачи директивы, за 24 дня, главнокомандование указывало фронту на возможность получить контр-удар противника от Ивангорода. На чем же базировались такие предпосылки главнокомандования задолго до подхода к Висле?

„Цель войны—низвержение противника", а для этого, советует Клаузевиц, отыскать „известный центр тяжести, центр силы и движения, от которого зависит все целое. На этот центр тяжести противника должен быть направлен совместный удар наших сил".

Этот центр тяжести будет заключаться: 1) или в армии противника, „если она сама по себе сила", 2) или „в столице, когда она не только центр административный, но вместе с тем и местопребывание политических учреждений и партий".

Армия бело-поляков была деморализована и отступала к столице—Варшаве. Но последняя не являлась все же тем „центром тяжести", с ударом по которому можно было бы низвергнуть противника. Варшава была „столицей", но „центром" правящей в то время партии являлся Краков и только с падением его можно было расчитывать на „низвержение" противника. В виду этого, естественным являлось предположение, что бело-поляки даже потеряют Варшаву, но будут

базироваться на Краков и продолжать борьбу, т.-е., иными словами, их главные силы сгруппируются на направлении Краков—Иваногород. На то же наводили и следующие размышления: верховный вождь Пилсудский и его высший штаб — все были воспитанники Австрийского Генерального Штаба, не раз мерили расстояние от Кракова на Иваногород, по которому наступали и отступали и весьма вероятно, что и на этот раз могли потянуться по проторенной дороге. Знать душевные свойства и навыки своего противника всегда необходимо.

Изложенным соображениям ныне мы находим подтверждение, как в разыгравшихся событиях, так и в литературе. Польские источники (Военная мысль и Революция за 1923 г., кн. 1) говорят, что при критическом положении в войне Польши даже и ныне: „Главной задачей польского командования должно быть спасение нашей армии от уничтожения, хотя бы для этой цели нужно было оставить даже столицу и постепенно отходить на последние оборонительные линии Подкарпатья. Часть верхней Вислы и Сана, опирающаяся на два бассейна, угольный и нефтяной, является последней крепостью сегодняшней Польши, и эту часть страны мы должны были бы защищать напряжением всех сил до момента прихода помощи союзников".

В своей статье „На пути к Варшаве" Н. Какурин (Революция и Война сборн. 4 и 5) пишет об обстановке при подходе к Висле: „Общее положение сторон несколько напоминало обстановку в начале кампании 1914 года, с тою разницею, что центр тяжести нашей группировки был отнесен к правому флангу и армии шли прямо на запад. Зная, что высший Польский Генеральный Штаб является воспитанником и наследником Австрийского Генерального Штаба, и зная, что целые поколения офицеров Австрийского Генерального Штаба воспитывались на изучении Брестского направления, как решительно выходящего в тыл всему нашему прежнему Варшавскому передовому театру, я сильно опасался, чтобы поляки не воспользовались этим направлением для активного маневра во фланг и на сообщения XVI армии, сбив слабые и растянутые части Мозырской группы. Этот маневр давал им такие выгоды, что его стоило бы попробовать".

„Но интуитивные предположения начальника дивизии в современной войне имеют место лишь в очень ограниченных и исключительных случаях совершенно самостоятельных действий отдельной дивизии, поэтому приходилось лишь ожидать дальнейшего развития событий и, по возможности, готовиться к ним".

Начальник дивизии не подозревал, что по той же оценке противника аналогичные „интуитивные предположения" возникли еще в 20-х числах июля у главнокомандования, т.-е. интуиция имела за собой определенное основание.

5. Подход к Бугу.

Итак, жребий был брошен—армии Западного фронта, форсировав Неман и Шару, на которых мы их оставили, стремительно продолжали преследовать отходящего на запад, к Висле, противника.

Таранная группировка фронта к правому флангу, принятая с момента нашего второго перехода в наступление, продолжала сохраняться и дальше.

„В конце июля начинаются наши бои на Нареве и Буге. Впервые после начальных боевых операций поляки оказали нам здесь упорное сопротивление", говорит автор „Похода за Вислу". Да, к этому времени на Нареве уже были обнаружены „добровольческие формирования", влившиеся в армию противника. Наша ударная группа армий фронта после нескольких дней боев все же сбила противника с Нарева и Нурца. В XVI армии командование предполагало также принять группировку к правому флангу, но Брест-Литовск отвлек ее внимание и главные силы на себя. Только после занятия этой крепости XVI армия форсировала Буг.

„Бои нашей главной фронтовой группировки на Нареве и Бобре затянулись, в общей сложности, с 28 июля по 1 августа. Это была первая наша серьезная задержка. (Курсив наш). Зато на участке XVI армии дело обстояло гораздо хуже. В силу указанной выше разброски сил XVI армия лишь 6 августа сумела форсировать Западный Буг".

„Эта последняя задержка, основанная не на силе неприятельского сопротивления и не на трудности форсирования реки, а, главным образом, на недостатках в группировке сил, послужила причиной несколько различной оценки обстановки между командованием фронта и Главным командованием. В разговоре по прямому проводу от 8 августа мы видим мнение Главного командования, определяющее главные силы польских армий сосредоточенными по левому берегу Западного Буга и готовыми к принятию нового решительного сражения. Вследствие этого, главнокомандование находило более целесообразным прекратить густое наступление нашей северной группировки на Запад и обрушиться главной массой сил на левый фланг этой основной группировки противника с тем, чтобы еще до Вислы окончательно разгромить польскую армию".

„По данным разведки Западного фронта обстановка рисовалась совсем в другом виде. Главная группировка польских войск, по прежнему, оставалась на направлении нашего главного наступления".

„Таким образом, естественной и единственной правильной задачей являлось стремление к разгрому основной северной

группировки противника. И это было тем более естественно, что она требовала менее всего сложных движений, менее всего потери времени и, главное, можно было с полной уверенностью уже чувствовать, что противник начал свое отступление за Вислу. Таким образом, снижение к югу нашего ударного тарана знаменовало бы собой удар по воздуху, потерю времени и вывод всей этой массы войск на самое труднопреодолимое Варшавское направление. В силу этих соображений командование фронтом оставило в силе данные армиям задачи и продолжало наступление".

Мы намеренно цитировали заключения автора, дабы их не искажать.

Указав на то, что по опубликованным ныне польским данным 6-го августа польское командование приняло решение об отходе, автор говорит: „мы с полной достоверностью можем засвидетельствовать, что Западный фронт был прав в своих действиях".

Северные армии с боями среднего напряжения, а XVI армия и Мозырская группа „легко, местами потеряв соприкосновение с противником", продолжала свое наступление и вышли 3 августа на линию Красныш—Маков—Вышков.

Приведенное выше автором расхождение взглядов в оценке обстановки на Буге между фронтом и Главнокомандованием заставляет нас подробнее остановиться на этом.

Как мы уже отмечали выше, северная группа армий начинала встречать „серьезное" сопротивление противника на местности, которая вполне способствовала этому. На фронте обнаруживались новые части из тыла и, наконец, XVI армия уже не могла переправиться на юге. Противник, как будто, хотел оказать решительное сопротивление нашему наступлению за Наревом и Бугом. Если это было так, то представился удобный случай нанести противнику еще раз поражение до Вислы, чтобы затем на его спине перескочить за эту Вислу и ворваться в Варшаву.

Таков был ход мышления Главного командования, по поводу коего и произошли переговоры по проводу, о которых говорит автор.

На странице 38 труда „Поход за Вислу" приведено соотношение сил, как оно учитывалось на Буге в Штабе Западного фронта. Из этого соотношения видно, что севернее Буга действовало поляков до 30.000 штыков и сабель, а южнее до 18.000 штыков и сабель. Однако, здесь нужно внести маленькую поправку, а именно: 1 и 3 резервные дивизии фактически были в слабом составе полков и даже едва ли в полном их числе, т.-е. нужно эти дивизии принимать не более 1.000 штыков, а не по 3.700, затем 8 и 1 Лит. Белор. дивизии действовали южнее Буга, равно как и бри-

гады 4 и 6 дивизий. Достоверность этого подтверждается приводимой схемой № 2, взятой из Французского военного обозрения № 9. Если подсчитать те изменения, которые нужно внести в группировку, то получится, что северная группа противника насчитывала 19.000 штыков и сабель, а южная (южнее Буга) 25.000 штыков (численность частей взята средняя по данным автора). Иными словами, группировка противника на Буге была близка к понятию ее Главным командованием.

Что это так, то француз Л. Ф. в своей статье „Варшавское сражение" (Французское военное обозрение № 9) указывает, что отход для новой перегруппировки должен был совершиться в два скачка. „Первый скачек произведен в ночь с 7 на 8; главные силы северных армий (курсив наш) должны были устроиться на линии Ливец, Седлец, Луков, Коцк, поворачиваясь около своего левого фланга (группа Роя). Во второй скачек, в ночь с 11 на 12, войсковые соединения переменили места для намечаемого сосредоточения. По счастливой неожиданности для польского командования вся перегруппировка прошла без инцидентов, за исключением группы Роя" (потеря ею Остроленки, Рожан, Цеханова и Пултуска).

То же описание находим в статье Джонстона „Операции под Варшавой в августе 1920 года" (Военный Зарубежник № 17—18), составленной, очевидно, по вышеуказанной статье Л. Ф.

6. Обмен мнений Главнокомандования с фронтом о Бугской операции.

Телеграммой 7 августа Главное командование указывало фронту, что: „не возражая в общем против Вашего дальнейшего плана действий, считаю необходимым обратить Ваше внимание, что с перегруппировкой 3 армий в район севернее р. Буга задача 16, повидимому, становится непосильной". Это усматривалось Главнокомандованием из-за остановки 16 армии на Буге и поэтому нужно было, чтобы: „при создавшейся обстановке XVI армия не должна оставаться хотя бы без временной помощи 3 армии в направлении, примерно, на фронт Седлец—Н. Минск, дабы правый фланг XVI армии мог свободно двинуться на фронт Седлец — Луков. Необходимость этого диктуется также и тем, что XVI армия пока не может расчитывать на помощь XII армии, которую по обстановке приходится главными силами сворачивать на Владимир-Волынск—Томашев. Также нужно учитывать, что при дальнейшем наступлении при Ваших разграничительных линиях XVI армии всегда будет угрожать Ивангородское направление".

Такова текстуально концепция плана Главнокомандования: 3 и 16 армии поворачиваются на юго-запад, на Иван-

городское направление; на помощь 12 армии рассчитывать нельзя; на севере, следовательно, растягиваются 4 и 15 армии.

8-го августа Главнокомандование телеграммой сообщило фронту, что „передача армии Югзапфронта, действующих на польском фронте, в Ваше управление уже решена", и намечало основы управления фронтом этой группой, отмечая в то же время, что: „указание Ваше на то, что быстрейшей передачей будут достигнуты более решительные действия, неправильны, так как Юго-Западный фронт абсолютно не тормозит Ваших решительных действий и, даже вопреки моих ожиданий, вовсе не отстал от линии Вашего фронта и, если Вы считаете, что на Вашем фронте действия недостаточно решительны, то я против этого не возражаю и приписываю последнее обстоятельство тому, что к Бугу мы подошли, не приняв соответствующей группировки и не учтя, что это все-таки достаточно серьезный рубеж, за который польская армия отступала в достаточной мере планомерно, приняв твердое намерение нас задержать на этом рубеже, что Вам было известно". Снова указав на то, что выгодно 3 армию спустить на юг, Главнокомандование повторяло: „для нас сейчас существенно необходимо молниеносным ударом разбить армию противника, прикрывшуюся Бугом, что нам даст больше выгоды, чем длительный и глубокий обход Вашего правого крыла". По мнению Главнокомандования, оставление на Юго-запфронте в центре заставляла нас снимать на юг 12 армию, а это давало возможность „оторвать его (Буденного) от лобового удара, в который он втянулся, для дальнейшего его направления в более выгодном направлении, которое к тому времени определится".

В тот же день произошел разговор по прямому проводу Главнокомандования с фронтом.

В разговоре фронт отмечал, что он всегда может: „по обстановке двинуть 15 и 3 армии примерно из района устья Нарева на юг".

Итак, 8 августа весь центр тяжести нашей группировки продолжал быть на севере. 12 армия Югозапфронта уклонялась на Юго-Запад, а 1-я конная армия находилась в 200 верстах по прямой линии от левого фланга Запфронта в тяжелом бою. Даже при благоприятных условиях, считая время на выход ее из боя, едва ли можно было расчитывать на прибытие нашей конницы в район Люблина ранее, чем через 10 дней.

Операция на Буге нашла свое завершение в разговоре главного командования с фронтом 10 августа, происшедшем перед отдачей директивы фронтом для решительной операции по овладению Варшавой [1]).

[1]) Во всех приводимых документах нами должностные лица указываются по должностям, а не по фамилиям.

Прежде всего Командование фронтом отмечало, что: „С 3 по 9 августа противник с 50.000 штыков и сабель возрос на нашем фронте до 70.000 частью за счет тылов, частью за счет Югозапфронта". „Для создания прочного левого фланга" командование считало нужным усилить его одной дивизией за счет 12 армии, так как: „в связи с усилением польской армии" не хотело „форсировать Вислу двумя группами и потому 16 армии приходится группироваться к северу". В подтверждение необходимости такого решения командование фронтом указывало, что: „главные силы поляки определенно стягивают к фронту 4, 15 и 3 армий, а на всем фронте вообще принимают к северо-западу, в частности, и с юго-западного фронта к нашему".

В ответ на это Главнокомандованием было указано, что, если „противник и усилился, то только на р. Буге" и, если бы фронт задался „разбить живую силу противника, то такого усиления не могло бы быть, так как все усиление идет за приведение польских частей в порядок" и фронт „дал ему на это время". Пусть: „главная масса на фронте 3, 4 и 15, но дело не в армиях, а в том, что главная масса пущена севернее Буга по относительно пустому пространству, а с главной массой (противника) пришлось драться только 16 армии, так как части 3 армии — только одна 56 дивизия переправилась через Буг, увлеклись направлением севернее Буга. Как результат такого решения очевидность — 70.000 противника суждено встретить на Висле, тогда как мы могли бы на линии Буга их также потрепать, как это удалось сделать на Березине".

Указав на то, что является неясным, почему поляки начали общий отход, как было сообщено фронтом 9 августа, Главнокомандование высказывало взгляд, что с этим отходом: „наша обстановка ухудшится, так как мы упустили момент разгромить его (противника)" и на соображения фронта о форсировании Вислы „было бы интересно знать соображения, как (фронт) думает разгромить противника к востоку от Вислы, дабы за Вислу отошли лишь остатки".

На это со стороны командования фронтом снова было подчеркнуто, что главные силы противника (40.000) севернее Буга и: „поэтому наступая главными силами севернее реки имелось целью именно разбить эти силы, но после поражения на Нареве противник определенно ускользает от ударов". Оценивая задержку на Буге, как результат ошибочной разброски 16 армии, фронт говорил: „было ясно, что противник не даст генерального боя до Вислы и для фронта логически ясен отход противника от Буга. С этим надо считаться и обольщать себя надеждой разбить его восточнее Вислы нельзя и, как это ни неприятно, приходится признать, что глав-

ние бои будут на Висле", а потому фронт не может: „напрасно снимать 3 армии". Отметив, что перед 16 армией противник: „определенно отступает, почти не оказывая сопротивления ее левому флангу", фронт далее перечислил те части противника, кои показались у него с Юго-запфронта (части 3 рез. бригады, 13 и 18 пех. дивизий и кав. части). „Словом, главные силы противника отступали севернее Буга, противник по всем признакам не желает давать генерального сражения, имея в тылу Вислу, и обнаруживаются усиления противника с Юго-запфронта к нам"—так заканчивал разговор фронт.

Указав на то, что поляки усиливаются запасными частями, что группировка противника более детально известна фронту, хотя с этим, по имеющимся в Штабе Главнокомандования сведениям, нельзя согласиться и что отход поляков вызван нависанием правого фланга фронта, Главнокомандование предоставляло фронту: „свободу действий, но оставляю задачу скорейшего разгрома польских сил без увлечения глубокой стратегией, так как опасаюсь, что у нас не будет времени, необходимого для такого рода решений".

Попутно отметим, что в этом же разговоре фронт докладывал об открытии в тылу железнодорожного движения до Бреста, а на севере „должны были открыть Белосток".

Как мы указывали выше, автор труда „Поход за Вислу" вкратце осветил эти „разногласия" в операции на Буге. Нами же они развиты, так как выявляли различные точки зрения в военном искусстве.

7. Обмен мнений между Фалькенгайном и Гинденбургом летом 1915 года.

Обратимся на некоторое время к военной истории и проведем маленькую параллель из эпохи, близкой этим же событиям.

Во время оно, не так давно, жил некий бытописец и рассказчик веселых картин из жизни человеческой — некто Горбунов, известный, конечно, всем. Так вот этот занимательный субъект, увеселявший своими сценами наших предков, указывал, что на поверхности земли существуют такие „гиблые места", на которых „кажинный раз на эфтом самом месте" происходят неприятные для человека вещи.

Таким „гиблым местом" и является пространство между средней Вислой и Западным Бугом.

Ровно пять лет назад от описанного выше события из истории „Похода за Вислу" летом 1915 года из-за этого пространства земли происходили „разногласия" между

Начальником Генерального Штаба Германской армии г. Фалькенгайном и командованием Восточного фронта в лице Гинденбурга и Людендорфа.

Событие это волновало не только участников в дни напряженных боев, но занимает не менее ныне историков мировой войны из германского лагеря и в такой мере, что в полемике по этому вопросу приняли участие как сами участники в своих мемуарах, так и многочисленные сторонники той или иной стороны, выступающие уже только с перьями в руках в защиту того или иного лагеря.

Да не подумает читатель, что в 1915 году немцы наступали к Висле с востока, а русские оказались тылом к западу. Нет, мы попросим повернуть карту разыгрывавшихся тогда военных событий на 180 градусов и только тогда можем говорить о какой-либо приблизительной, конечно, аналогии, так как вообще не считаем возможным полной аналогии в военных событиях. Особенно трудно искать аналогию в примерах мировой и гражданской войн по несоразмерности тех сил, кои принимали участие в обоих из них.

Предупреждаем, что не будем вдаваться в детали изложения всех тех перипетий, которые происходили у Германского командования по поводу этого „гиблого места", так как это завело бы нас очень далеко. Интересующихся этим вопросом отсылаем к трудам Фалькенгайна, Гинденбурга, Людендорфа, Форстера и другим (кстати сказать, очень хороший труд Форстера — „Граф Шлиффен и мировая война" — оказался не включенным в тот поток переводной литературы, который заполнил наш военный печатный рынок. Повидимому, удел нашего поколения писать и читать лишь мемуары).

Итак, весной 1915 года после разгрома русских армий на Карпатах и взятия германцами Львова (22 июня 1915 г.) перед германской Ставкой вставал вопрос о плане дальнейших операций на восточном фронте. Несмотря на то, что, по мнению Фалькенгайна: „на ближайшее время русские не представляют угрозы для немецких войск", боеспособность австро-венгерских армий была понижена настолько, что можно было опасаться усиленного по ним контр-удара усиливающихся русских, „главная масса" которых „находилась между Вислой и Бугом" перед наступающими из Галиции союзниками (4 австр. и 11 герм. арм.).

„При таком положении дел было ясно, что о прекращении операций на востоке не могло быть пока и речи".

„С другой стороны имелись серьезные основания не вести этих операций в таком духе, чтобы они могли затянуться до бесконечности, не говоря уже о том, что такого рода ведение дел стояло в резком противоречии со взглядами верховного командования на ведение войны вообще".

Положение Центра Германского фронта показано на прилагаемой схеме № 3.

Выступление Италии, намечавшаяся уже операция на Балканах, готовящееся наступление французов и англичан на Западном фронте — „все эти соображения побудили верховное командование продолжать операцию на восточном фронте с ограниченной целью", говорит Фалькенгайн.

Усилить восточный фронт значительными силами за счет других фронтов не представлялось возможным, и самое большее, что можно было послать на Восток с западного фронта, были 2 пехотных дивизии.

Уже 15 июня небезызвестный ныне Сеект, тогда Начальник Штаба 11 Германской армии Макензена, предложил после взятия Львова начать решительную операцию против фронта Варшава—Брест, чтобы разгромить Западный и Северо-Западный фронт противника. „Прекрасная мысль. Но?"— заметил Фалькенгайн, и тогда Сеект развил свою идею, предложив атаку русских с юга на линию Ивангород—Влодава.

Предложение было принято. Возникал вопрос сковать русских на чисто германском фронте, где противник превосходил силы русских не менее, как на $^1/_3$. „Конечно, все победы, до сих пор одержанные над русскими, достигнуты были при не более благоприятном соотношении сил, и все же нельзя было оставлять, что приведенное соотношение делало помощь северного фронта в пользу намечаемых операций на юге неудобной"—так мыслил Начальник Генерального Штаба.

В это время в Штабе Восточного Германского фронта также строился план будущих операций, предложенный ближайшим помощником Людендорфа—Гофманом.

Людендорф в своих „Воспоминаниях" пишет так: „Мы, конечно, с большим напряжением следили из Летцена за событиями в Галиции и рисовали себе картины дальнейших энергичных операций против русских... Как ни чувствительно было для русских их вынужденное фронтальное отступление в Галиции, оно все же не было решающим для исхода войны". Разбирая различные возможности удара германского фронта, Людендорф приходит к выводам: „Можно было попытаться соединить в отдельный отряд 9 или 10 дивизий группы Гальвица, которая за это время была преобразована в 12 армию и использовать их для удара против нижнего течения Нарева, но в сущности мы не ожидали от такой комбинации многого. Было несомненно, что в лучшем случае русские сперва окажут сопротивление, а потом отойдут, как они это сделали в Галиции". Удар на Осовец—Гродно или даже на Ломжу мог бы привести к решительным результатам, но был труден по местным условиям. „Всякая другая операция, произведенная дальше к северу, была бы слишком удалена от важного для

нас района к юго-востоку от Гродно“ — „пришлось бы особенно стремиться к оттеснению неприятельского фланга в направлении на Вильну—Минск“.

„Значительно выгоднее было бы взять Ковно 10 армией с запада, с одновременным окружением его с севера Неманской армией (Лауенштейна), так как с падением этой крепости, являвшейся краеугольным камнем русских неманских укреплений, нам открывалась дорога на Вильну и в тыл главным силам русских войск, которым пришлось бы сделать большой скачек назад“. Такое готовилось предложение Гинденбурга—Людендорфа в Ставку.

Уверенность в принятии этого решения последней в штабе фронта была велика и начались приготовления к операции против Ковно.

Однако, Ставка думала иначе. „Начальнику Генерального Штаба эти соображения показались неубедительными“, пишет Фалькенгайн. Фронт можно было усилить только двумя дивизиями. „Очевидно, Главнокомандующий Восточным фронтом при этом имел в виду подвоз дальнейших сил с других театров. К сожалению, в данное время это было невозможно“, не хватало сил и кроме того: „независимо от этого, перевозка сил сюда, в Литву, потребовала бы столь много времени и с таким трудом могла быть скрыта от русских, что последние, конечно, своевременно приняли бы нужные контр-меры. В результате, вероятно, получилось бы то, что на Галицийском фронте, где нужна была безусловная обеспеченность, создалось бы неустойчивое положение, а в Литве, может быть, был бы достигнут тактический успех местного значения. Большего нельзя было ожидать“.

„Верховное командование совсем не устраивал местный тактический успех, а в особенности, если он, как и было в данном случае, вызывал риск распыления в эксцентрическом направлении и мог привести только к дальнейшему растягиванию сил. Поэтому для Верховного командования дело сводилось только к такому успеху, который прежде всего оказал бы свое воздействие на главную операцию“.

„Поэтому, когда Главнокомандующий Восточным фронтом, при личных переговорах по этому вопросу 2 июня должен был признать, что вопрос о том, атаковать ли на Наревском участке или севернее Немана, был скорее делом чувства предложение было отклонено“.

„Он получил директиву приказать армейской группе Гальвица 12 июня прорвать русские позиции на Нижнем Нареве по обе стороны Прасныша и для облегчения группы Макензена произвести наступление на Буг. Что при этом надлежало стремиться отрезать войска, находившиеся на Висле и перед Макензеном, было очевидно“. На эту операцию должны

быть брошены все силы, которые возможно было собрать „и пока последняя не была бы проведена, все остальные предприятия, исключая задач по непосредственному обеспечению, должны были быть приостановлены, в том числе и операция на севере".

Удар „восточным победителям" (Гинденбургу и Людендорфу) был силен и тщетно Гофман, по его воспоминаниям, ждал условленного знака Людендорфа 2 июня из Познани, чтобы отдавать уже заготовленные распоряжения об операции на Ковно, в принятии которой Вильгельмом уже не было сомнения ни у кого из „восточников". Только после обеда позвонил Людендорф по телефону и отдал приказание все задержать, „выходило другое, чем мы предполагали", говорит Гофман.

„Верховное командование расчитывает уничтожить этой операцией часть русских войск, удержавшихся еще в Висленской излучине. Я был, следовательно, вынужден отказаться от моих проектов, но надеялся, что задуманная мною операция все-таки удастся, когда генерал Гальвиц достигнет Нарева и тоже перейдет к фронтальному преследованию: и тогда еще эта операция могла бы быть вполне своевременной".

„Выполняя указания верховного командования, мы самым тщательным образом приготовлялись к переправе через Нарев",—продолжает Людендорф и ниже, говоря о расхождении в мыслях с Фалькенгайном, поясняет, что оно было „очень естественное при наших самостоятельных характерах, но в то же время наложившее на меня обязательство особенно тщательно выполнять планы, не соответствовавшие моим воззрениям".

Однако, это было все же не так и командование восточным фронтом все время тянуло в свою сторону. Между тем уже в ближайшие дни после начала операции Галицийским фронтом на нем создался кризис вследствие контр-атак русских и „лишь с некоторым трудом удалось преодолеть кризис",—пишет Фалькенгайн.

Несмотря на все заманчивые перспективы, которые развивал Гинденбург, обещая крупный успех на севере, „начальник генерального штаба оставался при своем взгляде, что все, какие еще были возможны усилия, как раньше, так и впредь, должны быть направлены к тому, чтобы поддержать главную операцию восточнее Средней Вислы... все направить на проведение операции в намеченном смысле, т.-е. сдавленные восточнее Вислы русские массы разгромить, насколько это возможно. Для этого необходимо всеми средствами толкать вперед Наревскую группу на правом берегу Буга". Таково было твердое решение Фалькенгайна.

Ставкой был выдвинут вопрос о дальнейшем ослаблении 9 фронтальной армии и усилении, наоборот, Гальвица. Гинденбург не находил это возможным, а если бы это и было допустимо, то силы он предпочел бы обратить против Ковно. „Во внимание к этому суждению верховное командование отказалось от выполнения своей мысли. Оно не считало удобным в этом случае при существующей обстановке вторгаться в распоряжение частного начальника, хотя его соображения командованию и не казались обоснованными. К тому же события на Висле развивались так быстро, что в действительности еще возникало сомнение, насколько имеет смысл направлять дивизии в Наревскую группу. Можно было только сожалеть, что это не было сделано уже раньше" — говорит Фалькенгайн.

Мы не приводим здесь описания наступления немцев, оно, как известно, встречало упорное сопротивление русских как на Нареве, так и на южном фасе.

„Еще 9 августа имелась, казалось, прочная надежда, что удастся помешать прорваться к востоку большим русским силам, стесненным в пространстве Нарев—Висла—Вепрж—Влодава, и уничтожить их",—пишет Фалькенгайн. От Конрада поступило предложение усилить правое крыло Макензена и развить операции к востоку от Буга, но это было уже поздно, так как (13 августа) „противнику, очевидно, удалось своевременно извлечь свои главные силы из опасного для него района. В этом ему помогла сохранившаяся у него оперативная свобода и пространство к северо-западу и севера от Брест-Литовска, в то время, как 12 армия, направляясь через Бельск, старалась бы ударить во фланг и тыл оттесненных частей. Время для передвижения крупных частей или подготовки к далеким охватывающим движениям уже было упущено. В этом духе и даны были союзными высшими командованиями соответственные указания. Этим в известном смысле было признано, что только что выполненные операции не достигли своей цели"—таково признание Фалькенгайна.

„Как я ожидал, продвижение союзных армий по Польше к востоку от Вислы выражалось во фронтальном преследовании с непрерывными боями, все наши попытки окружить русских оставались тщетными и русская армия сравнительно благополучно уходила под нашим натиском"—этими словами расценивает Людендорф операции этого периода.

В дальнейшем последовало согласие Ставки на операции на севере, так давно лелеянные Людендорфом и закончившиеся на линии Рига — Двинск — Сморгонь — Барановичи к осени этого года.

Людендорф делает такую оценку всего этого похода: „Летняя кампания в России окончилась. Русские были разбиты

и отброшены по всему фронту, и только операция у Ковно не дала особенно крупных результатов в виду того, что она запоздала, на Вилии противник также сумел предотвратить грозившую ему опасность, если же бы он стоял на несколько переходов к западу, ему это не удалось бы".

„Ни на востоке, ни на западе нам не удалось в течение всей войны довести до конца большой стратегический прорыв со всеми его последствиями и прорыв между Вильной и Двинском в этом отношении является наиболее удачным. Он доказывает, что лишь следующее за стратегическим прорывом тактическое окружение придает ему настоящее значение".

Мы обязаны выслушать суждения и противоположного лагеря. Нужно отметить, что переговоры о „разногласии" между Ставкой и восточным фронтом продолжались все время, но 13 августа в обмене мнений ярко выявились обе противоположные точки зрения.

Гинденбург — Людендорф указывали, что: „операции на востоке, несмотря на прекрасное проведение Наревского удара, не привели к уничтожению противника. Русские, как и нужно было ожидать, вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении". Указав на опасность, угрожавшую слабому левому крылу, командование восточным фронтом просило об усилении его и заканчивало так: „Я подчеркиваю еще раз, что в наступлении моего левого крыла против тыла и сообщений противника я вижу единственную возможность его уничтожения". „Такое наступление, вероятно, еще и теперь является единственным средством избежать нового похода, если только это уже не поздно".

На это начальник генерального штаба отвечал:

„Уничтожение врага никогда не ожидалось от текущих операций на востоке, а только решительная победа, отвечавшая целям верховного командования. Уничтожение в целом и не должно в данном случае делаться предметом достижений, так как нельзя задаваться целью уничтожить врага, значительно превосходящего в силах и стоящего фронтально против вас, раз он располагает прекрасными сообщениями, достаточным временем и безграничным пространством в то самое время, как вы сами вынуждены оперировать в бедных путями районах, имея в своем распоряжении очень ограниченное время".

Указав: „что противник, однако, для наших целей уже разбит" и приведя к этому доводы, Фалькенгайн добавляет: „конечно, операция, вероятно, протекала бы еще решительнее, если бы было возможно одновременно с нею нанести удар через Неман. Но верховное командование не располагало для этого никакими силами, а ваше превосходительство считали

применение немецкой армии в Курляндии более необходимым. Этим высказывается не осуждение, а только отмечается факт".

„В этом обмене бумагами содержалось все, что тогда можно было сказать по поводу событий. Ныне, однако, эта переписка нуждается в дополнении. Едва ли может подлежать сомнению, что в действительности дело и дошло бы до „уничтожения" русских масс на Висле, вернее до еще более решительного их разгрома, чем тот, которому они подверглись, если бы было решено немецкой Наревской группе придать еще в начале операции все те части, которые только можно было назначить... Если бы Наревская ударная группа начала свое наступление не с 14 дивизиями, а с 20, то в высокой степени вероятно, что она была бы в силах помешать значительным частям противника вырваться из клещей".

„Поэтому было ошибкой, что такое усиление не состоялось. Причину этого, как это выясняется из обстоятельного для этой цели произведенного расследования событий, приходится искать только в том, что не удалось достигнуть единого понимания обстановки как руководящей, так и исполняющей инстанцией. Так как мысль, лежавшая в основе операций на востоке, требовала прежде всего самого полного сосредоточения всех имеющихся в распоряжении сил, в качестве средств главной операции, то непозволительно было допускать, чтобы хотя один человек, по каким бы это соображениям не делалось, был оторван от нее".

„Если австро-венгерское главное командование должно было в первую очередь считаться в своих распоряжениях с общим ходом дел, то, несомненно, часть ответственности за то, что это не имело места, лежит на начальнике генерального штаба. Его задача сводилась к неустанному сведению частностей в одно целое и к обеспечению последнего даже там, где, как в рассматриваемом случае, перед начальником генерального штаба вставали личные затруднения исключительного характера".

Много их пришлось пережить начальнику генерального штаба. Упорные в проведении намеченного плана Гинденбург — Людендорф можно сказать уже зарвались, когда во время Виленской операции Фалькенгайн потребовал отправки части сил на западный фронт, где наступление союзников требовало настоятельной помощи.

Такое „посягательство" Ставки вновь вызвало „обмен мнений", как говорится об этом у Фалькенгайна, при чем этот „обмен мнений" носил уже резкий характер, но так как он касается Бугской операции, то мы для полноты считаем необходимым привести из него выдержки.

Отказываясь послать дивизии, Гинденбург 7 октября писал: „Я всегда считался с общей обстановкой, жертвуя

многими частями со своего фронта... Тот факт, что дальнейшее снятие с фронта дивизий наталкивается на затруднения, является результатом облюбованного летом способа вести операции, который, не смотря на благоприятно складывающуюся обстановку и вопреки моих настоятельных предупреждений, не мог смертельно поразить русских". Далее очертив обстановку, не позволявшую ослаблять фронт, что могло повести к катастрофе, Гинденбург заканчивал: „Я прошу доложить его величеству мое понимание обстановки".

Фалькенгайн в своем труде пишет: „При всем уважении к личности главнокомандующего, с именем которого у немецкого народа связана была танненбергская победа, и к тому настроению, которое могло переживаться в его штабе по истечении операций в районе Вильны Начальник генерального штаба не смел оставить изложенных об'яснений без решительного ответа. Он гласил:

„Как бы я сильно не сожалел, что ваше превосходительство без всякого повода, именно, в текущий момент, сочли подходящим для обсуждения прошедших и потому в настоящее время не имеющих значения событий, столь же мало стал бы я опровергать ваши соображения, если бы только они касались меня лично".

„Но так как дело сводится, между прочим, также и к критике распоряжений верховного командования, каковые во всех важных случаях находили, как известно, предварительное одобрение его величества, то я, к сожалению, вынужден это сделать".

„Примыкает ли ваше превосходительство ко взглядам верховного командования после того, как последовало высочайшее решение, не является уже предметом рассмотрения. В этом случае каждая часть наших вооруженных сил должна, безусловно, сообразоваться с верховным командованием".

„Отдача сил во время войны с вашего фронта туда, где должен быть произведен нажим, не является каким-либо особенным трудом, так как она последовала по распоряжению верховного командования, которое одно может нести за это ответственность"...

„Какое оперативное решение ваше превосходительство имеете в виду при попытке заклеймить его именем „облюбованного летом способа вести операции" мне не ясно".

„Усиление Наревской ударной группы, вероятно, не может при этом иметься в виду, так как ваше превосходительство сами в Познани признали, что это было скорее вопросом чувства, останавливаться ли на Наревской или Неманской операции. Но после богатого опыта последней зимы я не могу в своих проектах опираться на чувства других, а лишь

исключительно на мое собственное убеждение, которое считало Наревскую операцию целесообразнее".

„За этим могло последовать отклонение вашего более позднего предложения усилить левое крыло вашего фронта частями Макензена и Войрша. Ведь оно было построено на двух предпосылках, которые оказались совершенно необоснованными".

„Сегодня я не побоюсь сказать, что вступление на путь этого проекта было бы для нас гибелью".

„Непосредственное подтверждение этого заключается в том неопровержимом факте, что, приняв проект, мы никогда не были бы в состоянии притянуть сюда силы, которые для поддержки Западного фронта безусловно необходимы"...

„Косвенное доказательство в пользу моего взгляда я вывожу из хода операций юго-восточнее Вильны. Случилось именно то, чего я боялся и что я предсказывал. Нельзя рассчитывать смертельно поразить в целом путем охвата численно превосходного противника, который, не считаясь с жертвами в людях и территории, не желает останавливаться и к тому же за собой имеет огромную Россию и хорошие пути. И прежде всего не путем охвата на главной линии, при котором большая часть собственных сил во время маршей не принимает в борьбе участия. Нужная для успеха внезапность, как не раз показала эта война, никогда не удается в столь больших размерах, чтобы противник не мог своевременно принять контр-мер"...

„Если я, не смотря на такое отношение к вашим операциям, все же не предлагал его величеству вмешиваться в таковые, и даже всячески их поддерживал, то это надо отнести к тому обстоятельству, что я уважаю убеждение всякого другого, пока они держатся в данных им рамках и, значит, не грозят вредом целому, и еще потому, что нельзя с математической точностью предвидеть исход какой-либо операции, если она будет поведена с той энергией, которая там постепенно проявляется".

„ О возражениях, которые ваше превосходительство выдвигаете по поводу перевозок двух дивизий, я доложу его величеству. Доводить же остальные пункты вашей телеграммы до высочайшего сведения я вынужден отказаться, так как теперь время не для исторических, по существу, рассуждений и, во всяком случае, не ими в эти серьезные дни я буду занимать внимание верховного вождя".

К этому Фалькенгайн в своем труде добавляет: „Решение императора свелось к тому, чтобы две дивизии, как это намечалось начальником генерального штаба, были отданы".

Мы намеренно остановились на этой любопытной исторической справке, так как в ней вырисовываются и два взгляда на стратегию и два метода управления, не говоря о тех трениях, кои происходили в хорошо организованном управлении германской армией—это интересует нас меньше. Придерживались же мы текстуальных выдержек из оценки событий действующими лицами, дабы сохранить историческую ценность и не исковеркать ее своим толкованием и изложением.

Не будем здесь вдаваться в подробный разбор того, кто прав или виноват из германских военноначальников, так как по этому поводу можно исписать многие страницы, что и делается ныне в германской военной литературе, разделившейся на два лагеря, при чем, стан начальника генерального штаба очень невелик, причины чего укажем ниже.

Итак, разница во взглядах обоих полководцев империалистической войны заключалась в нижеследующем.

Фалькенгайн не искал уничтожения всего противника в целом на русском фронте и вел здесь войну с ограниченной целью, чтобы надолго вывести русских из строя, а затем развивать операции на других фронтах. По мнению же Гинденбурга—Людендорфа следовало на востоке искать уничтожения противника, принудить его к миру—„поставить на колени", как любит выражаться в своих мемуарах сия „пара". Не нужно доказывать, что развязка войны лежала на западе, а не на востоке.

Учитывая, что русские превосходят союзников в силах и имеют за собой пространство, по которому могут маневрировать, Фалькенгайн не задается „глубоким охватом"—„Каннами", для всей русской армии, а ведет операцию против „главных сил", расчитывая их разбить и потрепать настолько, чтобы равновесие в силах не могло быть скоро восстановлено. Он ищет частных „Канн". К тому же и боеспособность австрийцев не дает ему уверенности, что они выдержат контратаки русских, пока „глубокий охват" Гинденбурга будет развиваться. В этом он оказывался прав—4-я австрийская армия не выдержала контр-удара от Люблина. Эти соображения приводят его на „гиблое место" между Бугом и Вислой, к плану Наревской операции, подсказанному Сеектом.

Гинденбург с Людендорфом, а также и ближайший их сотрудник по оперативной части Гофман думают иначе. Перед ними рисуется заманчивая картина, огромных по размерам, „Канн", мысль стремится шаблон „Танненберга" перенести на всю массу русской армии, перед глазами встает униженный призрак поставленного „на колени" противника. Полная и блестящая победа—имена героев надежно вписываются в анналы истории, а потомство строит им превосходные памятники. Какие чудные видения! Что же для этого нужно?—

сосредоточение ударной массы на севере, удар по Ковно на Вильну, затем на Минск... и русская армия уничтожена. Весь вопрос—где силы? Об этом мало задумываются в штабе Восточного фронта—их прежде всего даст Ставка, она обязана это сделать для таких громких имен, как Гинденбург и Людендорф, а затем можно взять часть своих, а так же и австрийских. Все должно быть брошено на восток. А другие фронты?! Об этом нет дела „солдатам“ в генеральском мундире.

Не будем доказывать, что „Канны“ с недостатком сил против русских армий были химерой. Опыт Марны был в памяти Ставки и Фалькенгайн глубоко прав, когда заявил Гинденбургу, что: „После богатого опыта последней зимы, я не могу в своих проектах опираться на чувства других, а лишь на мое собственное убеждение“. Ответственность за общий ход операций лежала на нем и он имел право надеяться на свою „интуицию“.

Нам скажут, что русские благополучно ушли из „гиблого места“—вот это составляет основу спора. Если бы Гинденбург бросил больше сил на фронт своей 12-й армии, то случилось бы это, или нет—сказать ныне нельзя, но наше мнение, что безусловно не случилось бы. Автору этого труда приходилось близко наблюдать эту операцию, состоя в штабе главнокомандующего русского Северо-Западного фронта, правда, на малой штабной должности, но связанной с ведением операций. Мы утверждаем, что успех безусловно был бы крупный.

Итак, стратегия Фалькенгайна была реальной, шла от жизни, а не от философического умозрения химерных планов, которые были не по силам немцам в слагавшейся тогда обстановке.

Невольно возникает вопрос, почему же начальник генерального штаба не вмешался властно в „облюбованный способ вести операции“ Гинденбургом—„Канны“, на это ответ дан самим Фалькенгайном. Он не считал возможным вмешиваться в дело других, уважал „убеждения всякого другого, пока они держатся в данных им рамках“, „за невозможностью с математической точностью“ предвидеть исход какой-либо операции, которая к тому же протекала быстро. Нельзя командовать массовыми армиями из кабинета, распоряжаться каждой дивизией, не предоставляя свободы выполнения задачи подчиненным начальникам в круге их деятельности.

На этом мы кончаем наш краткий разбор. Он слишком краток. Мы хотим только немного остановиться на литературе об этой операции. Как уже указали выше, она разделилась на два лагеря. Большинство немецких авторов на стороне Гинденбурга—Людендорфа, высказываясь за то, что план этого полководческого супружества был осуществим. Так Форстер в своей книге „Граф Шлиффен и мировая война“

приводит цитаты Шлиффена, который в мемуарах 1892 года пишет про Наревскую операцию: „Удайся прорыв (через Наревскую линию), то все же противник будет отступать не на юг, чтобы попасть в руки австрийцам, но на восток, где он найдет конечные станции своих железных дорог, на которые он базируется. Мы не достигнем решительного сражения и разгрома русской армии, но только фронтального сражения с противником, отход которого во внутрь государства будет свободен". Опираясь далее на мнение того же Шлиффена, что для больших сил, как армия, трудно парировать охват, Форстер приходит к выводу, что, если бы операции летом 1915 года велись немцами в „шлиффеновском духе", т.-е. Макензен с юга, по предложению Сеекта, наступал бы восточнее Буга, а Гинденбург на Вильну, то ужасные „Канны" для русской армии были бы неоспоримый факт.

Мы скептически относимся к сему предсказанию после времени, учитывая, что почтенный автор всюду стремится притянуть Шлиффена с его уничтожающими „Каннами", хотя бы они не соответствовали обстановке. „Безусловно приходится отвергать мысль о методе, который покушался бы давать готовые, точно машинные, планы войн или кампаний", учил Клаузевиц и, чего не хочет признавать его соотечественник Форстер.

Стратегию Фалькенгайна не понимают не только в Германии, но и в других странах. У нас последние два номера „Военной мысли и революции" заняты выяснением „гримас стратегии", а редактор перевода труда Фалькенгайна: „Верховное командование" приписал достоинства „стратегов" (стр. 121) Гинденбургу (Людендорфу), а Фалькенгайна признали „чистым тактиком... лобовиком".

Судить по германской современной литературе о Фалькенгайне нельзя, так как большинство не на его стороне, да к тому же он сам по себе был человек, который не афишировал себя, не искал популярности, как Гинденбург с Людендорфом.

Про Гинденбурга известный немецкий военный историк Фрейтаг-фон-Лорингофен в своей книге: „Люди и обстоятельства, как они мне представлялись" пишет так: „При одном из своих позднейших посещений Берлина, Гинденбург, который уже некоторое время был начальником штаба верховного, обратился ко мне и высказал надежду, что, когда я позднее буду писать про войну, то бывший главнокомандующий Восточным фронтом (Гинденбург) не будет при этом выставлен в дурном свете". Лорингофен видит причину этого в том, что Гинденбург видел в нем бывшего сотрудника Фалькенгайна. Мы же видим лишь одно, что Гинденбург желал тогда и ныне желает видеть историю войны, в которой была бы сказана: „Правда, одна правда, но не вся правда".

Вот что говорят менее заинтересованные люди о Фалькенгайне. Дюпон, нельзя забывать, ярый враг немцев, в своей книге: „Высшее германское командование“ (стр. 14) говорит: „Судя по тому, как описывают его недоброжелатели, Фалькенгайн высказал в опале большое чувство собственного достоинства. Его воспоминания обнаруживают гораздо больший ум, чем у его соперника Людендорфа и у других германских генералов—ф.-Клука, ф.-Бюлова, самозащита которых, их не очень возвеличивает. История, ставя всех на свое настоящее место, возвеличит Фалькенгайна“.

Поэтому, не советуем навешивать преждевременно, на основании суждений историков, вербуемых ныне в Германии Гинденбургом, бывшему начальнику генерального штаба Фалькенгайну ярлык „чистого тактика“... „лобовика“, а Гинденбургу приписывать высокие качества „стратега“. По крайней мере это преждевременно..., а для дела вредно.

Мы не собираемся приглашать читателя в арбитражную комиссию по делу германских генералов 1915 года—это выполняется за нас в Германии.

Наоборот, берем извинение за то ненормальное положение, в котором мы так долго держали читателя, т.-е. перевернув его мышление на 180 градусов. Возвращаемся снова к „походу на Вислу“, но не с запада на восток, а, наоборот, с востока на запад.

8. Оценка Бугской операции.

Для ясности мы должны заглянуть, что происходило в действительности у бело-поляков. Француз Л. Ф. (Французское военное обозрение № 9) так рисует положение на Буге: „Сражение на Буге является переходной стадией развития операции. На этот раз сражение развертывается на фронте от Брест-Литовска до Дрогичина. Полесская группа и 4 армия упорно удерживались, отбросив часть красных войск, перешедших реку. Но на главном направлении Белосток—Варшава противник продолжал развивать свой успех. Польское командование не имело времени ни изменить группировку сил, ни организовать сражение, явившееся непосредственным продолжением отступления. Моральная устойчивость войск продолжала быть глубоко нарушенной. Одним словом, от случайного столкновения нельзя было ожидать победы. Тогда маршал Пилсудский решил сразу изменить развитие операции, исход которой к 6 августа обещал быть благоприятным. К этому числу обстановка была следующая“.

„Северный фронт, от Бреста до Прусской границы, за несколько дней до 6 августа принял в командование Г. Гал-

пер. В состав фронта входили 4 следующих соединения, расположенных с севера на юг: группа Роя, 1 я армия, 4-я армия, группа Сикорского (Полесская)".

„Эти армии были образованы, главным образом, из частей, отступавших с начала июля и разнообразных пополнений, быстро подведенных и слабо обученных. Все производило впечатление крайнего беспорядка. Усталость была огромная. Всюду бойцы рассеивались и оседали в обозах, а одиночные отсталые наводняли обозы. В моральном состоянии людей отмечалась покорность судьбе и инертность, даже приближение к столице не пробуждало в них сознания важности напрячь все силы. Однако, следует отметить, что познанские дивизии 4 армии (15 и 14) и войсковые соединения группы Сикорского сумели сохранить взаимную связь и боеспособность; это были части, могущие еще маневрировать".

Указав на то, что с южного фронта были переброшены 1, 3 и 18 стр. дивизии (по статье Артишевского—тактические уроки из истории польских войн 1918—1921 гг.—„Военный Зарубежник" № 20—21, 18 стр. дивизия „6 августа была сменена частями 6 дивизии для переброски ее на Северный фронт", т.-е.: 1) 18 дивизия участия в боях на Буге не принимала, а 2) 6 дивизия в половине своих сил оставалась на Юго-западфронте) в полном порядке, Л. Ф. отмечает: „Польское командование все же располагало резервами, правда, собранными слишком поздно: 18-я пех. дивизия перебрасывалась с южного фронта; 11-я пех. дивизия пополнялась в районе Ралзимина; 7-я Познанская резервная бригада переформировывалась в Зегрже; Сибирская бригада в Скерневицах".

„Но все эти части могли принять участие в операции только спустя несколько дней. Кроме того, польские армии, отступая вглубь страны, подошли к своим запасным частям, где имелись пополнения. Учитывалась возможность влить к 10 августа в армии Северного фронта около 25.000 бойцов, частью выделенных из запасных частей, частью из добровольческих формирований. Наконец, в тылу польских армий создавались укрепленные позиции, в которых они могли найти поддержку. Предмостные укрепления Варшавы должны были быть 12 августа закончены и заняты гарнизонами".

„Словом, красные достигли высшей точки напряжения сил, но вместе с тем, эти силы пришли к концу. Поляки находились в результате следовавших одно за другим поражений, в критическом положении, но могли рассчитывать, в относительно короткий срок, на серьезное увеличение сил и средств".

Пилсудский решил отступить с Буга, перегруппировываясь для решительной операции, о чем речь будет ниже.

Польский автор Растворовский в статье: „Бои 1920 года за Брест-Литовск“ („Военный Зарубежник“ № 10—11) пишет следующее: „Падение Бреста в первых числах августа произвело подавляющее впечатление не только среди польского населения, но и в военных кругах. Все предполагали, что польские войска при своем отходе задержатся на линии Буга и Нарева, и что новый фронт будет базироваться именно на крепость Брест, главным образом, на ее сильное предмостное укрепление. Впечатление, произведенное взятием крепости красными войсками, еще усилилось, когда распространились слухи, будто бы Брест был сдан без выстрела, а огромные склады и большие запасы снарядов были частью уничтожены, частью попали в руки Красной Армии. Огромная работа и быстрота событий не позволили в то время точнее информировать в прессе или в военных органах о ходе боев под Брестом“.

Этот действительный ход событий в бело-польской армии говорит нам: 1) польское командование хотело дать сражение на Буге, но не успело переменить группировки, не могло расчитывать влить резервы к этому времени из запасных частей и добровольцев, не успело притянуть части войск с южного фронта, не могло переломить настроение армии и, как результат всего этого, оно решило 6 августа продолжать отход; 2) группировка главных сил была южнее Буга; 3) перед фронтом нашей 16 армии противник оказывал серьезное сопротивление, дрались лучшие части и попытки наши форсировать Буг кончились неудачей, и 4) 16-я армия обязана была взять Брест прежде, нежели продолжать наступление за Буг, так как в противном случае могла получить удар во фланг со стороны этой крепости, особенно учитывая слабые силы Мозырской группы, наступавшей против Бреста.

Тот же Растворовский силы бело-поляков, сосредоточенные для защиты Бреста, определяет в $2^1/_2$ пех. дивизии (16, 1 горная дивизия и 17 бригада 9 дивизии), 1 полк и 3 этапных батальона—всего 8100 штыков. По подсчетам автора „Похода за Вислу“, Мозырская группа насчитывала 4193 штыка и явно была слаба для атаки Бреста.

Пока запомним это, а теперь обратимся к Бугской операции, как мы ее называем, т.-е. к той операции, которая намечалась Главнокомандованием.

Прежде всего мы напомним читателю, что Главнокомандование управляло действиями двух фронтов—Западного и Юго-Западного, при чем последний делился, собственно говоря, на два фронта—западный—польский и южный—Врангелевский. Забегая немного вперед, следует отметить, что обстановка на Врангелевском фронте сильно изменилась не в нашу пользу. Противник дебушировал из Крыма и развил актив-

ные действия. Несмотря на подведенные подкрепления, активные действия противника с каждым месяцем требовали от нас все больших и больших резервов, подвозимых из других районов Республики. Обратимся немного назад и посмотрим распределение сил перед началом нашего решительного наступления на Западном и польском участке Юго-Западного фронта, т.-е. к 5 июля 1920 года. Оно было таково:

Петроградский район . .	3⁹/₈	стр. див.					
Западный фронт	19¹/₈	„	„	2	кав. див.	28¹/₈ стр. и 7¹/₈ кав. див.	
Польский участок Юго-Западного фронта	9	„	„	5¹/₈	„	„	
Крымский участок	8	„	„	4	„	„	
Кавказский фронт	9	„	„	5¹/₃	„	„	
Туркестанский фронт . .	4²/₃	„	„	3	„	„	
Сибирь	4	„	„	1	„	„	
Всего	58	стр. див.		21	кав. див.		

Это распределение сил показывает, что для операций на бело-польском фронте было брошено 50% всех стрелковых дивизий и 33% конницы. 23% стр. дивизий падало на Петроградский район, Сибирь, Туркестан и остальные 27% стр. дивизий и около 50% конницы находились на Кавказе и на Крымском участке. Оба последние фронта, в виду господства Врангелевского флота на Черном море дополняли друг друга и фактически образовывали один фронт. Прежде всего усиление Крымского участка началось за счет Кавказа, но, конечно, могло итти до предела, когда дальше выводить части с Кавказа было уже опасно.

Между тем, положение на Крымском участке было к началу августа таково, что усиление его явилось настоятельно необходимым. В период самого разгара похода на Вислу был поднят вопрос о снятии 2-х стрелковых и 2-х кавалерийских дивизий с бело-польского фронта. После соответствующего обмена телеграммами было решено снять 1 дивизию с Запфронта и 1 из Петроградского района.

Одним словом, значение Врангелевского фронта в общем ходе операций лета 1920 года было вполне аналогично значению Западного фронта для немцев в 1915 году. Не будем этого забывать. Что касается положения на польском участке Юго-Запфронта, то об этом речь будет впереди.

Для того, чтобы понять идею Бугской операции, нужно отдать себе ясный отчет в том, каковы наши задачи на бело-польском фронте. Политические задачи нами выявлены выше — они сводились к углублению „международного кризиса“. Что касается в развитие их военных задач, то таковые сводились к возможно быстрому разгрому вооруженных сил бело-поляков. Невольно возникает вопрос, сколько же нужно было сил для этого?

Клаузевиц говорит так: „Чтобы повалить противника, необходимо соразмерить свои усилия с силой его сопротивления. Последняя выражается произведением множителей, кои не могут быть отделены один от другого. Множители эти наличные средства и силы воли противника. Наличные средства подлежат арифметическому исчислению и потому могут быть определены хотя бы приблизительно верно. Но сила воли ускользает от сколь-нибудь точного определения; мерилом ее может быть разве только самый повод, т.-е. предмет спора. Положим, что мы, таким образом, с достаточным правдоподобием определили силу сопротивления противника; по ней определим размер требуемых от нас усилий. Засим останется только выставить средства, превосходящие силу сопротивления противника, а если средства наши окажутся для этого недостаточны, то приготовить силы хотя возможно большие".

Так учит философ войны. Что же делала наша стратегия в этом? „Предмет спора" Республики труда с капиталистической Польшей, конечно, настолько серьезен и противоречия настолько глубоки, что от войны нужно было ожидать самого большего напряжения с обеих сторон, что и подчеркивалось в докладе Главного командования в январе 1920 года. Вставал вопрос, насколько буржуазное правительство Польши сможет заглушить рабочих и крестьян и бросить их в бой с Красной Армией, т.-е. вопрос о революционности Польши. Как она определялась, мы видели в главе „Революция извне".

Что касается тех средств, которые необходимы были для войны, то в письменном докладе Начоперупра Полевого Штаба Ревсовета Республики, представленном в 20-х числах февраля 1920 года Главнокомандованию, они исчислялись так. Главным об'ектом действий для нас докладом определялась польская армия, „удар по которой скажется по своим результатам на всем Западном фронте". Силы Польши докладчик исчислял в 27 пехотных дивизий, указывая в то же время, что есть данные говорить о 36 дивизиях. Однако, учитывая, что материальные рессурсы не позволят Польше выставить эти силы, из 27 пехотных дивизий—131.000 штыков и 17.800 сабель на нашем фронте можно ожидать сосредоточения до 21 пех. дивизии или 101.000 штыков и 14.200 сабель.

Указав на то, что „к вооруженной борьбе на этом фронте нужно тщательно подготовиться, сгруппировав достаточно сил и надлежащим образом их снабдив", докладчик выставлял необходимость доведения стрелковых дивизий до 9.000 штыков и 200 сабель, а кавалерийских дивизий до 2.500—3.000 сабель. Количество сил, необходимое для действий только против бело-поляков, им определялось „не менее 171.000 штыков и 16.300—17.800 сабель, т.-е. 19 стрелковых и 5 кавалерийских дивизий".

Выше было указано, что к 5 июля, к моменту решительных действий, на бело-польском фронте было сосредоточено 28 1/3 стрелковых и 7 1/3 кавалерийских дивизий, т.-е. даже большее число, чем предусматривал доклад, но дивизии были не той силы, как это намечалось. К этому времени наши силы исчислялись в 172.000 бойцов, но не штыков и сабель и для достижения цифры доклада необходимо было еще добавить 60.000—70.000 бойцов.

Собрать эти силы с других фронтов уже не представлялось возможным, равно как и из запасных частей. Но думаем, что нельзя и отрицать, что были приготовлены „силы возможно большие", как требует Клаузевиц.

Изложенное приводит к выводу: Польская армия исчислялась в 150.000 штыков и сабель. Для действий против нее намечалось назначить 190.000 штыков и сабель, а фактически было двинуто 172.000 бойцов, т.-е. не более 140.000 штыков и сабель, силы меньшие, чем у противника.

Это соотношение „средств" предопределяло и характер действий — нужны были быстрые и решительные действия, дабы затем в деморализованной армии и в занимаемой стране развивались классовые противоречия. „Революционность" страны должна была оказаться веским фактором на весах победы. Если бы она не пришла на помощь стратегии, то расчитывать исключительными силами пройти до „центра тяжести" противника—Кракова и разбить противника—не приходилось.

5 июля первый удар был нанесен. Бело-польские армии покатились на запад, тщетно пытаясь задержаться на Немане и Шаре. Хотя фронт и думал, что на линии Нарева и Буга противник не даст второго боя, однако, выше мы видели, что это входило в намерения польского командования и то наша армия не из-за разброски сил задержалась на Буге, а встретила сильный отпор, да и сам автор „Похода за Вислу" не отрицает, что северная группа нашего фронта уже встречала „серьезное" сопротивление.

Из приведенных выше разговоров по прямому проводу фронта с Главнокомандованием видно, что оба ставили себе задачей нанести следующий удар главным силам бело-поляков, чтобы углубить их деморализацию и выполнить поставленную политикой задачу взять Варшаву.

Однако, пути к этому мыслились разно в Полевом Штабе и на фронте, на разборе чего мы и остановимся.

Начнем с фронта, как наиболее осведомленного, чувствующего лучше биение пульса операции, к тому же прежде всего ответственного за операции в пределах его разграничительных линий.

В предшествующих главах автор нас познакомил с „таранной стратегией", которая была применена Западным фронтом,

в которой сила удара в определенном направлении и быстрота в его нанесении ставились выше, чем маневрирование, могущее повлечь за собой потерю времени и возможность контрудара противника.

Считая, что противник остановится для решительного столкновения лишь за Вислой и сосредоточив „таранные массы“ на правом фланге, фронт не менял их направление, шедшее на запад, ибо противник также не менял группировки и все время имел свои главные силы на своем левом фланге, прикрывая пространство между Варшавским направлением и Прусской границей. Таково было положение и на линии Нарева и Буга. Считая главные силы к северу от Буга, фронт против них группирует свои массы и устремляется на них. Что касается участка фронта к югу от Буга, то здесь: 1) нет сильной группировки противника и задержка в отступлении вызвана нашей разбросной сил, а 2) сюда должны быть притянуты силы Юго-Запфронта (12 и 1 конная армия).

Мы уже указывали выше, что по соотношению сил нужно было скорее нанести противнику второй решительный удар. Это стремление увеличивалось еще и тем, что бело-поляки, думая в переговорах о перемирии найти передышку для приведения армии в порядок до отхода еще за Вислу, пытались при дружном содействии Антанты завязать эти переговоры. Переговоры не обещали еще мира, а поэтому еще до них нужен был второй решительный удар по армии противника, дабы возможное перемирие превратить в преддверие мира. Это требование о ведении операций „с прежним напряжением и энергией“.... „дабы в кратчайшее время абсолютно уничтожить польскую армию“, было подтверждено директивой Главнокомандования от 30 июня Западному фронту, а Юго-Западному указано: „развить самые энергичные, действуя на польском участке, дабы в ближайшие дни выиграть возможно большее пространство и нанести возможно большее поражение противнику“.

Таким образом, говоря словами Фалькенгайна, операции на Западном фронте не должны были: „затянуться до бесконечности“ и нужна была „решительная победа, отвечавшая целям верховного командования“.

Фронт стремится к этому, но отодвигает время решения за Вислу, так как главная группировка была севернее Буга. В приведенных разговорах видна мотивировка этого решения, повторять ее не будем, а остановимся на выводе автора книги.

Он заявляет: „естественной и единственно правильной задачей являлось стремление к разгрому основной северной группировки противника. И это тем более естественно, что оно требовало менее всего сложных движений, менее всего

потери времени и, главное, можно было с уверенностью уже чувствовать, что противник начал свое отступление за Вислу. Таким образом, снижение к югу нашего ударного тарана знаменовало бы собой удар по воздуху, потерю времени и вывод всей этой массы войск на самое труднопреодолимое Варшавское направление".

„Теперь, когда нам известно то, что происходило в то время на польской стороне, мы с полной достоверностью можем засвидетельствовать, что Западный фронт был прав в своих действиях", делает вывод автор.

Мы преследуем своей работой другую задачу—на историческом примере познать искусство ведения войны, а не выяснять правых или виноватых. Это меньше всего нас интересует для практической деятельности.

„Теперь, когда нам известно, что происходило в то время на польской стороне", мы можем сказать, чго фронт группировку на Буге оценивал иначе, чем она слагалась в действительности. Поляки своей главной массой отходили на фронт к югу от Буга и до Бреста, а к северу от Прусской границы группировались их меньшие силы, впитавшие в себя добровольческие формирования и пополнения из запасных частей.

Таким образом, если бы, начиная от Белостока, „ударный таран" фронта направлялся не прямо на запад, упираясь в болотистые места Нарева и Нурца, и спустился бы к югу, то при подходе к Бугу он мог бы дать снова такой второй удар, что деморализованные главные силы поляков, пожалуй, не успели бы отойти и к Варшаве, а откатились на Ивангород. Удара „по воздуху" не было бы. Наоборот, как видели в оценке Главного командования, при группировке фронта этот „ударный таран" шел по пустому месту, встречая „серьезное" сопротивление, благодаря местным условиям и состоянию наших частей.

Автор в изменении направления „ударного тарана" усматривает еще возможность потери времени, но: 1) это направление могло быть изменено постепенно с движением вперед, а 2) сам автор не отрицает, что северная группа испытала „серьезную" задержку, т. е. время было и так уже упущено.

Далее мы остановимся на обеспечении левого фланга „ударного тарана", что, по мнению автора, является безусловно необходимым. Отнюдь не собираемся этого отрицать, а только отмечаем, что обеспечение левого фланга фронтом возлагалось на одну Мозырскую группу в 4000 штыков, а силы 16 армии должны были непосредственно примкнуть к тарану. Кроме того, правофланговые армии Юго-Западного фронта, поднявшись на север, должны были обеспечить фланг Запфронта.

Не сомневаемся в том, что при современных средствах связи таковая действовала более или менее исправно между фронтами и оба фронта должны были быть ориентированы во взаимном положении. Наблюдая по карте за движением по ней красных наших линий и стрел, а равно соразмерив масштаб, было ясно, что при подходе к Бугу на особенно реальную помощь Югозапфронта, ввязавшегося в упорные фронтальные бои, расчитывать было нельзя. При этих условиях оставлять на левом фланге прикрытие в 4000 штыков против Ивангородского направления было рискованно, что неоднократно подчеркивалось Главнокомандованием, в частности 7 августа. К этому вопросу мы еще вернемся, а здесь лишь хотим отметить, что как в 1915 году у немцев, так и здесь расчитывать на содействие других фронтов нужно относительно, необходимо учитывать те силы, которые на них находятся и что могут они этими силами выполнить.

Теперь обратимся к иному пониманию обстановки, какая складывалась у Главнокомандования. В его расчеты прежде всего входило нанести второй удар „к востоку от Вислы" и „было бы интересно знать соображения, как (фронт) думает разгромить противника к востоку от Вислы, дабы за Вислу отошли лишь остатки". „Для нас сейчас существенно необходимо молниеносным ударом разбить армию противника, прикрывшуюся Бугом, что нам даст большие выгоды, чем длительный и глубокий обход Вашего правого крыла", при чем отход поляков за Вислу оценивался как фактор, ухудшающий обстановку для нас, так как „упустили момент разгромить (противника)" и „70.000 противника суждено встретить на Висле, тогда как мы могли бы на линии Буга их также потрепать".

Таковы были взгляды Главнокомандования на предстоящие задачи. Ныне известно, что польское командование хотело задержаться на Буге, но, не успев влить пополнений, решило продолжать отход и, говоря словами Фалькенгайна, „противнику удалось своевременно извлечь свои главные силы из опасного для него района. В этом помогла сохранившаяся у него оперативная свобода".

Выше нами указывалось, что главные силы бело-поляков в действительности были к югу от Буга. В их распоряжении была богатая сеть железных дорог для маневрирования, но пространства до Вислы оставалось немного. Нужно было связать его оперативную свободу, а для этого должен быть направлен своевременно сильный удар по его главной группировке. Если бы таковой был уже организован при нашем приближении к Бугу, то противник не смог бы уклониться от него и оказался бы связанным, вынужденным принять бой в условиях для него неблагоприятных.

Этот „ударный таран" у нас был, но шел по „пустому месту", по мнению Главнокомандования, к северу от Буга, встречая к тому же „серьезное" сопротивление на благоприятной для обороны местности, а с главными силами поляков на Буге дралась лишь одна 16 армия и 1 дивизия 3 армии.

Нами выше отмечалось, что еще в 20-х числах июля „интуитивно" Главнокомандование учитывало опасность получить контр-удар от Ивангорода при наступлении к Варшаве, и оно снова указывает на это 7-го августа, намечая при этом примерный план нашей группировки: 3 армия снижается на фронт Н. Минск—Седлец, правый фланг 16 армии на Седлец—Луков и подчеркивалось, что 16 армия „пока не может расчитывать на помощь 12 армии", отклонявшейся на юго-запад.

Различие в группировках наших сил, по мнению фронта и Главнокомандования, видны из схем №№ 4 и 5.

В создавшейся обстановке, учитывая положение на обоих соседних фронтах, Главнокомандование понимало, что всякий удар на севере будет лишь „местный тактический успех". „Верховное командование совсем не устраивал местный тактический успех, в особенности, если он, как и было в данном случае, вызывал риск распыления в эксцентрическом направлении и мог привести только к дальнейшему растягиванию сил. Поэтому для верховного командования дело сводилось только к такому успеху, который прежде всего оказал бы свое воздействие на главную операцию", пишет про аналогичную почти обстановку Фалькенгайн. 10 августа Главнокомандование предоставляет фронту: „свободу действий, но оставляю задачу скорейшего разгрома польских сил без увлечения глубокой стратегией, так как опасаюсь, что у нас не будет времени для такого рода решений".

Обстановка при подходе к Бугу была достаточно ясна для Главнокомандования, и оно не ошибалось в своих расчетах и предположениях.

Нам могут сейчас же поставить вопрос, почему же фронту была „оставлена свобода действий". Делая это в разговоре 10 августа и не согласившись с доводами о группировке главных сил противника к северу от Буга, Главнокомандование отметило: „считаю, что Вы более детально в этом вопросе ознакомлены, предоставляю Вам свободу действий".

Из приводимого выше исторического „обмена мнений" германского командования в 1915 году, видны подобные же мотивы, почему не следует вмешиваться в руководство операциями фронта в рамках поставленной ему задачи.

„Если я, не смотря на такое отношение к вашим операциям, все же не предлагал его величеству вмешиваться в таковые, и даже всячески их поддерживал, то это надо отнести

к тому обстоятельству, что я уважаю убеждения всякого другого, пока они держатся в данных им рамках и, значит, не грозят вредом целому, и еще потому, что нельзя с математической точностью предвидеть исход какой-либо операции, если она будет поведена с той энергией, которая там постоянно проявляется"—писал Фалькенгайн Гинденбургу.

Кто, как не фронт, был более детально ознакомлен с группировкой противника и поэтому Главное командование не могло претендовать на какую-либо „математическую точность" предвидения, исхода операции на Висле. Так как фронт не выходил из „данных ему рамок", то и ограничивать его действия было бы вредно.

К тому же события развивались так быстро, что менять группировку было поздно. Главнокомандование: „доказывало необходимость удара с севера на юг, но это было в период борьбы на линии Буга, Вы отказались, настойчиво провели свой план, и теперь я хочу какую-либо пользу выжать из этого плана", понимая под этим удар по Новогеоргиевской группе поляков на севере.

Аналогично Фалькенгайн пишет: „Оно (Верховное командование) считало неудобным в этом случае при существующей обстановке вторгаться в распоряжения частного начальника, хотя его соображения командованию и не казались вполне обоснованными. К тому же события на Висле развивались так быстро, что в действительности еще возникало сомнение, насколько имеет смысл направлять дивизии в Наревскую группу (ударная - наше). Можно было сожалеть, что это не было сделано уже раньше".

„Можно было сожалеть, что не была уже раньше принята группировка до Буга", могло сказать фронту Главнокомандование, но отнюдь не вмешиваться в решения фронта, настойчиво проводившего свой план.

Мы стояли в преддверии столкновения—„первостепенного военного действия", по словам Клаузевица, могущего решить участь „похода за Вислу" и в такой напряженный момент должно быть соблюдаемо всегда полное спокойствие и выдержка.

V.

ВАРШАВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

В следующих трех главах (XI—XIII) книги „Поход за Вислу" автор развертывает перед нами картину решительной операции под Варшавой—этого поворотного пункта войны.

Такое значение операции невольно приковывает к ней все внимание, и на эту тему не мало уже трудов имеется в литературе как нашей, так и заграничной. Попутно должны отметить, что как в замысле, так и розыгрыше операции большое участие принимала французская военная миссия и поэтому ясна та любовь, которая проявляется французами в литературе к новой победе на востоке блистательного французского генерального штаба. Правда, что честь этой победы оспаривается поляками, но как бы то ни было, она одержана не без участия французов, а это самое главное для победителей империалистической бойни. В дальнейшем изложении мы будем опираться на эти источники, и для читателя ясен тот осторожный подход, который мы обязаны принять при их использовании.

1. Состояние польской армии и план операции польского командования.

Описание „сражения на Висле" автор начинает с изложения „обстановки на Висле". Прежде всего автор останавливается на состоянии польской армии, которая с подходом к Висле была в сильной степени деморализована. „Никакие репрессивные меры не могли восстановить порядка и провести дисциплину. К этому еще примешивались обостренные классовые взаимоотношения. Мобилизацией всей польской буржуазии и интеллигенции рабочие центры были задавлены, но глухо волновались"—заключает автор.

Далее перед нами развертывается та организационная деятельность Польши, которая кипела в тылу по усилению боевой мощи страны для решительного отпора нашему наступлению. Формировались второочередные (с № полков 101 и выше) дивизии, третьеочередные части (с № 200 и выше) или, так называемые, добровольческие формирования, которые „не смотря на свою молодость и необученность, были достаточно

боеспособны, ибо комплектовались в значительной мере буржуазными и интеллигентскими элементами, которые, понимая, что судьба их ставится на карту, проявили большую решительность и упорство". „Словом, в тылу, за Вислой, шла усиленная подготовка новых сил, мобилизация и формирование. Все спешно сколачивалось и подтягивалось на главнейшие направления"—выводит автор.

Указав на создание сильного укрепленного плацдарма от Новогеоргиевска на Варшаву и несколько южнее, автор говорит: „к этому направлению подтягивались силы со всех сторон".

В отношении численности польских войск против Западного фронта, автор указывает, что положение наше и белополяков резко изменилось. „Западный фронт насчитывал в своих рядах едва только 40.000 штыков. Зато польские силы возросли до 70.000 слишком по нашим разведывательным данным того времени, а на самом деле—они были еще больше".

Далее автор знакомит нас кратко с польским планом 6 августа, принятым для решительной операции на Висле. „Видя, что судьба Польши должна решаться на Висле, польское командование подтягивает сюда все свои силы. С Львовского направления снимаются почти все польские части. Оставляются только партизанские украинские части армии г. Павленко и остатки 6 армии, согласно польских источников (ст. Кюнстлер), в составе лишь одной кавалерийской дивизии. Однако, надо полагать, что хоть кое-что от пехотных дивизий здесь да осталось". Указав на правильность решения польского командования выиграть „генеральное сражение" с риском даже потерять Галицию с ее нефтяным районом, автор говорит „и потому вся польская армия сосредоточивается на Висле".

Для ясности мы очертим здесь и самый план польского командования, изложенный автором ниже, при чем, конечно, в том виде, как он обрисован в „Походе за Вислу".

„Против нашего правого фланга" сосредоточивается 5 армия (3 пех. див., 1 пех. бриг., погранчасти и нов. формирования)—29.000 штыков и сабель. „Район действий Новогеоргиевск—Маков. Задача ей ставится: недопущение дальнейшего наступления большевиков за Буг и Нарев".

1-я армия (4 пех. див., 1 пех. бриг. и другие формирования в большом числе) на Варшавском предмостном укреплении и „насчитывает в своем составе до 40.000 штыков и сабель".

2-я армия (2 пех. див. и мелкие части) обороняет участок к югу от Варшавы до Ивангорода и насчитывает в своем составе 10.000 штыков.

„4-я армия в составе 3-х пех. дивизий сосредоточивается в районе юго-западнее р. Вепржа с целью нанесения удара во фланг наступающим нашим главным силам. Сосредоточение 4-й армии прикрывает 3-я армия, составленная из 3-х пех. дивизий и

1 кав. бригады, действующих на Люблинском направлении. Численность этих двух армий простиралась до 22.000 штыков".

„Оценивая эту группировку бело-поляков, надо признать ее полную целесообразность в условиях сложившейся обстановки. Однако, думается, что, несмотря на то, что она результатом своим дала полную победу, все-таки на решающем направлении (Люблинском) было сосредоточено недостаточно сил и, в случае отсутствия ошибок с нашей стороны в сосредоточении Люблинского заслона, эта группировка не только не могла бы проявить себя активным образом, но даже была бы раздавлена". В подтверждение этого автор на схеме № 13 показывает удар сильной нашей пехотной группы и конницы по этой группе с востока.

Нужно отметить, что на схемах № 12 и № 13 у автора не приведены номера польских частей, а поэтому немного трудно разобраться в деталях группировки.

Автор в начале книги высказывал сожаление, что за краткостью времени он лишен возможности углубиться в подробности этого похода, а потому и польский план Варшавской операции им изложен очень коротко. Мы, преследуя цель, главным образом, практического изучения военного дела, а отнюдь не критики положений автора, берем на себя смелость развить изложение автора как польского плана, так и того, что в это время происходило в тылу у бело-поляков. Хотя все это и известно большинству читателей, но мы попросим еще раз нас выслушать.

В предшествующей главе мы уже приводили то надорванное моральное состояние, в каком находилась польская армия, отступая к Бугу, а затем к Висле. К этому нужно добавить, что она значительно поредела и в своем численном составе.

К 6 августа бело польский фронт проходил по линии Серет, Подкамень, Буг, Нарев, Остроленка, р. Омулев.

К этому числу командование бело-поляков стояло перед задачами: 1) численно пополнить свою армию; 2) перегруппировать ее и 3) поднять дух деморализованной армии.

В Варшаве шли совещания польского командования с военной французской миссией и обсуждались планы решительной операции. Оказывалось, что инженерные работы под Варшавою могут быть закончены только 12 августа, пополнения до 25.000 человек могут быть влиты не ранее 10 августа. В тылу северной группы армий приводились в порядок 11 дивизия и 7 резервная бригада и кончала доформирование Сибирская бригада. Более резервов не было. Второочередные и добровольческие формирования не могли быть сведены в особые дивизии и из них на фронте в качестве таковых появилась лишь одна добровольческая дивизия (в 5 армии), а остальные формирования, очевидно, были использованы на

пополнение полевых соединений. Дух добровольческих формирований был хороший, но обучение, конечно, не высоко.

Оставалось притянуть часть сил с южного фронта, возложив защиту последнего на часть полевых войск, добровольческие формирования и украинские части. Войска с южного фронта могли быть сосредоточены не ранее 16 августа.

Таким образом, польскому командованию нужно было принять такую группировку сил, чтобы до 17 августа, до момента перехода в наступление, Варшава была бы удержана, а между тем атаки на нее могли начаться уже с 13 августа.

„В первые дни Варшавского сражения, 12 и 13 августа, г. Вейган (глава французской военной миссии—Начальник Штаба Фоша) опасался наступления Красной Армия на Варшаву с севера на юг через Зегрже", говорит Спиро в своей статье „Оборона на растянутом фронте" (Военный Зарубежник № 4—5). В этом и скрывается тот план, который проектировался французами и каковой не был принят, вызвав даже после победы известное охлаждение между друзьями, когда начались подводиться итоги тому, кто же победитель под Варшавой.

Повидимому, французы предлагали массировать силы в районе Варшавы и к северу.

План Пилсудского был иной. „Сущность его состояла в том", пишет француз Л. Ф., „чтобы оттянуть северный фронт к фортам Модлина (Новогеоргиевска), предмостным укреплениям Варшавы и на среднее течение Вислы, где условия местности и укрепления позволяли оказать противнику упорное сопротивление в более благоприятной обстановке, чем в открытом поле. Для успеха маневра надлежало скрытно образовать из частей северного фронта и снятых с южного фронта ударную группу, которая должна была сосредоточиться в районе р. Вепржа, и ударить по левому флангу и тылу армий противника, атакующих укрепления Варшавы. Эта маневренная группа была названа „Центральной группой" армий".

Нет сомнения, что этот план базировался на нашей группировке сил при подходе к Бугу. У нас нет данных, как она рисовалась тогда польскому командованию, но схема к статье Кюнстлера „Операции под Варшавой в августе 1920 г." (Военный Зарубежник № 8—9) дает возможность ориентироваться в сведениях, имевшихся у польского командования. Мы уже указывали выше, что на Буге польские части успешно отражали попытки нашей 16 армии к переправе, что показывало польскому командованию на нашу группировку к северу от Буга и, возможно, на наши намерения отсюда нанести удар по Варшаве. Мы приводим эту схему (№ 6), так, как она приложена к указанной статье.

Из нее мы видим, что наши силы польским командованием на северном участке исчислялись в 96.000, а с 12 армией

в 115.000,—повидимому, штыков. Все 4 наши армии, сгруппированные к северу, исчислялись в 85.000 и растянутая Мозырская группа в 11.000 штыков, а 12 армия 17.000 штыков, или вся южная группа в 28.000 штыков.

Кроме того, в тылу числился ряд дивизий, из которых две (48 и 19), повидимому, бесспорно, а остальные под вопросом. Из этих дивизий только 48 в действительности была на фронте и кавбригада 13 двигалась в Мозырскую группу, остальные же были на других фронтах: 19 дивизия перевозилась на Врангелевский фронт, 26 и 35 дивизии в Сибири, 23 дивизия шла на Врангелевский фронт, 22 дивизия на Кавказе и 39 дивизии не было совсем.

Сосредоточение нашего „ударного тарана" на севере приводило к группировке достаточных сил поляков также и здесь, но слабость нашей Мозырской группы позволяла расчитывать ударом по ней прорвать фронт и затем ударить по тылам Северной группы. Для того, чтобы разбить 11.000 штыков Мозырской группы, превосходство в силах могло быть и не велико, а обеспечение этой ударной группы бело-поляков против нашей 12 армии, учитывая оборону за Бугом, не требовало также образования сильного заслона.

Нам неизвестно, сколько сил сосредоточить для удара по Мозырской группе предполагало польское командование, но ясно одно, что для обороны Варшавы на севере, под давлением французов, должны были быть оставлены достаточные силы. Если принять подсчеты автора „Похода за Вислу", то в 5, 1 и 2 польских армиях насчитывалось 79.000 штыков против наших 96.000 штыков.

Домба-Бернацкий в статье—„Задачи обороны" (Война и Мир № 7) говорит: „отступив до линии Висла—Вепрж, польские армии в общей силе 120.000 разбивают те же красные армии в силе 104.000". Забегая немного вперед, если принять силу польской дивизии в 5.000 штыков, то мы подойдем к указанной автором численности польской армии сосредоточенной на Вепрже и севернее.

Ослаблять северный участок, при неуверенности в стойкости войск в обороне, польское командование не могло, а поэтому для усиления ударной группы в районе Люблина необходимо было привлечь войска южного фронта.

Для этой цели с южного фронта были взяты: 18 пех. дивизия, 2 кав. дивизия, штаб 2-й армии и штаб конной оперативной группы. Кроме того, привлечена к операциям вся 3-я армия. 6-го августа 18-я пех. дивизия, закаленная в боях на южном фронте и пополненная, была сменена на южном фронте бригадой 6 пех. дивизии и посажена на колеса для переброски в Новогеоргиевск.

С уходом этих частей на южном фронте (6-я армия) в составе его оставались: 1 кав. дивизия, 5, 12, 13 пех. дивизий, Украинская армия и добровольческие формирования, главным образом, Львовского округа или около 37.000 штыков и сабель.

Приказ польского командования от 6 августа № 8358/III фиксировал следующую группировку, которую излагаем по статьям Кюнстлера и Л. Ф.

За основную линию обороны была принята линия р. Оржиц—Нарев, с предмостным укреплением Пултуск, предмостные укрепления Варшава—Висла, предмостные укрепления Ивангород—Вепрж, далее Серет, р. Стрыпа.

Фронт был разделен:

1. Северный фронт—„пассивный", состоял из 3-х армий: а) от Германской границы до Пултуска 5 армия с задачей удерживать переправы через Нарев и Оржиц (4 дивизии пехоты—18, 17, 9, добровольческая и Сибирская бригада и кав. дивизия); б) 1-я армия 5 пех. дивизий—8, 10, 11, 15 и 19 (1 Лит. Бел.), 2 пех. бригады (7-я рез. бриг. и креп. бригада) с задачей непосредственной обороны Варшавы развертывалась на фронте Сероцк—Радимин—Карчев (вкл.); в) на левом берегу Вислы 2-я армия (2 пех. дивизии—2 и 4) для обороны Вислы от Гуры Кальварии до Ивангорода исключительно; г) для прикрытия Данцигского Коридора 20 див. и различные части до 1 бриг. пех. 1 бриг. конницы.

2. Центральная группа армий, предназначенная энергичным ударом нанести поражение главным силам красных, состояла из 2-х армий: 1) 4-я армия (3 пех. дивизии—14, 16 и 21 (горн.), 32 пех. полк и крепостная бригада (12 бригада 6 дивизия) развертывалась на фронте Ивангород—Лысобоки—Коцк для нанесения главного удара в направлении Минск—Мазовецкий (Н. Минск); 2) 3-я армия (1, 3, 7 пех. и 6 Украинская дивизии, 4 кав. бригада, отряды Балаховича и Яворского) развертывалась на фронте от Коцка до Броды (искл.) с задачей сначала прикрывать сосредоточение 4 армии, а, с переходом ее в наступление, ударить в направлении на Луков, причем из армии в ударную группу входили 1 и 3 пех. дивизии и 4 кав. бригада, кав. Яворского.

3. Южный участок с задачей прикрытия Малой Польши состоял из 2-х армий: 1) 6-я польская армия (5 и 13 пех. дивизии, 5 бригада 6 пех. дивизии и 1-я кав. дивизия); 2) Украинская армия Павленко—12 пех. польская дивизия и украинские части.

Если примем за основание данные Домба-Бернацкого о численности польской армии, то принимаемая группировка должна выразиться в следующих цифрах:

Фронт и армии.	Состав.		Численность.		ВСЕГО		% от общего числа.	[illegible]
	Пех. див.	Кав. див. / Бриг.	Пех. див. / Штыков.	Кав. див. / Сабель.	Штыков.	Сабель.		
Влоцлавское направление	$1\frac{1}{2}$	1 б.	5.000	4.000	7.500	2.000	6%	
Северный фронт.								
5 армия	$4\frac{1}{2}$	1	5.000	4.000	22.500	4.000		[illegible]
1 армия	6	—	—	—	30.000			[illegible]
2 армия	2	—		—	10.000	—		[illegible]
ИТОГО: . .	$12\frac{1}{2}$	1	—	—	62.500	4.000	45%	[illegible]
Центральная группа армий.								
4 армия	$3\frac{3}{4}$	—	5.000	4.000	18.500	—		11.000
3 армия: ударн. гр. .	2	1 б.		—	10.000	2.000		—
3 армия: Итого: . .	$5\frac{3}{4}$	1 б	—	—	28.500	2.000		11.000
3 армия: пассивн. гр.	$1\frac{1}{2}$	—	—	—	7.500	—		17.000
Итого в 3 арм.	$3\frac{1}{2}$	1 б.			17.500	2.000		
ИТОГО: . . .	$7\frac{1}{4}$	1 б.			36.000	2.000	24%	28.000
ИТОГО на главном театре .	$21\frac{1}{4}$	2	—	—	106.000	8.000	76%	112.000
Южный фронт.								
6 армия	$2\frac{1}{2}$	1	5.000	4.000	12.500	4.000		
Украинская армия	1 див.	и укр. час.	—	—	16.000	2.000		
ИТОГО: . . .	$3\frac{1}{2}$ д. и укр. час.	1	—	—	28.500	6.000	24%	
ВСЕГО:	$24\frac{3}{4}$ пол. див. и укр. час.	3	—	—	134.500	14.000	100%	

К этой численности необходимо прибавить еще резервные и добровольческие формирования, которые, по всей вероят-

ности, были влиты в полевые дивизии, а затем и мелкие части, действовавшие на левом фланге польского фронта в Данцигском корридоре.

Отнюдь не хотим сказать, что наша таблица есть документ, но она составлена, исходя из данных польских источников. По окончании операции в Штабе Запфронта был сделан общий очерк действий бело-поляков, к которому приложено боевое расписание (Развед. сводка за период с 25 июня по 25 авг. 1920 г.). Сводя все три данныя о численности и группировке польской армии, получим следующую таблицу.

ФРОНТ И АРМИИ.	По данным „Поход за Вислу“ штык. и саб.	По данным Запфронта штык. и саб.	По нашей таблице штык. и саб.
Северный фронт.			
Влоцлавское направление . . .	—	5.600	9.500
5 армия	29.000	29.000	26.500
1 армия	40.000	37.500	30.000
2 армия	10.000	10.000	10.000
Итого:	79.000	72.100	76.000
Центральн. группа армий.			
4 армия	—	18.200	18.500
3 армия: Ударн. гр.	22.000	9.000	12.000
3 армия: Пасс. гр.		27.200 7.300	30.500 7.500
Итого:	22.000	34.500	38.000
Итого:	101.000	106.600	114.000
Южный фронт.			
6 армия	Числ. нет.	14.000	16.500
Итого:		120.000	130.500
Украин. армия	Тоже.	Тоже.	18.000
ВСЕГО:	Числ. нет.	Тоже.	148.500

Как видит читатель, резкого расхождения нет, и к исчислениям автора „Похода за Вислу“ мы должны внести лишь поправку, а именно: увеличение численности Центральной группы армий. Если даже наши подсчеты преувеличены в отношении этой группы, то и в таком случае нужно остановиться хотя бы на цифре Запфронта, т.-е. около 35.000 штыков и сабель.

Мы должны еще остановиться на организации управления во время предполагавшейся операции. Как видно из таблицы, 3 фронтовых управления подчинялись Главному Командованию, при чем непосредственное руководство действиями Центральной группы армий принял на себя Пилсудский, выехавший 14-го августа с несколькими офицерами Генерального Штаба из Варшавы в Пулавы (Ново-Александрия), в то время, как Начальник Штаба Главнокомандования оставался в Варшаве. Таким образом, на главном театре у бело-польского Главнокомандования оказались в подчинении 2 группы армий, которыми оно и могло свободно маневрировать.

Оценке польского плана решительной операции на Висле посвящено за границей несколько статей, при чем французы видят в нем истинное соблюдение „принципов Наполеона“. Считаем не безынтересным изложить их взгляды по этому поводу.

Все они отмечают сосредоточение главных сил на решающем театре—северном, чего никто не будет отрицать.

Затем: „маневр был прекрасно разработан“, говорит Л. Ф.: „в нем мы находим совершенно правильное использование свойств обороны и наступления“. Указав на то, что оборона была принята лишь, как способ выиграть время до 17 августа—времени окончания сосредоточения 3 армии, Л. Ф. ставит в заслугу польскому командованию его умелое использование условий местности на севере, укрепление ее и экономию сил в виде выделения в Главную ударную группу 4-й армии из состава северного фронта. В эту ударную группу вошли войсковые части „лучшие из польской армии“, группа нацеливалась в решительном направлении—„Красную армию ожидало полное поражение“. „Наконец, тайна сосредоточения Главной ударной группы была, повидимому, обеспечена. 4-я армия 6-го августа находилась в Седлеце. Наиболее вероятным направлением ее отхода был путь на Варшаву, а поэтому с отступлением ее на юг казалось мало вероятным, чтобы противник предполагал ее на Вепрже“.

3-я армия была спешно собрана с различных участков южного фронта, шла форсированными маршами и перебрасывалась частью по железной дороге в район нового сосредоточения. „Красному командованию нужны были слишком

зоркие глаза, чтобы уследить за этими, столь быстрыми и искусными перегруппировками"—заключает Л. Ф.

Далее этот автор рассматривает „обеспечение маневра". Указав на то, что перегруппировкой польское командование создало себе в армиях резервы до 5 дивизий, он приходит к выводу, что фронт был обеспечен от всяких неожиданностей. Затем все армии обеспечивали фланги соседних армий. Двигаясь вперед, 3-я армия обеспечивала фланг 4-й, эта в свою очередь делала то же в отношении 1-й, а последняя в отношении 5-й и только наружные фланги 3 и 5 армий требовали дополнительного прикрытия.

„Более глубокое исследование сражения показывает, что по самому своему замыслу маневр был вполне обеспечен, а именно: центральная ударная группа угрожала неприятельским сообщениям, прикрывая в то же время свои. После выдвижения вперед, с Вепржа, 16 августа, 4 и 3 армии должны были обнажить свои тыловые пути, которым угрожала 12 Красная армия, но как только указанные польские армии 17-го числа выходили на линию Минск—Мазовецкий—(Ново-Минск)—Седлец—Бяла, они могли изменить направление своих тыловых путей, направляя их на Варшаву. Атака 12 армии красных на Люблин и Демблин (Ивангород) была бы ударом в воздух".

Но как в каждом маневре бывает „риск", так, по мнению Л. Ф., он свойствен и этой операции. Риск заключался в своевременном и быстром передвижении 3 армии, а затем: „если бы противник обнаружил отход 4 армии и стал бы преследовать ее значительными силами, цельность маневра оказалась бы нарушенной. Пришлось бы тогда вести два сражения в расстоянии 80 километров одно от другого". Неизвестна была способность польской армии к обороне. Но все это ничего не значило в сравнении с тем, чтобы „превратить эту беспорядочно бегущую толпу в армию".

Однако, удержаться 5 армии на указанной ей линии не удалось, и она была отброшена к западу нашей ударной группой, которая, продвигаясь на запад, позволяла предположить, что особого нажима на Варшаву с востока не будет, а скорее необходимо ожидать нашего главного удара с севера.

С потерей Нарева местность к западу не представляла удобных рубежей для обороны, и поэтому командование Северным фронтом решило: усилив 5 армию за счет имевшихся в его распоряжении резервов (в том числе 18 пех. дивизия и конница с южного фронта), нанести ею встречный удар наступающим красным армиям. Этим вносилось существенное изменение в план 6-го августа: ныне должны были последовать две атаки, и чем более успешнее была бы атака на се-

вере, тем еще полнее бы и решительнее был удар Центральной группы армий.

Признавая за решением Польского командования 6-го августа правильность и смелость в сосредоточении „всей польской армии на Висле", на главном театре, автор „Похода за Вислу", как мы видели уже выше, думает, что недостаточность сил Центральной группы армий, при отсутствии с нашей стороны ошибок в сосредоточении Люблинского заслона, привела бы поляков не только к победе, но и к поражению.

Предыдущим исчислением группировки противника мы показали, что действительно бело-поляки сосредоточили 76% всех сил на главном театре, из которых 51% предназначались для обороны и только 25% для удара. При том состоянии, в каком находилась польская армия, расчитывать на оборону, хотя бы и на укрепленной для этого местности, с меньшими силами, чем у противника, было трудно, поэтому равные силы и назначаются для выполнения этой задачи. Однако, когда выяснилось, что наш удар идет севернее Буга, польское командование из этих 50% сил формирует контр-удар на севере, оказавший в действительности большее значение, чем, если бы удар велся лишь с одного Вепржа.

Возможно ли было одной центральной группой армий прорвать фронт красных и ударить им по тылам. Имевшиеся в распоряжении польского штаба разведывательные данныя, как это явствует из приложенной выше схемы № 6, говорят за то, что 30.500 штыков и сабель поляков должны были обрушиться против наших 11.000 штыков и сабель, т.-е. силы в три раза превосходили наши. Нужно всегда выискивать слабое место противника и бить по нему, что и было учтено польским командованием.

Против нашей 12 армии в 17.000 штыков и сабель заслоном оставлялось 7.500 штыков и сабель польских войск, которые, прикрываясь Бугом, являлись вполне достаточными по силам для выполнений задачи заслона. Если бы даже он сдавал, то мы выслушали на этот счет мнение француза Л.Ф. насколько Центральная группа армий оказалась бы с зажатым хвостом. По мнению сего француза „12 армия ударила бы по воздуху", а бело-поляки все же бы выполнили свой маневр, выходя в тыл основной нашей группировки. Француз прав. Остается еще предположение, что, если бы с 12 армией одновременно атаковала бы и Конная армия, как это показано у автора на схеме № 12, тогда бы против 7.500 штыков и сабель бело-поляков оказалось бы до 30.000 штыков и сабель. Думаем, что такой случай предусматривался польским командованием, но, очевидно, оно также имело инструмент в виде циркуля и карту с расположением как своих,

так и красных войск. При помощи небольших манипуляций с этими приборами можно было узнать, насколько возможен был такой удар с нашей стороны. Удар, несомненно, запаздывал, а к северу от Вепржа в нашем фронте, наоборот, зияла такая дыра, устремление в которую даже тех 22.000 штыков и сабель, которые исчисляет автор „Похода за Вислу", сулили бело-полякам неисчислимые выгоды. Польская группировка на Вепрже могла быть „раздавлена", но не с юго-востока и востока, а с северо-востока, „если бы противник обнаружил отход 4 армии (от Седлеца) и стал бы преследовать ее значительными силами", как высказывается Л. Ф., к чему мы и присоединяемся... Но для этого „Красному командованию нужны были слишком зоркие глаза".

Итак, в той обстановке, какая слагалась для Польского командования, мы не видим с его стороны ошибки в отказе от создания „ударной таранной массы" на р. Вепрже без риска, сказали бы мы, потерять Варшаву до того времени, пока этот таран не сказался бы в своем действии. Падение Варшавы знаменовало собою и для поляков поворотный пункт войны. Оно не вело к непосредственному окончанию войны, но предопределяло наверное ее исход.

Было бы ошибочно, если бы мы не указали, что Польское Командование, кроме стремления численно увеличить свою армию, не приняло мер к поднятию духа „бегущей толпы", какой была польская армия под стенами Варшавы. Широкая агитация за национальную независимость, религиозная пропаганда—все было пущено в ход бело-польским командованием и буржуазными классами Польши, как в армии, так и в тылу. Л. Ф. с пафосом нам сообщает, что даже французские сотоварищи вели широкую агитацию в армии с лозунгом: „Ни шагу назад, мы (французы) познали это, и вы (поляки) также должны знать Марну". Утром 15 августа войска 4-й армии вместе с народом участвовали в торжественной церковной церемонии покровительнице Польше Ченстоховской девы Марии, а в последовавшем наступлении ксендзы вели рядом с офицерами польские части в атаку.

Настроение армии было приподнято и первые успехи предстоящего наступления должны были окончательно его закалить.

На этом мы кончаем с обстановкой для польской стороны. Берем извинение за ее долгое и, может быть, скучное трактование, но почитали это сделать необходимым для того, чтобы облегчить для читателя дальнейшее понимание событий, разыгравшихся на берегах Вислы. Кроме того, в виду успеха, одержанного бело-польским командованием в этой операции, для нас не безынтересно было более детально углубиться в деятельность этого командования, чтобы вы-

ясить те причины, кои послужили к нашему отходу на восток. Посильно мы старались это выполнить, но насколько успели,—покажет будущее описание войны с польской стороны.

2. Планы операций на Висле в 1831 году.

Мы оставили наши армии форсировавшими Буг и Нарев и устремившимися к Варшаве.

Теперь обратимся к рассмотрению того, как, по мнению автора „Похода за вислу", складывалась обстановка для нашего командования для завершения операции, формулированной главнокомандованием директивой, отданной в 20-х числах июля в Минске и ставившей армиям фронта задачу—„взять Варшаву".

Такая задача не раз на протяжении истории ставилась армиям, наступающим с востока к Висле.

Мы не думаем искать в архивной пыли каких-либо поучений и выводов для уразумения обстановки, складывавшейся для нас в 1920 году на берегах Вислы, а лишь хотим читателю дать маленькую историческую справку. Нами хорошо усвоено предостережение Клаузевица, что одним из зол в критике—„это злоупотребление историческими примерами и щегольство начитанностью". Философ войны полагает, что: „три или четыре таких примера, вырванные из разных эпох различных стран и разнообразной обстановки, в состоянии только сбить с толку, ничего не доказывая. Если рассмотреть их поближе, то окажется одна только дребедень, вызванная желанием хвастнуть своей начитанностью. Практическая жизнь ничего не приобретает из этих темных, запутанных, произвольных представлений. Пока теория подобное допускает, то всегда будет в разладе с жизненной практикой. Над такой теорией нередко глумились и дельные, выдающиеся военные деятели".

Правда, мы собираемся развернуть читателю „дела минувших дней", но на той же Висле и при обстановке, близкой сложившейся в 1920 году. Мы обратимся к „Польско-русской войне 1831 года", т. е. на 90 лет назад. Нет слов, что много за это время утекло воды, много изменилось на поверхности земли, именуемой театром военных действий, выступали совершенно иные армии, с иным оружием. Однако были и общие черты в складывавшейся обстановке, каковые понудили нас рискнуть своей репутацией, над которой, может быть, и будут „глумиться дельные, выдающиеся военные деятели".

В вспыхнувшей войне перед русскими армиями встала задача „взять Варшаву". Начиная войну, поляки располагали силами до 130—140.000 чел., но для полевых действий могли

использовать не более 60.000 чел. Армия была отлично подготовлена и являлась серьезным противником русских, имея к тому же в своих рядах отличных старших начальников, прошедших хорошую школу Наполеоновских походов.

Русская армия была застигнута войной врасплох, будучи разбросанной на широком, бездорожном пространстве и требовала для своего сосредоточения на линии Белосток—Брест не менее трех месяцев. К 20 января 1831 года русская армия могла начать операции с силами 114.000 человек из общего числа 126.000 человек (схема № 7).

После долгих колебаний в выборе плана действий, Польское командование сосредоточило главные силы к востоку от Варшавы в двух направлениях—на Белосток и на Брест, выдвинув вперед к Седлецу и Венгрову улан для охраны границы.

Русский Главнокомандующий Дибич поставил себе задачей разбить польскую армию и овладеть Варшавой, для чего он полагал сосредоточить большую часть армии между Белостоком и Бельском. С этими главными силами Дибич полагал разбить противника или на левом берегу Буга, или на правом Нарева, стараясь отрезать их от Варшавы, но, если это не удастся, то, перейдя верхнюю Вислу, окружить Варшаву и заставить ее голодом или штурмом сдаться на капитуляцию.

Начальник Штаба Толь предлагал внести изменения в план и проектировал двигаться главными силами к Дрогичину, а оттуда на Варшаву или через Седлец, или же через верхнюю Вислу.

Учитывая подход подкреплений с севера, не желая тратить время на перегруппировку войск и не сочувствуя базированию на бедное Полесье, Дибич остался на своем плане.

Однако, трудные местные условия (начавшаяся весна) заставили Дибича отказаться от этого плана и обратиться к плану своего Начальника Штаба. 29-го января началось движение войск на левый берег Буга, а затем и наступление к Варшаве, приведшее к Гроховскому сражению 13 февраля 1831 года, в результате которого русская армия остановилась перед укреплениями Праги. На флангах корпус Сакена находился у Остроленки, делая поиски к Насельску, а на юге Крейц с резервным кавалерийским корпусом занимал Люблинское воеводство.

Варшава не капитулировала. Дибич решает обратиться ко второй части своего плана: оставив Сакена у Остроленки, а перед Варшавой корпус Розена, с главными силами армии переправиться через Вислу выше Варшавы против Козеницы и, при содействии переправившихся также у Казимержа войск Крейца, повести наступление на Варшаву по левому берегу

Вислы. На Сакена возлагалось, опираясь на сосредоточивающийся на Нареве корпус Бистрома и подходивший к Ломже Гвардейский корпус, направиться к Влоцлавску и Полоцку, устроив в последнем пункте себе переправу на левый берег Вислы. С выходом гвардии на линию Прасныш—Сероцк. Сакен должен был со своим отрядом (всего 7 батальонов) переправиться через Вислу и, двинувшись на Сохачев, содействовать атаке главных сил армии на Варшаву. Корпус Розена оставлялся перед Варшавой лишь временно и с открытием решительного наступления по левому берегу Вислы должен был, выделив небольшой заслон у Праги, с главными силами спешить на присоединение к Дибичу. На время действия под Варшавой Розен облекался властью командира отдельного корпуса. Возлагая на него также задачу по обеспечению своих сообщений с Седлецом и Брестом, Дибич указывал ему, в случае наступления поляков, отходить на Седлец и Брест на подходившие подкрепления.

Этому плану Дибича не пришлось осуществиться. Начавшееся 17 марта движение к переправам на Висле было остановлено, вследствие полученных донесений от Розена об атаке его полками. 40.000 последних обрушились 19 марта на 18.000 Розена и рядом последовательных боев заставили его отойти к Седлецу на подходившие сюда подкрепления. 23-го марта Дибич от переправы двинулся во фланг наступающим полякам, не оставляя мысли о переправе, хоть Толь и советовал таковую начать лишь по сосредоточении дополнительных сил с Волыни и переноса базирования на эту область.

Поляки отошли, а Дибич, вследствие продовольственных затруднений, вынужден был снова встать в пространстве между Бугом и Вислой перед Варшавой.

В апреле месяце из Петербурга последовали указания для нового плана войны. Усиляя армию пехотным корпусом, Николай указывал Дибичу двинуться для переправы не на верхнюю, а на нижнюю Вислу, обеспечив себя продовольствием первоначально покупкой запасов в Пруссии, а впоследствии подвозом через Данциг.

Начались приготовления к этой операции, когда в начале мая польская армия обрушилась на гвардейский корпус. Последний отошел, но затем вновь перешел в наступление, а в это время и Дибич двинулся на север на помощь гвардейцам. Поляки отошли к Остроленке, где 13 мая произошло решительное сражение. Поляки отступили к Варшаве.

Дибич сошел с жизненной арены и 14 июня прибыл новый Главнокомандующий Паскевич. Положение сторон к этому времени видно из прилагаемой схемы № 8.

Лишь по сосредоточении 22 июня в своих руках до 60.000 человек, Паскевич предпринял движение к Нижней Висле,

оставив Розена с главными его силами в Бресте и приказав лишь авангардом наблюдать за Прагой. Редигеру с 11.000 человек приказано было, наблюдая за Замостьем, переправиться через верхнюю Вислу. Подвоз продовольствия к армии не был обеспечен, вследствие восстания в тылу армии, а из Пруссии затруднялся карантинными мерами. Приняв снова меры к обеспечению армии повозками и к сосредоточению в Торне запасов для армии из Пруссии, Паскевич приказал иметь запасы продовольствия в ранцах и полковом обозе на 14 дней и в подвижном транспорте на 9 дней. С этими запасами главные силы армии пустились в рейд на запад.

22-го июня армия двинулась 4-мя колоннами: 1) авангард—6.000 на Сохоцин и Плонск; 2) левая колонна—21.000 с главной квартирой на Слонск, Либерадзь, Манушин, Ржевин, Роготворск; 3) правая колонна—19.000 человек на Маков, Цеханов и Рационж; 4) отдельная колонна Палена—11.000 человек следовала на Прасныш, Млаву, Шренск, Бежунь и Липно. В случае наступательных действий поляков со стороны Модлина (Новогеоргиевска) или Зегржа колоннам предписывалось присоединиться к войскам левой колонны, после чего Паскевич намерен был принять сражение, действуя преимущественно многочисленной конницей на левый фланг противника, чтобы, отрезав его от Модлина, отбросить к Нареву.

26-го июня Паскевич прибыл к Плоцку и затем, дав отдых армии, двинулся к пункту избранной переправы у с. Осек у прусской границы.

Хорошо зная о движении русской армии на запад, Польское командование, однако, не решалось на ее атаку к северу от Модлина. После некоторых колебаний и ограничившись лишь развитием мелких действий в тылу Паскевича, Польский Главнокомандующий бросился на авангард Розена, оставленный к востоку от Варшавы.

4 июля Паскевич начал переправу на левый берег Вислы и только 25 июля подошел к Равке, за которой сосредоточилась польская армия для защиты Варшавы. 26 августа Варшава была взята штурмом, а затем последовала погоня за 21.000 поляков по правому берегу Вислы на север к прусской границе, перейдя которую поляки были интернированы.

„Фельдмаршал после штурма Варшавы остался тоже верен своей системе выжидательного бездействия и принимал даже оборонительное положение. При более искусном противнике Паскевич легко мог выпустить из рук польскую армию, которая, двинувшись на юг, могла еще затянуть войну"—так заканчивает Пузыревский свой классический труд: „Польско-русская война 1831 года".

Мы отнюдь не намерены занимать читателя какими-либо выводами из только что набросанного нами краткого очерка

планов решительной операции на р. Висле в 1831 году. В наши намерения входило лишь раскрыть анналы истории из войны 1831 года, а затем вернуться к тому решительному периоду войны, который на нашей памяти был разыгран в августе 1920 года на Висле.

3. План Варшавской операции

а) Политическая цель.

„Тем временем наше наступление развивалось безостановочно", пишет автор „Похода за Вислу". „Становилось очевидным, что не приходится думать о колебаниях, передышках, остановках, что настал момент, когда надобно решать одним последним ударом далеко зашедшие вперед события. Неоднократно в этом направлении даются указания, и 12 августа они вновь подтверждаются директивой Главкома о необходимости возможно скорее занять Варшаву. Приказ т. Троцкого носит тот же характер".

Выше в главе IV мы приводили политическую оценку значения для нас взятия Варшавы, а именно, углубления „международного кризиса". Ныне и политика и стратегия подходили к „высшей точке победы".

Еще до подхода наших армий к Бугу, Польское правительство завязало переговоры о перемирии, очевидно, стремясь выиграть время. Оттягивая всячески ведение этих переговоров, Польское правительство думало повернуть военное счастье в свою сторону. Бело-польская армия усиливалась с каждым днем и не теряла еще надежды на победу в решительном столкновении. Нужен был новый удар с нашей стороны. Чем скорее он был бы произведен, тем больше было шансов заставить противника подчиниться нашей воле. В предыдущей главе мы видели, что нанести этот удар за Бугом не удалось и теперь предстояло организовать его на Висле.

Таким образом, с политической стороны требование „взять Варшаву" было необходимостью, диктуемой слагающейся обстановкой. Лучше всяких теорий в этом отношении поясняет сказанное упомянутый приказ т. Троцкого от 14 августа.

„Польское правительство уклоняется от мирных переговоров", говорит приказ, а потому—„Красные войска, вперед! Герои, на Варшаву!"

б) Оценка сил бело-поляков.

Политика делала последний решительный натиск и требовала того же от стратегии.

К последней мы и обратимся.

Красные армии Западного фронта пять недель продолжали безостановочное наступление и готовились нанести последний решительный удар, который от них требовала политика.

Перед Красным командованием вставала серьезная задача и требовалось хорошо разобраться в обстановке, чтобы принять правильный план операции, а затем и разыграть ее.

Из предыдущей главы мы уже видели, что командование фронтом учло усиление противника с 50.000 до 70.000 штыков и сабель, частью за счет тыла самого фронта, а частью за счет Юго-Западного фронта. Таковы были разведывательные данные того времени в штабе фронта, а „на самом деле— они (силы бело-поляков) были еще больше“ пишет автор „Похода за Вислу“.

Читатель уже знает истинную группировку сил бело-поляков, но он должен пока оставить ее в стороне и обратиться к тому, что было тогда известно командованию.

Фронт считал, что к северу от Буга противник имеет 40.000 штыков и сабель, что и являлось главной его группировкой. „Главные силы поляки определенно стягивают к фронту 4, 15 и 3 армий, а на всем фронте вообще принимают к северо-западу, в частности, и с юго-западного фронта к нашему“. Если учесть, что 3 армия (за исключением одной дивизии) вся направлялась к северу от Буга, то, следовательно, фронт „определенно“ считал „главные силы“ поляков к северу от этой реки.

К сожалению, автор „Похода за Вислу“ не привел нам той группировки сил, каковая рисовалась в то время фронту, так как группировка противника, указанная им на страницах 45 и 46, есть уже результат исторического исследования.

Но перед нами лежит рабочая карта от 15-го августа Начальника Оперативного Управления Полевого Штаба Реввоенсовета Республики, точную копию с которой мы и даем в прилагаемой схеме № 9.

Если сравнить эту схему с приложенной нами ранее польской схемой, то можно заметить, что числящиеся у нас на учете резервные и добровольческие формирования отсутствуют на польской схеме, будучи, повидимому, уже влиты к тому времени в полевые дивизии польской армии.

В частности, показаны в составе армий следующие части, кои были или в других армиях, или отсутствовали совсем.

Польская армия.	Имущество части.	Где нахож. в действит.
Северный фронт.		
5-я армия.	1 рез., 3 рез., рез. бриг.	Влиты в полев. части.
	Бриг. 11 д., 7 рез. бриг.	
	8 пех. д., бриг. 19.	В 1-й армии.
	2 Лит. Белорус. див.	На левом берегу Вислы в раойне Влоцлавск-Плоцк.
1-я армия.	Добров. и запасн. части.	Влиты в полев. части.
Центр. группа армий.		
4-я армия.	15 пех. див.	В 1-й армии.
	2 пех. див., 4 пех. див.	В 2-й армии.
	Бриг. 9 дивизии.	В 5-й армии.
3-я армия.	Бриг. Горн. див. (21).	В 4-й армии.
	6-я Украинская дивизия. Кубанская Кав. бригада.	По перехваченному польскому приказу в составе 3 армии.
Южный фронт.		
6-я армия.	Нет.	На своих местах.

Полевой Штаб: 1) считал значительно сильнее 5 польскую армию за счет I-й армии; 2) не усмотрел образование 2 армии, считая ее дивизии в составе 4-й армии. Что касается местонахождения ударной группы 3 армии, то таковая в действительности и была в том районе, из которого она начала свое движение.

Обращаясь к численности и используя ранее уже приведенную нами таблицу, мы увидим нижеследующее:

Фронты и армии.	По данным „Поход за Вислу“.	По данным Запфронта.	По данным Полевого Штаба.	Примерные действительные данныя.
Северный фронт.				
Влоцлав. и Данциг. направления . . .	—	5.600	9.000	9.500
5-я армия	29.000	29.000	35.300	26.500
1-я армия	40.000	37.500	15.500	30.000
2-я армия	10.000	10.000	—	10.000
Итого . . .	79.000	82.100	50.800	76.000
Центр. группа армий.				
4-я армия	—	18.200	28.100	18.500
3-я армия ударн. гр.	22.000	9.000	14.500	12.000
3-я армия пасс. гр.	—	27.200	42.600	30.500
Итого . . .	22.000	34.500	49.600	38.000
Итого . . .	101.000	116.600	100.400	114.000
Южный фронт.				
6-я армия	числен. нет	14.000	13.000	16.500
Итого . . .	—	130.600	113.400	130.500

Эта таблица уясняет нам то „расхождение“ во взглядах на группировку сил противника между Полевым штабом и штабом фронта, о которых говорилось в предшествующей главе.

В то время, как фронт считал, и не без основания, главные силы 79.000 штыков и сабель поляков группирующимися в районе Варшавы и к северу—„для Западного фронта было совершенно очевидно, что главные силы противника сосредоточены против нашей основной группировки в районе Цеханов—Новогеоргиевск—Варшава", говорит автор „Похода за Вислу", Полевой штаб, преуменьшая эту группировку, также не без основания, подходил к действительной численности „Центральной группы армий" бело-поляков, преувеличивая таковую на 12.000 человек. В представлении Полевого Штаба группировка бело-поляков рисовалась в двух равных группах на Варшавском и Люблинском направлениях.

Для читателя ныне становятся ясными все те опасения, какие высказывались Главнокомандованием по поводу Люблинского района, из которого можно было ждать удара, каковой в действительности и последовал.

Командование фронтом, однако, не в такой мере оценивало группировку на Люблинском направлении и во всяком случае думало ликвидировать ее средствами другого фронта.

Главнокомандование высказало, что фронту группировка противника более детально известна.

Что касается намерений противника, то фронт не был убежден, где противник даст решительный бой. „Заранее мы не знали, где мы встретим главное сопротивление противника—на Висле, или за Вислой", говорит автор „Похода за Вислу". Между тем, в разговоре 10 августа Командование фронтом определенно указывало, что: „главные бои будут на Висле". Таким образом, противник: 1) не думал сдавать Варшавы без боя и 2) не боялся „давать генерального сражения, имея в тылу Вислу", как это думал тот же фронт 10 августа.

Нужно было ожидать контр-удара противника. Уже 7 августа Главнокомандование указывало фронту, что при направлении главных сил 16 армии на Варшаву ей „всегда будет угрожать Ивангородское направление". Подтверждение этого последовало 9 августа, когда в 12-й армии (Юго-Запфронта) был перехвачен приказ по 3-й польской армии, полученной в Полевом Штабе 10 августа. Этим приказом намечалось сосредоточение на 17 августа— „новой польской армии" в районе Люблина с целью ликвидировать противника на северном участке". „Задача 3 армии задержать до 18 августа противника, наступающего к реке Вепрж, с целью охраны сосредоточения новой армии". Это была первая ласточка в раскрытии группировки противника.

По поводу этого приказа автор „Похода за Вислу" пишет следующее: „Между тем 12-й армией был перехвачен приказ по 3-й польской армии, из которого было ясно, что поляки

готовятся к переходу в наступление против нашего левого фланга из района реки Вепрж. Между прочим, этот приказ вызвал большое сомнение в Полевом Штабе, что и высказано в разговоре по проводу и указано, что по данным разведки все называемые нами части к нам не переброшены, а продолжают действовать на Юго-Западном фронте. К сожалению, приказ был верен".

Да, действительно, „к сожалению, приказ был верен". Из приведенной выше группировки поляков в понимании ее Полевым Штабом можно было уже усмотреть, что приказ являлся лишь подтверждением ее. Как на этот приказ реагировало Главное Командование, мы укажем ниже.

Перехваченный приказ 12 августа был передан в Штазап. Подтверждение его пришло и из штаба Мозырской группы в Штазап того же 12 августа (разведсводка к 6 часам 13 августа). 13 августа в 0 ч. 25 м. в разговоре по прямому проводу при обмене мнений по поводу отправления 6-й кавдивизии из состава конной армии на Врангелевский фронт, Командование фронтом считало это невозможным, указывая, что „это равносильно расформированию Конной армии... а без Конной армии нам обойтись нельзя, так как Юго-Зап-фронт еще не ликвидировал противника. Между прочим, по перехваченному приказу 3-я армия (польская) собирается перейти в наступление и даже опрокинула одну бригаду (Мозырск. группы. В общем южнее Холма еще придется много действовать и я не решусь на ослабление". На это Главнокомандованием было указано, что: „Относительно 3-й армии вам лишь вчера был передан перехваченный приказ, согласно которого поляки, наоборот, отходят и это подтверждается фактами, относительно галицийского участка, повидимому, поляки снимают и 18 дивизию для переброски ее на Варшаву".

Такова была оценка перехваченного приказа. Нельзя сказать, чтобы как фронт, так и Полевой штаб считали его еще не требующими подтверждения. Во всяком случае фронт не думал менять плана своей операции, а за 4 дня нельзя, конечно, было расчитывать на появление в районе Холма 1 Конной армии для ликвидации польского контр-удара—расстояния говорили за непреложность этого. Перейдет или нет в наступление 3-я польская армия ночью на 13 августа, было еще неясно, так как согласно приказа 3-й армии от 11 августа, перехваченного после 13 августа и помещенного в сводке Штазапа к 6 час. 17 августа—12 августа части 3-й польской армии лишь выходили из линии прежнего фронта для сосредоточения в новом районе, т.-е. „отходили" перед фронтом 12-й армии, на что и указывалось Главнокомандованием.

Сам фронт склонялся к этому и директивой 15 августа приказывал „разбить и уничтожить“ 4 дивизии (3-й польской армии) противника, группирующиеся в районе Красностав—Дубенки Холм 1½ дивизиям Мозырской группы и главным силам 12-й армии. „Большого сомнения“ приказ 3-й польской армии не вызывал, а требовал лишь подтверждения. Во всяком случае в расценке общей обстановки приказ учитывался и по нему было принято важное решение, о чем скажем впоследствии. Не всегда можно доверять захваченным приказам противника.

Так расценивалась с нашей стороны обстановка у белополяков.

в) Состояние армий Запфронта.

Теперь обратимся к рассмотрению того „инструмента войны“ — армиям Запфронта, на которые выпадала задача „овладеть Варшавой“.

„Западный фронт насчитывал в своих рядах едва только 40.000 штыков“ [1]), пишет автор „Похода за Вислу“. „Войска Западного фронта были истощены и ослаблены, но зато они были сильны духом и не боялись противника. Вдвое—втрое сильнейший противник не мог остановить нашего наступления. Тяжела была инерция удара, инерция победы“, заключает тот же автор.

Итак, численного превосходства на нашей стороне уже не было, даже в „той минимальной части“, не пустить которую в дело, по мнению Клаузевица, „было бы ошибкой“.

„На войне перевес, уже данный вначале или приобретенный, служит только средством. Однако, необходимо знать предел, до которого хватит перевеса, чтобы за него не перешагнуть; иначе вместо новых выгод грозит посрамление“— так учит тот же Клаузевиц.

Для нас в данное время интересно выяснить, дошли ли мы уже до предела, когда даже пожертвование средством не сулило нам „новых выгод“.

„Успех наступления есть результат наличного превосходства сил материальных и нравственных, вместе взятых“, говорит тот же философ войны.

Что касается сил материальных, т.-е., иными словами, численного превосходства, то, начав войну с силами недостаточными для уничтожения противника, мы выставили силы лишь „возможно большие“, какие могли выделять по обстановке.

Пять недель победоносного марша с боями к Варшаве с каждым днем уменьшали это численное превосходство. Клаузевиц образно говорит, что: „армия, вторгнувшаяся в

---

[1]) По отчетным данным, обыкновенно запаздававшим, численность фронта была гораздо выше. Мы придержимся указанной цифры, как наиболее отвечавшей действительности.

неприятельский край, уподобляется пламени лампы; чем более понижается уровень масла, чем более оно удаляется от питаемого им пламени, тем меньше становится последнее, пока оно, наконец, совсем не потухнет".

Уже с подходом к Бугу, наши армии начали встречать серьезное сопротивление со стороны усилившихся и пополненных частей бело-поляков.

Участник похода т. Путна в своей статье. „Под Варшавой" (Революция и Война, сборн. № 3) так рисует состояние наших войск под Варшавой: „Жестокие бои последних дней, сопряженные с громадными потерями, сильно ослабили полки дивизии (27-й) и нужда в пополнениях бойцами и огнеприпасами была огромная. Хотя дух частей сохранялся, но их реальная сила таяла с каждым днем неравного боя. Противник все время усиливался, вливая в свои полки значительные по численности пополнения, проникнутые сильной ненавистью к русским".

В своих итогах Варшавской операции тов. Путна указывает на „неготовность 16 армии к выполнению столь важной и сложной задачи, как овладение Варшавой (политическим и национальным центром противника), по причинам: а) оторванности армии от тылов (баз), как результат неналаженности тыловых железных дорог; б) некомплект частей (по количеству бойцов) и отсутствие пополнений и возможности подать их своевременно". Следующим выводом этот участник отмечает: „чрезмерное подчинение принципов стратегии политическим соображениям, выразившееся в продолжении наступления по требованию политической обстановки, вопреки состоянию армии на рубеже р. Буг".

Другой участник Н. Какурин в статье: „На пути к Варшаве" (Революция и война, сборн. 4—5), указав на наше удаление от источников комплектования и, наоборот, на осаживание поляков на свои тылы, говорит: „соотношение моральных и материальных сил обеих сторон все более и более приходило к состоянию неустойчивого равновесия и всякое нарушение этого равновесия могло уже повлиять на дальнейший ход кампании, по крайней мере, на ближайший период времени". „Самым неблагоприятным для нас фактором", продолжает Н. Какурин, „в случае вынужденной остановки, являлась крайняя малочисленность частей, делавшая их тактическими единицами лишь по названию, а не по сути". „Достаточно сказать, что число штыков в полках моей дивизии колебалось в круглых цифрах от 160 до 250, нигде не превосходя последней цифры".

В другом своем труде „Русско-польская кампания 1918—1920 года" тот же автор определяет силу наших дивизий в 2.000—2.500 штыков (стр. 56).

Наконец, в Историческо-Статистическом очерке XVI армии" войска ее рисуются, как: „сильно утомленные долгим и стремительным маршем, численно ослабленные (к этому времени армия имела около 12.000 штыков), но сильные революционным подъемом и наступательным духом... Имевшееся в глубоком тылу значительное количество пополнения для красных частей не могло быть своевременно подвезено, вследствие слабой провозоспособности железных дорог, разрушенных поляками при отходе. Растянувшийся тыл не успевал подавать в нужном количестве огнеприпасы и другие предметы снабжения".

Таково же было положение и в других армиях. Одним словом, мы были сильны духом, как наступающая сторона, но численно уступали противнику.

Выдержки из трудов участников похода под Варшаву говорят согласно об опустошенной полосе сзади наших армий, вместо налаженного тыла.

„Пламя лампы" горело лишь внутренним самовозгоранием душ и сердец красных бойцов, устремившихся к намеченной политикой цели.

Где же было то „масло", которое могло усилить армии численно? Оно могло быть подано армии тремя путями: 1) за счет имевшихся на фронте укомплектований в количестве 60.000 человек; 2) за счет восстающего и берущегося за оружие пролетариата Польши и 3) за счет других фронтов.

г) Пополнение армий фронта.

К рассмотрению этого мы сейчас и обратимся.

В главе V автор „Похода за Вислу" указывает, что „В течение июня месяца было из'ято около 100.000 дезертиров, что в два с половиной раза превысило наши надежды". Испытывая громадные затруднения в казармах, в обмундировании и вооружении, фронт все же к началу июльского наступления (к 4 июля) влил 40.000, а остальные 60.000 оставались в распоряжении его армий. Эти пополнения в 60.000 человек могли быть влиты на линии Гродно—Брест уже во время нашего отхода, куда они подошли как походом, так и по железной дороге (стр. 51).

Одним словом, пополнения опоздали влиться в состав наших армий. Причин к этому много и они еще недостаточно детально исследованы, чтобы сказать, опоздали ли они по вине железных дорог, или в силу других об'ективных причин, или в силу того, что были поздно двинуты вперед, хотя бы походом.

В разговоре 10 августа фронт докладывал об открытии железнодорожного движения до Белостока и Бреста, а в раз-

говоре 18 августа на предложение Главнокомандования повернуть 48 дивизию на Брест указывал, что об этом: „надо подумать, так как голод на паровозы совершенно не дает возможности справляться с внутренними надобностями. У нас на колесах свыше 60.000 пополнения, идущего в армии, и все это почти не двигается; пришлось прекратить санитарное движение и переброску штабов. Однако, учитывая обстановку (шел уже контр-удар поляков с линии р. Вепрж), 48 дивизию очень желаю и, если поможете паровозами, а важность момента этого требует, то мы ее быстро перебросим". В заключение разговора фронт „опять повторял, что желдороги восстанавливаются выше удовлетворительного и при достаточном количестве паровозов у нас был бы идеальный тыл. Учитывая те рессурсы, о которых вам говорил, можно безусловно поручиться за полный разгром Пилсудского, надо справиться с транспортом. Поэтому хотя бы только на время операции прошу довести наши две магистрали до десяти пар, это даст нам полную победу".

5 августа фронт просил в первую очередь хотя бы 64 паровоза.

Итак, транспорт оказался загруженным 60.000 пополнения, но на колесах сидели и тылы вплоть до молочной фермы N дивизии.

Берем исключительно ответственность на себя и обратимся к нижеследующим подсчетам. К 1 июля 40.000 пополнений были влиты в армии и 60.000 оставалось в запасных частях. Будем считать, что только через две недели эти пополнения могли получить обмундирование, снаряжение и вооружение, т.-е. готовы к походу 15 июля. К 15 августа, если бы эти пополнения были двинуты походом с линии Витебск — Могилев и проходили в среднем в сутки по 15 верст, они бы достигли линии Белосток—Бельск, т.-е. опаздывали влиться в армии к решительному сражению. Очевидно, что нужна была или остановка армий до Буга, или же хорошая работа железных дорог. Можно сказать только одно, что армии фронта шли к Варшаве с перевесом, „данным в начале", а „приобрести" его из тыла не могли при той скорости движения, с какой развертывались операции.

д) Пополнения впереди фронта.

Возможно, однако, было расчитывать получить этот перевес в силах впереди, включая в свои ряды революционные политические элементы Польши. Это соответствовало духу той классовой борьбы, которая возгоралась при нашем „Походе за Вислу". Автор описания этого похода в главе VII указывал уже нам, что до 30.000 пролетариев белоруссов

были включены в ряды Красной Армии, что германские рабочие сотнями и тысячами шли добровольно под знамена Красной Армии. В Польше также рабочее население глухо волновалось, батраки определенно нам сочувствовали, крестьянство, относившееся сначала подозрительно, скоро освоилось с нами и успокоилось. Автор считает, что „разговоры о пробудившемся национальном чувстве среди польского рабочего класса в связи с нашим наступлением, являются, конечно, следствием проигрыша нами кампании. У страха глаза велики", заключает автор. Правильно определить, увеличится ли революционное настроение пролетарских и крестьянских масс Польши и мы пополним свои силы, или же, наоборот, встретим сильное сопротивление буржуазных классов, овладевших настроением трудового элемента — очень трудно. По этому поводу Клаузевиц говорит: „случается, что ошеломленный неприятель роняет оружие из страха, а другой раз бывает, что он воодушевляется пароксизмом энтузиазма; все хватается за оружие, так что сопротивление после первого поражения сильнее начального. Для того, чтобы заранее предвидеть, что именно последует, принимаются данными—характер народа и правительства, природа края и политические его отношения. Ясно, насколько одни лишь два последние указанные пункта влияют на нескончаемое разнообразие условий, применительно коим планы составлять возможно и должно. Поэтому случается, что один упустил свое счастье своими, так называемыми, методическими действиями, а между тем другой валится выше ушей и озирается потом как только что вытащенный из воды, удивленным и перепуганным взором".

У нас имелись сведения, что правительство Польши напрягает все усилия к консолидации народа и армии, что Антанта щедрой рукой шлет материальную помощь и командирует своих инструкторов, а что касается настроения местного населения, то, по мере продвижения к западу, таковое складывалось не в нашу пользу. Тов. Путна в указанной и цитированной нами выше статье говорит о „сильной ненависти к русским", которой были проникнуты пополнения, вливавшиеся в армию противника. Что было в действительности у бело-поляков— мы видели выше из описаний француза Л. Ф.

Иными словами, наши армии Запфронта не могли рассчитывать на пополнение впереди, а, наоборот, должны были считаться с увеличением сопротивления противника и партизанскими выступлениями в тылу, признаки чего начали обнаруживаться с нашим переходом через Западный Буг.

Далее нам бы следовало остановиться на исследовании третьего пути усиления фронта, а именно: переброски с других фронтов, но для ясности мы пока продолжим речь о **собственных силах самого фронта.**

Автор „Похода за Вислу“ указывает нам, что: „Войска Западного фронта были истощены и ослаблены, но зато они были сильны духом и не боялись противника. Вдвое-втрое сильнейший противник не мог остановить нашего наступления. Такова была инерция удара, инерция победы“.

Действительно, все наше превосходство обосновывалось на превосходстве духа, но такое превосходство имеет также свои пределы. На Буге и Нареве, оказывалось, что даже сильным революционным порывом нашим частям приходится преодолевать увеличившееся сопротивление противника.

Если читатель помнит, то 16-я армия задержалась на Буге, именно в силу этих причин и отнюдь не потому, что командование 16 армии разбросало свои силы, как это думал фронт. Те же причины начинали сказываться и в северной, ударной, нашей группе армий, которая уже на Нареве встретила серьезное сопротивление. Однако, фронт верил в высокий дух армий, и лишь впоследствии начал фиксировать обратное. В разговоре 18 августа фронт отмечал, что: „3 и 5 армии все время теснятся противником и Командующий 15 армией определенно указывает, что части начинают сдавать“. „Сегодня, т. е. 16 августа, Командарм 15 указывает, что наши части не слишком становятся боеспособны. Это первое замечание“, говорит 17 августа фронт. Нам неизвестна дата телеграммы Штаба 3 армии, о которой фронт упоминает в разговоре 0 ч. 55 м. 19 августа, говорящая о том, что: „армия сильно переутомлена, ослаблена боями и мало пригодна для активной цели“.

Таким образом, мы более согласны с доводами тов. Путна, что при подходе к Варшаве наши армии, хотя и были сильны духом, но оказались уже с ослабленной реальной силой, и заключения автора „Похода за Вислу“, что „вдвое-втрое сильнейший противник не мог остановить нашего наступления“—были лишь выводом фронтового командования в то время, как в действительности в армиях нельзя уже было возлагать больших надежд на наш моральный перевес.

Армии Запфронта шли к перенапряжению сил, за которыми могла наступать „пагубная реакция“. Мы шли на риск. „Блестящая отвага и высокая предприимчивость“... заносила нас за цель. Не будем отрицать того, что влечение к этой цели было велико у всех, судим об этом лично по себе,—военные страсти горели, голова становилась горячей... но в таких случаях Клаузевиц всегда предпочитает у начальников „холодную голову горячей“. „Сильным духом познаем не того, кто способен сильно чувствовать, но того, кто сохраняет равновесие и под влиянием сильнейших ощущений; этого, кто среди волнений сердца способен подчиняться всем указаниям разума, точно чуткая стрелка компаса среди клокочущей бури“—**так поучает философ войны.**

„Выходя на подступы к Висле, он (Запфронт) был предоставлен своим собственным силам", пишет автор „Похода за Вислу" и причину этого видит в „нашем обще-стратегическом положении", оценка которого „рисовалась далеко не в розовом свете".

Этой оценке автор книги отводит довольно большое место в своем кратком труде.

в) Усиление за счет других фронтов.

Иная окраска, а не „розовая", нашего стратегического положения об'ясняется автором двумя причинами: 1) „силы Юго-Западного фронта не были во взаимодействии с основными силами Западного фронта" и 2) „Непрерывные успехи Западного фронта вселили большую уверенность в нашем конечном успехе. Намечалось снятие целого ряда дивизий с Западного и Юго-Западного фронта для переброски на Крымское направление. Приходилось отстаивать неприкосновенность частей".

Мы подошли к тому третьему пути усиления Запфронта, о котором говорили выше и что выходило уже из компетенции Запфронта.

Приступая к разбору нашего общего стратегического положения, мы заранее просим извинения за излишнюю, может быть, нашу многоречивость, но и автор „Похода за Вислу" уделяет этому большое внимание. Кроме того, оценка общего стратегического положения входила большого значения данной в расчеты самого фронта.

Прежде всего мы считаем нужным напомнить читателю положения автора „Похода за Вислу".

Указав на то, что: „еще до начала польской кампании поднимался вопрос о том, чтобы об'единить Западный и Юго-Западный фронты под общим командованием Западного фронта", автор признает вполне допустимым решение Главнокомандования осуществить это „при нашем выходе на меридиан Брест-Литовска". Причиной этого являлось Полесье, раз'единяющее оба фронта. Однако, когда фронты вышли, то оказалось, что это об'единение: „почти невыполнимо в силу полного отсутствия средств связи" и „мы могли эту задачу выполнить не скоро, не ранее 13—14 августа, а обстановка уже с конца июля настойчиво требовала немедленного об'единения всех этих войск—под общим командованием".

„Расчитывая со дня на день получить в свое подчинение 12 и 1 Конную армии, Командование Западного фронта уже заранее предопределяло им подтягивание к левому флангу основных армий фронта, но дело затягивалось, и эта задача осталась висеть в воздухе".

Такое отсутствие взаимодействия фронтов, по мнению автора: „особенно резко подчеркивалось тем обстоятельством, что перед Юго-Западным фронтом вставала его местная и, сама по себе, чрезвычайно важная задача овладения центром Галицийской области—городом Львовом. Сюда то и направлялись основные усилия Юго-Западного фронта, расходясь таким образом с усилиями Западного фронта не менее, как на 90 градусов".

Сравнив с бело-поляками, которые „сосредоточили все свои силы против решаюшего Западного фронта ко времени решающего столкновения", автор приходит к выводу, что: „наши силы к этому решающему моменту оказались раздробленными и глядящими по разным направлениям. Те усилия, которые были предприняты Главным Командованием для перегруппировки основной массы Юго-Западного фронта на Люблинское направление, к сожалению, в силу целого ряда неожиданных причин, успехом не увенчались и перегруппировка повисла в воздухе".

Мы уже указали выше, что на содействие Юго-Западного фронта Запфронт сильно расчитывал. „Левый фланг, т.-е. группировка Юго-Западного Фронта все время беспокоила Западный фронт", пишет автор. „Ожидая с минуты на минуту передачи Конной армии Западному фронту и установления с ней связи, проектировалось создать более сильное сосредоточение на Люблинском направлении, сконцентрировав на нем главные силы 12 и 1 Конной армии".

В другом месте автор отмечает, что: „Главное Командование, учитывая необходимость консолидации левого фланга Западного фронта, 11 августа в 3 часа отдает Юго-Западному фронту директиву о необходимости изменить группировку сил Юго-Западного фронта и в самом срочном порядке двинуть Конную армию в направлении Замостье — Грубешов. Расчет времени и пространства показывает, что эта директива Главного Командования могла быть безусловно выполнена до перехода южной польской группировки в наступление. Если бы выполнение несколько и запоздало. то польские части, перешедшие в наступление, были бы поставлены перед неизбежностью полного разгрома, получив по тылам удар нашей победоносной армии".

Указав, что, в силу проводившейся Львовской операции, выполнение этой директивы задержалось, автор говорит: „Когда было приступлено к его выполнению, то время было уже в значительной мере потеряно. Но хуже всего было то, что наша победоносная Конная армия ввязалась в эти дни в ожесточенные бои за обладание Львовом, где бесплодно потеряны время и силы на укрепленных его позициях, в борьбе против пехоты, конницы и мощных воздушных эскадрилий.

Эти бои засосали Конную армию и она приступила к выполнению перегруппировки с таким запозданием, что ничего полезного на Люблинском направлении сделать уже не могла".

Каково было значение Люблинского направления, то автор отмечает, что: „если бы только мы сосредоточили своевременно на Люблинском направлении части Конной армии, то и здесь наша группировка была бы угрожающей для белополяков и они не могли бы помышлять не только о наступлении из района Ивангород—Люблин, но были бы сами поставлены в очень тяжелое положение и неминуемо были бы отброшены на западный берег Вислы. Это обстоятельство с полной убедительностью доказывает, что мы могли и должны были решиться на наше наступление за Вислу и что это наступление имело полное основание на успех, если бы с нашей стороны не имел место недочет в стратегическом сосредоточении" (курсив наш).

Мы входим в разрешение очень интересного вопроса о взаимодействии двух фронтов. Читатель поймет, конечно, нас, что мы не можем здесь подробно излагать развитие операций на Юго-Западном фронте, так как это завело бы нас далеко и отвлекло от разбора действий Западного фронта. В мере необходимости мы будем останавливаться на операциях на юге, но не с той полнотой, с какой бы хотелось это сделать. В будущем, может быть, мы осветим это полнее, если наша жизнь позволит это сделать, а если нет, то за нас выполнят это историки.

Итак, прежде всего о разделении всего нашего фронта против белополяков на два фронта. Думаем, что на этом не придется останавливаться долго, доказывая не только целесообразность, но и необходимость этого. Брошенный взгляд на карту, в то ее место, где зеленой краской покрыто значительное пространство, именуемое Полесьем, говорит о двух театрах военных действий. Правда, Полесье в наши дни более проходимо, чем ранее, но все же стесняет маневрирование и резко делит театр на две части. Такое разделение в военной истории проводилось всегда. Начиная с походов времен Алексея Михайловича и до империалистической войны включительно как с нашей стороны, так и со стороны противной, всегда операции велись по двум направлениям: к северу и к югу от Полесья. Если такая историческая справка недоказательна, то и в войне 1920 года бело-поляки также разделяли свой фронт на две части—северную и южную.

Таким образом, в разделении фронтов нет никакой ошибки, что признает „вполне допустимым" и сам автор „Похода за Вислу". Все дело во взаимодействии фронтов. История войны 1831 года показывает, что даже тогда, когда наши армии

действовали к западу от Буга, разделение на два фронта не особенно тормазило операции и во всяком случае не содействовало их срыву. Между тем, в те времена у нас не было и такой связи, которую мы имели в 1920 году, хотя бы даже работавшую плохо. Заверяем автора „Похода за Вислу", что в 1831 году ни Дибич, ни Паскевич не имели иных средств связи, кроме конных вестовых, да фельд'егерей на подводах, однако все время поддерживали теснейшую связь с Крейцом, а затем и Редигером, действовавшими в Люблинском воеводстве. В нашем же распоряжении в 1920 году, кроме телеграфа, автомобилей, оказывалось и радио, т.-е. такие вещи, узнав о которых Начальники 1831 года наверное было, по их богомольности, долго крестились, считая это за навождение дьявола.

Признав необходимым разделение всего фронта против бело-поляков на два фронта, Главнокомандование прежде всего поставило себе задачей направление усилий этих фронтов к одной общей цели. Уже в конце марта, еще задолго до начала операций 1920 года на польском фронте, в разговоре с командованием Юго-Западного фронта, Главным Командованием задача его определялась, как содействие главным операциям Западного фронта в общем направлении на Брест-Литовск. Это направление и явилось все время руководящим как для Главного командования, так и Командования фронтом.

Однако, по словам Мольтке: „Только профан может думать, что весь поход ведется по предначертанному плану, без отступлений, и что этот первоначальный план может быть выдержан до конца во всех его подробностях".

С отклонением от прямолинейного движения главных сил Юго-Запфронта пришлось столкнуться с самого начала военных действиий. Начать с того, что поляки первые с превосходными силами обрушились 25 апреля на Юго-Запфронт и последнему, до усиления его 1 Конной армией, пришлось сначала обороняться. Затем группировка противника подсказала откуда должен быть нанесен удар 1-ой Конной армией, который пошел в направлении с юго-востока на северо-запад южнее Брестского направления. Этот решительный удар привлек значительные силы бело-поляков на себя в районе Ровно, где завязалась упорная борьба, предшедшая затем в Дубно-Кременецкий район. „По всей линии Юго-Западного фронта поляки оказывают весьма сильное сопротивление, в этом особенное упорство проявляют на Львовском направлении", доносил Юго-Запфронт 23 июня 1920 года.

Таким образом, перед Юго-Западным фронтом оказывались два направления: 1) на Брест-Литовск через Ковель—Владимир-Волынск и 2) на Львов. Оба направления являлись эксцентрическими.

Со времен похода Богдана Хмельницкого Львов являлся тем „гибльм местом", на котором „каждый раз" спотыкались русские армии. В минувшую империалистическую войну Львов сыграл ту же роль, позволив австро-венгерской армии благополучно выбраться из-под намечавшегося с нашей стороны концентрического удара и ускользнуть на запад. Нет сомнения, что Львов имел, имеет и будет иметь всегда значение, как центр восточной Галиции и как таковой притягивал к себе наступающие армии. Политическое значение Львова иногда превалировало настолько, что отодвигало на второй план чисто военные интересы в разгроме живой силы противника, оперировавшей к северу от этого города. Нужно много мужества, чтобы отказаться от желания пройти мимо Львова, оставив против него лишь заслон. Против искушения овладеть Львовом, как известно, в 1914 году не устоял и Рузский.

К 22 июля 1920 года Юго-Западный фронт был: на линии р. Стыри 12-я армия, против Дубно-Кременецкого района 1 Конная армия и против Тарнополя 14 армия. Западный фронт к этому времени был на высоте Слонима.

В этот день, очертив, как указано выше, обстановку на фронте, Комануюгозап представил главному командованию дальнейший план своих действий, прося утверждения. „Считаю необходимым центр тяжести главного удара со стороны армий Юго-Западного фронта перенести в пределы Галиции, поставив армиям задачи: 1) 12 армия, заняв Ковель, развивает удар на Холм-Люблин; 2) 1 Конная армия по ликвидации Дубно-Кременецкой группы противника стремительно наносит главный удар в обход Львова общем направлении на Берестечко—Рава Русская—Ярославль; 3) 14 армия наносит удар в общем направлении Тарнополь—Николаев".

23 июня из Минска, т.-е. в Штабе Запфронта, почти одновременно с отдачей основной директивы о взятии к 12 августа Варшавы, главнокомандование отдает следующую директиву Юго-Запфронту, в копии, адресованной и Запфронту.

„Минск 23 июня 1920 года.

„Сложившаяся обстановка, в связи с энергичным и быстрым продвижением вперед Запфронта, преследующего противника, требует такого же энергичного развития нашего наступления и на польском участке Юго-Запфронта, а потому приказываю: 1) сильной ударной группой правого фланга к 4 августа овладеть районом Ковель—Владимир-Волынский, поддерживать связь с левым флангом Запфронта и обеспечивая свой левый фланг; 2) остальным силам польского участка фронта нанести решительное поражение 6 польской и украинской армиям противника, отбросив их на юг к границам Румынии, использовав для этой задачи конную армию, при чем

последней, выполняя эту операцию, обеспечив себя со стороны Львова, сосредоточить свои конные массы на узком фронте и действовать таковыми в определенном выбранном направлении, не распыляя их и не ослабляя тем силу удара; 3) с 24 июля 20 г. разграничительная линия между Запфронтом и Юго-Запфронтом продолжается на м. Ратно, Влодава, Ново-Александрия (на Висле) все пункты для Запфронта включительно".

Того же 23 июня в 16 часов Юго-Запфронтом отдается директива, в которой „в целях окончательного разгрома польской армии в связи с задачами, данными армиями Запфронта, приказывается: 1) 12 армии, овладев в кратчайший срок Ковелем и выставив заслон в сторону Бреста, развивать главный удар самым решительным образом в общем направлении Холм, Красник, Аннополь. Холм занять не позднее 4 августа и переправы через Вислу и Сан в районе Аннополя и Ниско—15 августа; 2) 1 конной армии, разгромив окончательно Дубно-Кременецкую группу противника, стремительным рейдом главной массы конницы овладеть не позднее 29 июня районом Львов — Рава-Русская, выбросив передовые части для захвата переправ через р. Сан в районе Синява—Перемышль; 3) 14 армии, учитывая задачу конной армии, сломив сопротивление противника на линии р. Збруч, силами ударной своей группы решительно наступать в общем направлении Тарнополь—Перемышль—Городок". Разграничительные линии, согласно директивы главного командования.

Мы считали необходимым документально осветить основные предположения по действиям Юго-Запфронта. Из этих документов читатель может усмотреть разницу во взглядах на действия 1 Конной армии главного командования и фронта. В то время, как главное командование предполагало разгромить 6 польскую и Украинскую армии до занятия Львова, а затем, прикрывшись со стороны Львова заслоном, всю конную массу сосредоточить и бросить „в определенно выбранном направлении", т.-е. на Люблин, что командованию фронтом было известно и что являлось шифровкой наших намерений, фронт возлагал на 1 конную армию овладение районом Львов—Рава-Русская, думая это выполнить к 29 июля. К Сану от конной армии выбрасывались лишь отряды.

Теперь посмотрим, были ли согласованы эти предложения с действиями Запфронта.

Обратимся к карте и циркулю. В то время, как армии Западного фронта 1 августа должны были выходить на Нарев и Буг, 12 армия 4 августа должна занять район Ковель—Владимир-Волынский, а по задаче фронта даже и Холм, т.-е. иными словами, правый фланг Юго-Запфронта шел на одной высоте с армиями Запфронта.

Что касается 1 конной армии, то, если даже учесть поставленную ей фронтом задачу, она 29 июля должна была занять Львов, от которого до Люблина 200 верст. Считая, что более 15 верст с боями армия не могла пройти в день, подход ее в район Люблина можно было ожидать не ранее, как через 13 дней, т.-е. к 11 августа. Конечно, если бы конная армия, согласно директивы Главнокомандования, не направлялась для атаки Львова, подход ее к Люблину можно было бы ускорить дня на 3—4.

Таким образом, к 12 августа главные силы Юго-Запфронта должны были быть в районе Люблина и нахождением здесь могли оказать самую деятельную поддержку в овладении Запфронтом Варшавой.

Предугадать, какая обстановка сложится на Висле заранее, 23 июля, было нельзя, но во всяком случае на опасное для нас Ивангородское направление устремлялись достаточные силы, чтобы сковать противника.

Возникает вопрос, нельзя ли было после удара по Дубно-Кременецкой группе противника, не отбросив ее или к югу от Львова, или не атаковав Львов, повернуть 1 конную армию на Люблин, чего так ждал Запфронт. Вспомним, что ослабление южного фронта бело-поляки начали производить только с 6 августа, когда для маневра на севере ими было взято—3 пехотных дивизии и $1^1/_2$ кав. дивизии, т.-е. около 21.000 штыков и сабель. До 6 августа эти силы вместе с силами 6 польской армии, около 40.500 штыков и сабель составляли активную и маневренную группу против главных сил (12 и 1 конной армии) Юго-Запфронта, насчитывавших не более 25—30.000 штыков и сабель. Едва ли можно было бы рассчитывать на свободный маневр 1 конной и 12 армий на севере без риска получить удар во фланг от Львова или разгрома 14 армии, наступающей с востока.

Для нас странными кажутся преждевременные расчеты Запфронта на подтягивание 12 и 1 конной армии к левому флангу Запфронта, так как данная 23 июля разграничительная линия между фронтами—Влодава—Ново-Александрия для Запфронта включительно, довольно определенно фиксировала рамки Запфронта. Директива Юго Западного фронта от 23 июля также была известна Запфронту, как адресованная ему. Казалось, для Запфронта были вполне ясны действия соседа, а поэтому следовало бы свои действия соображать с ними, а не строить расчеты на какой-то будущий, еще не спланированный маневр Юго-Запфронта. У последнего своих хлопот было достаточно.

События на этом фронте развертывались не так благоприятно, как хотелось нам. Противник оказывал серьезное сопротивление наступлению южного нашего тарана—1 конной

армии, о чем хорошо рассказано в „Тактических уроках из истории польских войн 1918—1921 г." Артишевского (Военный Зарубежник № 20—21). Львов давался нелегко. 12-ая же армия, наступавшая на Холм, была очень ослаблена в своем боевом составе. Неоднократно предпринимаемые меры подталкивания ее вперед как со стороны главнокомандования, так и Юго-Запфронта не могли дать результатов—армия выдыхалась (указания фронта от 26 и 28 июля). Наконец, 30 июля Юго-Запфронт отдает директиву, ускоряющую действия всего фронта, это еще раз подтверждается им же в директиве от 2 августа, вызванной контр-ударами поляков из района Берестечка.

Одним словом, Юго-Запфронт прилагал все усилия покончить с сильной группировкой противника в районе Львова, чтобы развязать себе руки для решительных операций на Висле. Напоминаем снова, что до 6 августа противник не перебрасывал крупных частей отсюда на Запфронт.

Снова сделаем подсчет. Предположим, что 8 августа, после ослабления южного польского фронта, 1 конная армия заняла Львов, в таком случае в районе Люблина она могла появиться не ранее 19—20 августа.

Ясно, что каждый день проволочки на Юго-Западном фронте отвлекал наши войска от Люблинского района. Нужно было помочь 1 конной армии справиться с противником. 3 августа Главное командование пишет Юго-Запфронту: „Обстановка на фронте т. Буденного безусловно вынуждает резкое выдвижение 12 армии в направлении на Владимир-Волынский. Какие распоряжения в этом отношении вами отданы". 4 августа из Лозовой Юго-Запфронт приказывает для уничтожения Львовской группы: „1) Командарму 12 (армия заняла Ковель), преследуя разбитого противника, главный удар наносить в общем направлении на Владимир-Волынский—Томашов; 2) Командарму 1 конной, нанося правофланговыми частями армии удар на Жолкиев, совместно с главными силами 12 армии разбить Львовскую группу противника и в кратчайший срок выполнить задачу армии по основной моей директиве (23 июля)".

Таким образом, впервые началось снижение 12 армии на юго-запад от Холмского направления. Необходимо было во что бы то ни стало оттянуть 1 Конную армию из боевой линии для новой перегруппировки. Во имя последней приходилось идти и на уклон к югу 12 армии.

6 августа в три часа главным командованием отдается такая директива. Указав на энергичное продвижение левого фланга Запфронта, главное командование предписывало: „потребовать от 12 армии энергичного и решительного продвижения вперед, что также облегчит и положение 1 Конной

армии Буденного, ведущего непрерывные и тяжелые бои с превосходными силами поляков. Вместе с тем необходимо дать отдых 1 Конной армии и подготовить ее для нового удара, для чего теперь же нужно принять такую группировку на Полесском участке вашего фронта, дабы пехотой сменить 1 Конную армию и вывести ее в резерв для отдыха и подготовки к решительному новому удару".

В развитие этой директивы Юго-Запфронт 7 августа приказывает: 1) „Командарму 12, продолжая преследование противника в Холмском направлении—из района Владимир-Волынского, силами не менее 3 стрелковых дивизий и всей армейской конницы, нанести стремительный удар в направлении Рава-Русская и в кратчайший срок занять район Рава-Русская—Томашов: 2) Командарму 1 Конной произвести соответствующую перегруппировку и с рассветом вывести основные части 1 Конной армии в резерв (1 конной армии были приданы 2 пех. дивизии), остальными частями, временно приданными в подчинение, действовать согласованно с частями 12 и 14 армий. Остальные части Конной армии, выделенные в резерв держать сосредоточенно, приняв все меры к скорейшему приведению в порядок конского состава и материальной части".

Однако, не так легко было вывести 1 Конную армию в резерв, противник упорно держался, а 12 армия, как указывалось выше, не могла быстро и решительно сломить сопротивление противника.

Теперь мы подходим к тому злополучному перехваченному приказу по 3 польской армии от 8 августа, в котором, по мнению автора „Похода за Вислу", Полевой штаб сомневался. Читатель помнит, что приказ был получен утром 10 августа в Полевом штабе, в тот же день был доложен, и в ночь с 10 на 11 августа Главнокомандованием отдается следующая директива: „Запфронт приступает к нанесению решительного удара для разгрома противника и овладения Варшавским районом. В виду этого, теперь приходится временно отказаться от немедленного овладения на вашем фронте Львовским районом и для оказания содействия Запфронту направить возможно больше сил для удара, примерно, на Люблин—Ново-Александрия, дабы всемерно поддержать левый фланг Запфронта. Это обстоятельство требует изменить основные задачи 12 и 1 Конной армии, при чем 12 армия главными силами должна наносить удар в общем направлении на Люблин, а Конная армия также главными силами должна выйти в район Замостье—Томашов—Грубешов. Вместе с этим является существенно необходимым скорейшая передача сперва 12, а затем и 1 Конной армии в непосредственное подчинение Запфронту, причем Запфронт указывает срок передачи 12 армии 13 авгу-

ста, а Конной числа 15. Срочно прошу вашего заключения по изложенному, а равно сообщить, какую группировку сил вы намерены сделать в связи с новой задачей, вытекающей из сложившейся обстановки на Запфронте. № 4738".

В тот же день 11 августа от Главнокомандования Юго-Запфронту последовала новая директива следующего содержания: „Отход противника на линию, указанную в перехваченном у противника приказе, облегчит фронту принять ту группировку, о которой я вам указал в последней директиве. К тому же направление главных сил 12 армии на Люблин даст нам впоследствии полную возможность разобщить северную группу противника от южной, базирующейся на Галицию, почему необходимо теперь же понудить 12 армию к быстрейшему выдвижению вперед, дабы она наступала плечо с плечом с частями нашей Мозырской группы, которая сегодня уже находится на высоте Коцка. В виду изложенного, заставьте Командарма 12, не теряя ни минуты, перейти к решительному выполнению своей новой задачи. № 4752".

Наконец 12 августа Главнокомандование указывало Юго-Запфронту директивой № 4767, что: „Мозырская группа заняла Коцк и 14 числа рассчитывает форсировать Вислу и овладеть Ивангородом. В операции на Висле должна участвовать 58 дивизия. Эта операция может потерпеть неудачу, если она не будет поддержана 12 армией, так как при стоянии 12 армии на месте получится разрыв между флангами Мозырской группы и 12 армии, почему настаиваю на энергичнейшем продвижении частей 12 армии вперед и овладении Холмом и Люблином. Ожидаю распоряжений. В районе Варшавы нами занят Вышков. № 4767".

Из всех этих трех директив Командованием Юго-Запфронта, находившимся на Врангелевском фронте в Александровске, прежде всего была получена последняя № 4767, на которую 12 августа он дал такой ответ: „58 дивизия с 24 часов 12 августа переходит в состав Мозырской группы Запфронта. Люблин новой разграничении остается за Запфронтом. 12 армия выполняет задачу овладения ударной группой кратчайший срок районом Томашов — Рава Русская и переправ через Сан на участке Синява Радымно. Правому флангу приказываю по занятии Холма стремительно преследовать противника в общем направлении на Красник—Янов для захвата кратчайший срок переправ на Висле в районе Аннополь—Завихост и на Сане Развадов, Ниско". Одновременно армиям фронта это было подтверждено директивой № 766, при чем приказывалось: „настоятельно потребовать от частей самого энергичного и решительного натиска и продвижения, дабы согласованными действиями с частями Запфронта кратчайший срок овладеть линией Вислы и Сана".

Первые две директивы главного командования были получены командованием Юго-Запфронта лишь 13 августа, причем последнее в тот же день отвечало, что „армии Юго-Запфронта выполняют основную задачу овладения районом Львов—Рава Русская и втянуты уже в дело". Отметив, что предпринимается фронтом для оказания содействия Запфронту, Юго-Запфронт заканчивал: „Изменение основных задач армиям данных условиях считаю уже невозможным".

Так дело складывалось с нашей группировкой на Люблинском направлении к 13 августа.

К назначенному фронтом сроку, 29 июля, со Львовом покончить не удалось, тогда возникает у Главнокомандования мысль вырвать 1 конную армию, а Львов атаковать пехотой, для чего снижается 12 армия. Наконец, после получения перехваченного приказа главнокомандование окончательно отказывается от задачи овладения Львовом и направляет 12 и 1 конную армии на фронт Люблин—Замостье—Грубешов. Происходит двухдневная задержка в получении директивы Юго-Запфронтом, а затем конная армия уже настолько ввязалась в бои под Львовом, что Юго-Запфронт, поставив овладение этим городом „основной задачей фронта", не может отказаться от нее.

Предположим, что директива главного командования от 11 августа № 4738 была своевременно получена и 12 августа приказание о направлении в район Замостье—Грубешов было получено 1 конной армией. В этот день 1 конная армия выходила на линию Стоянов—Радзихов—Топоров, в полном боевом соприкосновении с противником. Необходимы были сутки, или даже двое, чтобы выйти из боевой линии, смениться частями пехотных дивизий и начать движение на линию Грубешов—Замостье, т.-е. не ранее 14 августа конная армия могла двинуться в этот район. Предстояло пройти 100 верст, т.-е. при полном напряжении утомленного уже конского состава и без особого сопротивления со стороны противника потратить 3—4 дня и, следовательно, в районе Замостье—Грубешов можно было ожидать конную армию не ранее 16—17 августа.

В этот день уже начиналось наступление бело-поляков, ближайшие резервы которых располагались в Красноставе, в 40 верстах от конной армии, до Люблина было 80 верст. Здесь Конной армии пришлось бы уже действовать при явном сопротивлении противника; это указывает нам, что на большую, чем в 20 верст скорость движения в сутки конной армии, рассчитывать не приходилось.

Подсчеты говорят за то, что на линию Холм—Красностав наши части могли выйти числа 18—19 августа, т.-е. на 2—3 день наступления бело-поляков, а к Люблину лишь 20—21 августа.

Если мы припомним выводы француза Л. Ф., что с движением вперед Центральной группы армий поляков и одновременным наступлением от Варшавы, поляки могли быстро перенести базирование своих 4 и 3 армии на Варшаву, то для нас станет ясным, что Конная армия уже опаздывала зажать противника в Люблинском районе.

Забегая вперед, видим, что 18 августа фронт 4 и 3 польских армий был уже на линии Гарволин—Седлец, а 21 августа на линии Остров—15 верст южнее Белостока и базирование на Варшаву оказывалось вполне обеспечено.

Предположим, что действия 4 и 3 польских армий не были бы такими решительными и они бы выделили большие силы для обеспечения Люблинского района. На это можно указать, что, предпринимая наступление с р. Вепрж, польское командование всегда считалось с возможностью нашего удара с востока и юго-востока и для этого оставляло 7.500 штыков и сабель. Самое же главное, что ему этот удар по времени уже был не страшен. Противник предупреждал нас своей быстротой перегруппировки и началом наступления. Возможно, что далее линии Гродна—Брест польское наступление не развилось бы и нашему правому флангу Запфронта с бóльшим благополучием удалось бы отойти, но все же 1 Конная и 12 армии Юго-Запфронта, двинутые 13 или 14 августа в Люблинский район, колесо счастья военной победы под стенами Варшавы повернуть уже не могли. Их удар, как это и говорит Л. Ф., пришелся бы по воздуху.

„Расчет времени и пространства показывает, что эта директива (от 11 августа) Главного командования могла быть безусловно выполнена до перехода южной польской группировки в наступление. Если бы выполнение несколько и запоздало, то польские части, перешедшие в наступление, были бы поставлены перед неизбежностью полного разгрома, получив по тылам удар нашей победоносной армии".

Так говорит автор „Похода за Вислу". Наши расчеты говорят иное. Не будем спорить, может быть, они ошибочны, но нельзя же требовать от конной армии, утомленной, потерявшей $^1/_2$ своего состава в боях, движения со скоростью 50 верст в сутки. Последующие события показали, что для перехода из-под Львова в район Замостье 1 конной армии понадобилось 4 дня, что и мы выводили чисто арифметически.

Подробное рассмотрение взаимодействия фронтов приводит нас к выводам: 1) что только с движением 12 и 1 Конной армий 8—10 августа можно было рассчитывать остановить контр-удар поляков, но не уничтожить их—для этого сил этих двух армий было мало, а Запфронт, кроме 4.000 штыков Мозырской группы для этой операции ничего не давал;

25.000 штыкам и саблям нашей группировки на Люблинском направлении пришлось бы драться против 38.000 штыков и сабель поляков. Трудно при таком неравенстве сил рассчитывать на уничтожение бело-поляков в Люблинском районе и отбрасывание их за Вислу; 2) зная ежедневно обстановку на Юго-Западфронте, Запфронт не мог рассчитывать на обеспечение своего левого фланга войсками этого фронта—нужно было предпринимать меры и с своей стороны; 3) до 6-го августа группировка поляков на Львовском направлении была сильна, оторвать 12 и 1 конную армию с этих направлений было нельзя и даже в этом случае Главнокомандование стремится вывести конные массы 6 августа в резерв, отказываясь 11 августа от овладения Львовом. Между тем близился мир, и Львов, будучи в наших руках, был бы большим козырем при ведении мирных переговоров; 4) во взаимодействии фронтов автор „Похода за Вислу" видит недочет в стратегическом сосредоточении", мы же с своей стороны усматриваем более об'ективные условия: 1) слабые силы Югозапфронта вообще, а в частности правофланговой 12 армии, к поднятию боеспособности которой все время принимались меры; 2) утомление частей—4 августа конная армия ходатайствует об отводе в район Ровно; 3) более благоприятные условия маневра у противника, пополнившего к тому же свои части.

„Левый фланг, т.-е. группировка Юго-Западного фронта, все время беспокоил Западный фронт",—говорит автор „Похода за Вислу". Да, „левый фланг" Запфронта действительно вносил беспокойство, но для устранения этого нужно было усиливать его за счет своих войск, а не за счет группировки Юго-Запфронта, которая, в силу указанных выше причин, уклонялась к югу. Уже 7 августа главнокомандование с полной справедливостью указывало Запфронту, что: „16 армия пока не может рассчитывать на помощь 12 армии, которую по обстановке на Юго-западном фронте приходится главными силами сворачивать на Владимир-Волынск—Томашов". На следующий день главнокомандование раз'ясняло фронту: „Указание ваше на то, что быстрейшей передачей (Юго-Запфронта) будут достигнуты более решительные действия, неправильно, так как Юго-Западный фронт абсолютно не тормозит ваших решительных действий и даже, вопреки моих ожиданий, вовсе не отстал от линии вашего фронта... я считал бы, что вы вправе отметить недостающую согласованность действий между Мозырской группой и 12 армией, но вы из последней директивы должны видеть, что обстановка в центре Юго-Запфронта вынуждает 12 армию временно уклониться к югу. Лично считаю, что это снижение 12 армии дает нам, наконец, возможность вывести части Буденного за пехоту и этим самым оторвать его от лобового удара, в ко-

торый он втянулся, для дальнейшего его направления в более выгодном направлении, которое к тому времени определится".

Насколько „левый фланг", т.-е. группировка Юго-Западного фронта, все время беспокоил Западный фронт", мы проследим на оценке Люблинского района Запфронтом и главным командованием в последующие дни.

Только 13 августа, когда был в руках Запфронта перехваченный приказ 3-й польской армии и когда одна бригада Мозырской группы была ею опрокинута, Запфронт приходит к убеждению, что „южнее Холма еще придется много действовать", что и высказывает в разговоре, прося о подчинении ему 12 и 1 конной армии.

15 августа в разговоре же, говоря о переходе поляков в наступление против 12 армии и занятии ими Грубешова, фронт отмечает: „в общем мне сдается, что Львовская операция может расстроиться и по обстановке правильнее перенести центр тяжести действий на Холмско-Люблинское направление". Того же числа фронтом отдается уже указанная нами выше директива о совместной атаке Мозырской группы и 12 армии, группирующейся к северу от Холма группы противника.

В разговоре 17 августа в 2 ч. 30 мин., сообщая о вторичном занятии 12 армии Грубешова и о готовящемся наступлении 3 польской армии, фронт заявлял: „Таким образом переброска Буденного стала полной необходимостью... считаю, что Люблинская армия (поляков) может сыграть неприятную историю и возможно, если будет сильное давление, то придется растаскать ударную группу 16 армии". На это от главнокомандования последовал ответ: „О значении Люблинского района я вам говорил еще в Минске и предостерегал затем после повышения вашего фронта на север, главным образом, я опасался под'ема 16 армии. Еще 11 августа я отдавал распоряжение о перегруппировке Буденного; в силу очень неприятных событий эта перегруппировка еще не началась и сегодня, и нет уверенности, что она начнется завтра... что вы рассосете ударную группу 16 армии, очень доволен, так как абсолютно не сочувствую лобовому удару, который наносит эта группа".

Наконец, 18 августа, когда уже удар противника определился, фронт об'яснял отход 16 армии и Мозырской группы „сильным истощением и переутомлением" последней.

Главнокомандование указывало в свою очередь, что „обстановка требует усиления Бреста и что это было возможно сделать перегруппировкой 12 и 1 Конной армии, но момент пропущен и надо усилять с тыла". „Я очень прошу вас самым внимательным образом следить за Люблинским напра-

влением, имея в виду, что я на это направление готов еще дать 58 дивизию, которая сейчас идет из Петрограда на Врангеля, затем немедленно пополняйте 12 армию".

На это фронт отвечал: „К Люблинской операции я отношусь более, чем серьезно, так как считаю, что оптимизм командармов этого направления неоснователен, за передовыми частями я ожидаю серьезных сил".

Они уже вступили в действие и остановить их Запфронту было нечем. Читатель сам сделает вывод, когда сменился оптимизм у самого Запфронта.

А между тем уже с 23 июля Люблин был в пределах разграничительных линий Запфронта, на что даже намекал Юговапфронт, указывая, что кому-кому, а Запфронту первому нужно справляться с Люблинским районом.

Иначе смотрел на это Запфронт. Единственный выход он видел в тесном взаимодействии сил, что могло быть достигнуто лишь об'единением армий Запфронта и 12 и 1 Конной в руках одного Запфронта. Автор „Похода за Вислу" нам указывает, как командование Запфронта рассчитывало на это и как разочаровывалось, ибо вопрос „остался висеть в воздухе".

Автор признает, что деление на два фронта было „вполне допустимо" до выхода Запфронта на меридиан Бреста, далее же „обстановка настойчиво требовала немедленного об'единения всех этих войск (всего бело-польского фронта) под общим командованием".

Верное своим обещаниям главнокомандование уже 28 июля, когда войска Запфронта заняли лишь Осовец, в разговоре с Югозапфронтом затрагивает этот вопрос, а 3 августа директивой указывает обоим фронтам: „с форсированием армиями Запфронта р. Нарева и овладением Брест-Литовском наступает время об'единения в руках Командзапа управления всеми армиями, продолжающими движение к р. Висле, т.-е. передача в ближайшие дни 12 и 1 Конной армий из Югозапфронта в распоряжение Командзапа". В силу этого фронтам приказывалось установить тесную связь между фланговыми армиями, облегчить выход 12 армии на Буг содействием Мозырской группы и Запфронту установить „скорейшую и надежную связь со штармом 12 и 1 Конной". 6 августа намечается передача и 14 армии Запфронту.

На это Запфронт телеграммой от 7 августа докладывал главнокомандованию, что: „Передача Запфронту одновременно трех армий Югозападного фронта со стороны оперативной представляет одни только выгоды, но ставит много затруднений со стороны организации тыла и связи. В виду перегруженности Штазапа работой и недостатка работников", Запфронт просил: 1) оставить базы на месте; 2) оставить ар-

миям их запасные части; 3) оставить армиям их средства связи и учредить в расположении Полевого Штаба Юго-Запфронта оперативный пункт для Запфронта, и 4) обязательна помощь снабжением Юго-Запфронта. „Удовлетворение приведенных четырех пунктов позволит немедленно принять все три армии в состав Запфронта, а это, в виду полного об'единения действий, сделает характер операции более успешным и решительным".

В ответ на эту телеграмму главное командование 8 августа отвечало Запфронту: „Передача армий Югозапфронта, действующих на польском фронте, в ваше управление уже решена. Все условия передачи, выставляемые вами в отношении снабжения, связи и проч., конечно, будут соблюдены. Считаю, что непосредственное командование каждой из этих трех армий лично вами окончательно вас перегрузит работой, почему необходимо на Югозападном участке иметь не только оперативный пункт, но и полное оперативное управление группой". Затем фронту предлагалось подыскать кандидата на эту группу.

Читатель согласится, что таковые опасения главного командования были небезосновательны, если подсчитает, что в руках Запфронта должно было находиться 8 армий, непосредственно ему подчиненных и действующих на фронте в 500 слишком верст.

Пока шла подготовка связи Запфронта с польским участком Югозапфронта, 10 августа Запфронт просил о передаче ему фланговой 58 дивизии, а 12 августа о подчинении 12 армии в оперативном отношении. В разговоре же 13 августа фронт отмечал, что: „обстановка требует от меня немедленного принятия южных армий, ибо промедления меня волнуют. Я прошу 12 армию в оперативном отношении и даже конную подчинить сейчас же, если вы прикажете Югозапфронту, то есть возложите на него задачу временно передавать всю оперативную переписку, то я мог бы принять и очень хочу все три армии; я уверен, что это нам даст больше пользы. Но одновременно на первое время всю ответственность за снабжение возложить на Юго-Запфронт—это хотя и ненормально, но необходимо".

Главнокомандование сочло нужным еще раз спросить фронт, не будет ли недоразумений в отношении связи, на что был получен ответ: „если предписать Югозапфронту временно исполнять обязанности передаточного пункта, то я мог бы справиться... пока дело в том, что необходимо скомбинировать заново всю группировку Югозапфронта для достижения большого взаимодействия", при чем время приема фронт определял: „в 24 часа 13 августа, а еще лучше в 12 час.

14 августа, до этого времени окончательно войду в курс (обстановки Югозапфронта)".

Главкомандованием было дано согласие и затем того же 13 августа в 3 часа 10 мин. последовала телеграмма о передаче с 12 часов 14 августа в оперативное распоряжение Запфронта 12 и 1 Конной армий без 8 кав. дивизии с соблюдением всех тех условий, о которых просил Запфронт.

Передача армий сопровождалась, как бывает обычно, трениями и нисколько не улучшала положения. Исправлять группировку Югозапфронта 14 августа за два дня до начала контр удара поляков, как это думал сделать Запфронт, было уже поздно. Доказывать это второй раз не приходится, это сделано нами выше, да это признает и сам автор „Похода за Вислу".

Для нас интересно сейчас выяснить, могло ли последовать улучшение в обстановке, если бы 12 и 1 Конная армии были переданы Запфронту раньше. Мы видели, с каким трудом налаживалась связь Запфронта через Штаб Югозапфронта с 12 и 1 Конной армиями. Предположим, что если бы связь работала исправно, то, как мы указывали выше, до 8 августа Запфронт все равно не мог вывести 1 Конную армию из боевой линии, скованную превосходными силами противника. Начало же перегруппировки конной массы 8 августа, при условии отказа от задачи овладения Львовом, выводило ее в район Люблина лишь 19—20 августа, т.-е. на 3—4 дня раньше польского контр-удара, когда он уже доходил до Буга и мог безнаказанно базироваться на Варшаву. Что могла изменить передача армий Запфронту—пусть на это ответит сам читатель.

Между тем, Запфронт взваливал на свои плечи, в свое непосредственное подчинение, еще 2 армии к имевшимся уже у него 5 самостоятельным единицам. Как трудно было управляться даже с этими 5 армиями, нам расскажет ниже сам автор „Похода за Вислу". Здесь же мы только отметим, что в это же самое время те же 7 самостоятельных единиц (армий) польское командование разделило на 3 группы и ими уже маневрировало.

Затем одним из „недочетов" в нашем „стратегическом сосредоточении" перед решительной операцией, по мнению автора, является предполагаемое снятие целого ряда дивизий с Западного и Юго-западного фронтов для переброски на Крымское направление. „Приходилось отстаивать неприкосновенность частей".

Мы должны дополнить описание автора этого „недочета". Действительно, положение на Врангелевском фронте было таково, что требовало усиления находящихся там наших сил. Резервы Кавказа были почти израсходованы, нужно было

тянуть войска из других районов, а именно: из Поволжья, Петроградского района и Сибири. В разговоре с Югозапфронтом 16 августа главнокомандование указывало: „большего снять с Кавказского, Туркестанского и Восточного (фронтов) ничего нельзя".

Между тем Врангелевский фронт требовал дальнейшего усиления и 1-го августа Юго-Запфронт вошел с предложением перебросить на Крымское направление 6 и 8 кавдивизии, а 2-го августа Главнокомандование отдало распоряжение об усилении этого же направления двумя стрелковыми дивизиями Запфронта. 3-го августа, подтверждая это, Главное Командование указывало, что по согласованию фронтов две дивизии могут быть взяты и из 12 армии, но при условии снижения войск Запфронта к югу от Бреста. 4-го августа Югозапфронт, предлагая соседу сообщить его соображения по директиве Главкома и намечая две дивизии 12 армии, указывал, что: „со своей стороны заявляю необходимость учесть элементы большой срочности переброски".

На эту телеграмму Юго-Запфронту последовали 6-го августа от главнокомандования указания, что: „переброска двух стрелковых дивизий Запфронта на Крымский участок Юго-Запфронта или смена таковыми двух дивизий 12 армии и переброска их на Врангеля могут быть произведены лишь тогда, когда Запфронт выполнит свою первую задачу по разгрому противника, достигнув линии р. Вислы" (курсив наш). На Крымское направление предполагалось перебросить 2 бригады 48 дивизии с Запфронта и 55 дивизию из Петрограда.

Что касается переброски конницы, то, после переговоров главного командования с Запфронтом 13-го августа, было приказано оставить 6 кавдивизию в составе I конной армии, а переброска 8 кавдивизии предоставлялась усмотрению Юго-Запфронта.

Таким образом, фактически ничто не убыло с Запфронта, но для нас важно выяснить, можно ли было вообще снимать части с бело-польского фронта на Крымское направление.

Прежде всего мы должны указать, что Врангелевский фронт был для нас важен и в политическом, и в стратегическом отношении. Нам думается, что его значение даже превалировало над бело-польским фронтом. В доказательства этого здесь вдаваться не будем. Уже раньше мы отмечали, что Врангелевский фронт был аналогичен по своему значению Западному фронту у немцев в 1915 году и на этой оценке остаемся и ныне.

Читатель только что видел, что снятие стрелковых дивизий с Запфронта главнокомандование обусловливало выполнением этим фронтом: „первой задачи по разгрому про-

тивника, достигнув линии р. Вислы". После победы фронт должен был жертвовать своими силами для другого фронта на общую пользу. Это казалось неопровержимым тогда и является таковым и теперь.

К тому же ни одно предположение о переброске частей с Западного фронта главнокомандование не предпринимало, не выяснив точку зрения на это фронта, хотя, например, в аналогичном случае Фалькенгайн в 1915 году находил это прерогативами верховного командования, которое одно может нести за это ответственность.

Что касается отправки с Запфронта 48 и 55 дивизий, то сам фронт не мог их подать вперед за отсутствием паровозов, имея на колесах застрявшими 60.000 пополнений, о чем и высказывал в разговоре от 8-го августа, прося для проталкивания 55 дивизии на Брест двумя эшелонами прислать 14 паровозов. 18-го августа, когда обнаружился уже удар поляков с Вепржа, главнокомандование предоставляло Запфронту 48 и 55 дивизии для направления их на Люблинское направление, на что фронт в разговоре отмечал: „насчет всей 48 дивизии надо подумать, так как голод на паровозы совершенно не дает возможности справляться с внутренними надобностями... однако, учитывая обстановку, 48 дивизию очень желаю и, если поможете паровозами, а важность момента этого требует, то мы ее быстро перебросим".

В этом же разговоре Главнокомандование сделало оценку предпринимаемого шага—передачи Запфронту 48 и 55 дивизий: „если даю 48 и 55 дивизии, которые до зарезу нужны на Врангеля, то только потому, чтобы у нас была полная готовность ни на одну секунду не уменьшать решительности нашего наступления на вашем фронте". На это фронт ходатайствовал о помощи в железно-дорожном транспорте и просил: „хотя бы только на время операции довести наши две магистрали до десяти пар, это даст полную победу".

Изложенная обстановка об из'ятии частей с Запфронта и ухудшения тем для него стратегического сосредоточения говорит, по нашему мнению, за то, что как плохо ни складывались наши дела на Крымском направлении, главное командование прежде всего ставило себе задачей дать возможность Запфронту „разгромить противника, достигнув р. Вислы". Таким образом, фронту и не нужно было прикладывать особого труда в отстаивании неприкосновенности частей. Фронт оказывался не в состоянии справиться даже со своими внутренними перевозками.

Берем извинение, что мы подробно останавливались на затронутых автором „недочетах нашего стратегического сосредоточения" к Варшавской операции, но делали это для того, чтобы выяснить истинные недочеты. Таковыми мы счи-

таем прежде всего недостаточность сил, с которыми мы предприняли наш поход за Вислу. Подходя к этой реке, мы оказались в силах, уступающих противнику. Кроме того, последний обладал свободой маневра, тогда как мы в тылу имели застрявшие на колесах пополнения, останавливали даже перевозку штабов и санитарное движение и не могли перебрасывать полевые части, как это делали бело-поляки. Это были основные недочеты, исправлять которые было трудно и во всяком случае это оказывалось не по плечу не только фронту, но и главному командованию. Приходилось сообразоваться с теми силами и средствами, какие имеются в распоряжении.

Мы надеялись на высокий дух наших войск, наступления которых не мог, по мнению автора „Похода за Вислу", остановить „вдвое—втрое сильнейший противник". „Такова была инерция удара, инерция победы", заключает автор.

В статье „Задачи обороны" польский писатель Домба-Бернацкий („Война и мир" № 7) по этому же поводу высказывает следующие соображения. Указав на то, что вопрос о принятии сражения (оборонительного) решается инициативой Командующего, который исходит не только из элементов нравственного характера, но из „механических сил", Домба-Бернацкий пишет: „Красные армии, преодолевающие в июне 1920 года линию нашего фронта в силе около 70.000 человек, бьют наши войска в силе 100.000, отступив до линии Висла-Вепрж, польские армии в общей силе 120.000 разбивают те же Красные армии в силе 104.000, до сих пор побеждавшие. Одна из причин—чисто механическая. Во время продвижения к Висле силы большевиков ослабевают: 100.000 большевиков на Днепре представляют большую силу, чем 100.000 большевиков над Вислой".

Взгляды двух авторов противоположны. Не вдаваясь в теоретические доказательства правильности мнений того или другого автора, обратимся к рассмотрению тех предположений Запфронта, как он, „предоставленный собственным силам" хотел разрешить трудную для него задачу.

ж) Основания для принятия плана операции.

Автор „Похода за Вислу" с достаточной подробностью излагает те мотивы, кои послужили основанием для принятия определенного плана операции.

„Для Западного фронта было совершенно очевидно, что главные силы противника сосредоточены против нашей основной группировки в районе Цеханов—Новогеоргиевск—Варшава", при чем эти силы исчислялись в 70.000 штыков и сабель. „На прочих направлениях были гораздо меньшие силы.

Лишь только Мозырская группа встретила на своем пути более упорное сопротивление бело-поляков".

„Ожидая с минуты на минуту передачи конной армии Западному фронту и установления с ней связи, проектировалось создать более сильное сосредоточение на Люблинском направлении, сконцентрировав на нем главные силы 12 и 1 конной армий".

Снова повторив, что обстановка требовала быстрых и решительных действий, автор указывает, что силы Запфронта „не превышали 40.000 штыков и сабель".

„Таким образом, пришлось атаковать противника, вдвое сильнейшего и притом опирающегося на столь могучую преграду, как Висла. Было очевидно, что только на основе частной победы (курсив наш), на основе первоначального разгрома одного из участков польского фронта, можно было выиграть решающее сражение"—вот основания для решения Запфронта по свидетельству автора.

Где же наносить удар? Автор говорит: „При направлении главного удара приходилось думать не только о тактических удобствах сражения, но и об основных жизненных магистралях противника" (курсив наш).

„Нанесение удара в центр, в Варшавском направлении, было для нас непосильной задачей", а потому „оставался разгром одного из флангов".

Удар по левому флангу бело-поляков, по мнению автора, приводил: 1) к угрозам его „сообщениям с Данцигом"—„главной артерии" коммуникации противника, с потерей которой для бело-поляков прекращался подвоз снаряжения и вооружения, 2) к обходу фланга основной группировки противника; 3) „наши войска для совершения этого удара не должны были делать никаких существенных перегруппировок, чем выигрывалось время и сверх того не приходилось менять своей коммуникации. Эта последняя направлялась у нас от Вильны и Лиды к юго-западу".

„Невыгодой этого направления было то, что обходящие части становились несколько тылом к границе с Вост. Пруссией и, таким образом, оперативная свобода их, в случае неудачной операции, значительно уменьшалась и даже подвергалась угрозе",—говорит автор „Похода за Вислу".

„Атака правого фланга основной польской группировки по существу ставила армии Западного фронта перед задачей прорыва всего польского стратегического фронта, что, кроме основных трудностей самих по себе, при превосходстве в силах противника, усложнялось еще необходимостью форсировать в этом же месте реку Вислу. Кроме того, это наступление требовало довольно сложных перегруппировок наших сил и неизбежную перемену коммуникации на Клещели и

Брест. Было очевидно, что противник, значительно усилившийся, не позволит нам безнаказанно произвести такую манипуляцию. Наступление двумя группами для нас являлось совершенно невозможным, в силу нашей численной слабости". Таковы условия атаки правого фланга бело-поляков в обрисовке автора.

„Итак, оставалось решиться на атаку польского левого фланга, выставив заслон на Ивангородском направлении и рассчитывая на подтяжку, в период выполнения операции, сил Юго-Западного фронта на Люблинское направление",— заключает автор.

„8-го августа командованием фронта отдается приказ об атаке польских сил и форсирования Вислы, каковое назначается на 14 августа. Главный удар намечается в районе севернее Варшавы". Мы прикладываем схему № 10 к этому приказу с обозначением разграничительных линий, так как они яснее нам выявят идею удара фронта. Кроме того, очевидно, произошла опечатка в труде „Поход за Вислу", так как приказ № 236 был отдан 10 августа, а не 8 августа, в развитие которого Командарм 16 отдал 11-го августа свой приказ № 505.

„Таким образом, против левого фланга польской основной группировки мы направили не менее 14 наших стрелковых дивизий и 3 конный корпус. Учитывая моральное превосходство наших войск, мы имели полное право рассчитывать здесь на победу",—говорит автор.

Далее он приводит доводы за тот „глубокий обход", который должны были совершить наши северные армии. „Однако, таковой имел под собой твердую почву", — пишет автор. „Если бы противник встретил нас контр-наступлением на правом берегу Вислы, то наша группировка оставалась бы очень плотной и охватывающей. Если же бело-поляки не были бы в состоянии вступить с нами в открытый бой и отошли бы за Вислу, то для удобства форсирования этой чрезвычайно трудной переправы необходимо было совершать ее на широком фронте. К этому особенно вынуждало отсутствие у нас понтонных средств".

Познакомив нас с группировкой противника, проводившейся им после приказа 6-го августа, о чем мы уже писали раньше, автор „Похода за Вислу" делает такое заключение: „Итак, на участке 4, 15 и 3 наших армий, имеющих в своем составе 12 пехотных и 2 кав. дивизии, поляки могли выставить всего только $3^1/_2$ пехотных дивизии, правда полного состава, плюс разношерстные мелкие части. Мы имели полную возможность нанести здесь противнику сокрушительный удар (курсив наш) и оголить его левый фланг и коммуникацию. 16 армия атаковала с фронта самую мощную польскую группировку и должна была связать ее в продол-

жение развития всей операции. Зато наш левый фланг был в невыгодном соотношении сил. Против 2-х дивизий Мозырской группы и 3 дивизий 12 армии, действовавших на Люблинском направлении, поляки выставили 6 пехотных дивизий, доведенных до полной численности и, таким образом, имели здесь перевес".

Далее автор поясняет, что если бы мы своевременно сосредоточили на Люблинском направлении части конной армии, т.-е. „если бы с нашей стороны не имел место недочет в стратегическом сосредоточении", то „наступление имело полное основание на успех". Выше мы уже подробно знакомили читателя с этим эпизодом.

Мы должны еще осветить те стремления, которыми был проникнут Запфронт. „Уже пять недель продолжалось наше безостановочное наступление, 5 недель стремились мы найти живую силу врага для того, чтобы в решительном ударе окончательно уничтожить его живую силу",—пишет автор. „5 недель бело-поляки неизменно уклонялись от решительного столкновения в силу расстройства своей армии и лишь только на Висле, подкрепленные новыми формированиями, рискнули они на это дело. Заранее мы не знали, где встретим мы главное сопротивление противника — на Висле или за Вислой. Но мы знали одно, что где-нибудь мы его главные силы найдем и разгромим в решительном столкновении". „И вот, теперь противник сам давал нам возможность осуществить эту задачу",—говорит автор похода по поводу перехода 5 польской армии в контр-наступление. „Радость этого события для фронтового командования была чрезвычайно велика",—открывает нам автор сокровенный тайник командования Запфронтом.

Мы берем извинение прежде всего у автора, что подробно цитировали его изложение соображений Запфронта, а затем и у читателей, что заставили их снова прочитать то, что им уже известно. Побуждения наши в этом основывались: 1) на том, чтобы не исказить суждений автора и 2) не смущать читателя своим изложением, которое могло придать другую окраску тем выводам, которые делал автор.

4. Разбор плана операции.

Теперь попросим внимания к нашим рассуждениям, клонящимся к посильному освещению плана Варшавской операции в нашем понимании.

Выше нами подробно освещалась обстановка, слагавшаяся на берегах Вислы как для противника, так и для нас в отношении численности и состояния армии но подробно о соот-

ношении сил мы еще не говорили. Наши силы по армиям были освещены лишь по польским данным. Считаем необходимым остановиться на этом и даем нижеследующую таблицу к плану Запфронта (см. стр. 112).

Автор „Похода за Вислу“ определяет численность Запфронта в 40.000 штыков и сабель.

Мы же повысили таковую до 48.000 и именно потому, что, как указывали выше, со ссылкой на историков и участников этого похода, численность наших дивизий находилась в пределах 2.000—2.500 штыков и сабель, взяв среднюю в 2.250 штыков и сабель, а для 3 конного корпуса 3.000 сабель, мы и подошли к нашей цифре.

Прежде, нежели приступить к каким-либо выводам по этой таблице, считаем необходимым напомнить теорию о „механических силах“, обращаясь за этим к Клаузевицу. Читатель простит нам „детскую привязанность“ к этому источнику военной мудрости, но у каждого бывают свои странности, каковых, конечно, не лишены и мы.

а) Клаузевиц о числе и частной победе.

Свое учение о „численном превосходстве“ Клаузевиц начинает положением: „численное превосходство есть основа победы, как в тактике, так и в стратегии“. Указав, что: „число предрешает победу“, Клаузевиц сейчас же вводит поправку: „мы дошли до указанного вывода, только откинув многие другие условия. Из этого не трудно заключить, что количество войск в сражении есть только единичный фактор в числе прочих, из коих слагается победа. Действительно, численное превосходство не только есть единственное условие успеха, но оно даже не самое главное; оно, смотря по обстоятельствам, может иной раз иметь даже значение весьма мало существенное“.

Отметив, что: „всякий поймет, что перевес сил в известной высокой степени в состоянии превозмочь все остальное“, философ войны приходит к выводу: „Итак, приходится признать, что численное превосходство в высокой степени обеспечивает исход сражения, конечно, если оно достаточно велико, чтобы перевесить и все остальные условия. Из этого непосредственный вывод: необходимо на решительном пункте ввести в дело число войск возможно большее. Окажется ли засим число это достаточным или нет, вопрос другой, но мы с своей стороны в мере средств сделали все, что только от нас зависело. Это первый принцип стратегии, который, будучи определен нами только в общем виде, применим одинаково к персам и грекам, англичанам и марратам, к немцам и французам“.

Армии и фронты поляков.	По данным автор.			
	Поляки.		Красной армии.	
	Число дивизий.	Штыков и сабель.	Число див.	Штыков и сабель.
Северный фронт.				
Влоцлавск. напр. . . .	—	29000	1 п. 2 к.	5250
5 армия.	3½ п.		11 п. д.	24750
Итого . . .	3½ п.	29000	12 п. 2 к.	30000
1 армия.	4½ п.	40000	4 п.	9000
Итого . . .	8 пех.	69000	16 п. 2 к.	39000
2 армия.	2 „	10000	1 п.	2250
Итого . . .	10 пех.	79000	17 п. 2 к.	41250
Центр. гр. армий.				
4 армия	4 пех.			
3 армия ударн. . .	3 п. 1 к.	22000	2 пех.	4500
3 армия пассив. .	—			
Итого . . .	6 п. 1 к. бр.	22000	2 пех.	4500
Южный фронт.	16 п. 1 к. бр.	101000	19 п. 2 к.	41750
6 армия.	Численности нет.			
Укр. армия				
Итого . . .	—	—	—	—
Всего	—	—	—	—

[1]) Примечание: согласно наших расчетов.

В действительности [1].				Наши армии.
Поляки.		Красной армии.		
Число див.	Штыков и сабель.	Число див.	Штыков и сабель.	
				Запфронт.
1½ п. ½ к.	9500	1 п. 2 к.	5250	4
4½ п. 1 к.	26500	11 п.	24750	4, 15 и 3
6 п. 1½ к.	36000	12 п. 2 к.	30000	
6 пех.	30000	4 пех.	9000	16
12 п. 1½ к.	66000	16 п. 2 к.	39000	
2 пех.	10000	1 пех.	2250	16
14 п. 1½ к.	76000	17 п. 2 к.	41250	
3¾ пех.	18500			
2 п. 1 к. бр.	10000	2 п. д	4500	Моз. гр.
5¾ п. 1 к. бр.	30500			
1½ п.	7500	1 пех.	2250	12
7¼ п. 1 к. бр.	38000	3 пех.	6750	
21¼ п. 2 к.	114000	20 п. 2 к.	48000	Ю.-З. фронт.
2½ п. 1 к.	16500	5 п. 4 к.	23250	12 и 1 конная.
1 пех. и Укр. части.	18000	3 п. 1 к.	9750	14
3½ п. 1 к. и укр. части.	34500	8 п. 5 к.	33000	
24¾ п. 3 к. и Укр. части.	148500	28 п. 7 к.	81000	

„В настоящее время даже самому талантливому полководцу трудно вырвать победу из рук вдвойне превосходящего противника. Если же двойной перевес достаточен, чтобы сломить усилия величайшего полководца, то вообще можно признать, что значительное превосходство сил, хотя и не более двойного, вполне обеспечивает успех как в малых делах, так и крупных сражениях, даже при неблагоприятных прочих обстоятельствах".

„Мы убеждены, пишет Клаузевиц, что при современной обстановке, а равно и при всех с ней схожих, соотношение сил на решительном пункте имеет значение одно из самых первенствующих и что это обстоятельство в большинстве случаев будет важнее всех прочих. В свою очередь количество войск на решительном пункте зависит от силы армии вообще и от искусства ее начальства".

„Не обладая абсолютным перевесом, следует путем искусного управления своими силами приобрести на решительном пункте перевес относительный. Правильный расчет времени и пространства имеет при этом значение самое существенное. Это обстоятельство вызвало мнение, будто в этом расчете и состоит вся стратегия, касающаяся употребления вооруженных сил для целей войны. Доходили в этом отношении так далеко, что в стратегии и тактике великих полководцев видели проявление особого внутреннего на то органа".

„Сопоставление времени и пространства есть, конечно, основание стратегии, так сказать, насущный ее хлеб; но это не самый и не самое решающее. Если пробежим историю без предвзятых убеждений, то найдем, что по меньшей мере в стратегии весьма редки случаи больших потерь, собственно от ошибок в таком расчете" (наше Люблинское направление).

„Факты сосредоточения превосходных сил на решительном пункте и искусное употребление их", говорит философ: „основаны чаще всего, на верной оценке самих пунктов, на должном с места направлении, на решимости пренебрегающей маловажным в пользу важнейшего, решимости, дающей возможность держать силы в совокупности".

„Из этого, однако, не следует, чтобы считать перевес сил необходимым условием победы; не такова мысль наша. Мы указываем только значение числа в сражении. Если мы соберем силы возможно большие, то вполне удовлетворим принципу. Затем, условия общей обстановки решат, следует ли избегать сражения из-за недостатка сил или нет".

„Отвага и дух войск служили во все времена множителем их физическим силам; так будет и впредь. История тем не менее представляет нам примеры, когда большой нравственный перевес достигался то значительно лучшим устройством и вооружением войск, то заметно большей подвижностью,

то опять новыми тактическими приемами". Разобрав все это, Клаузевиц приходит к выводу: „таким образом, перевес может дать только большая привычка армии к войне, независимо, конечно, от талантливости полководца, талантливости, которая не находится в зависимости от образования народа и армии. Очевидно, что чем ближе к равновесию все остальное, тем большее решающее значение приобретает численное отношение".

„Однако, абсолютная сила является в стратегии по большей части данной готовой, которую полководцу приходится принять в том виде, как она есть. Мы, конечно, никак не можем удовольствоваться выводом, что невозможно вести войны, имея армию заметно слабее неприятельской. Война не всегда является последствием нашей свободной политики, менее всего это случается при неравенстве сил. А потому война возможна при всяком отношении сил".

„Чем слабее силы", поучает Клаузевиц, „тем меньше должны быть и цели, им поставленные, точно также, чем слабее силы, тем короче срок их возможной деятельности. Чем слабее силы втянутого в неравную борьбу, чем опаснее положение, тем больше должно быть внутреннее напряжение, тем больше энергия".

„Если энергическое напряжение сил сочетается с мудрой умеренностью в постановке им целей, то увидим ту игру блестящих ударов и осторожного воздержания, которыми восторгаемся в войнах Фридриха Великого".

„Насколько же умеренность и осторожность окажутся недостаточными, тем более должно пасть на долю напряжения сил и энергии. Но если неравенство это столь велико, что никакое ограничение целей не спасет от погибели, а продолжительность опасности столь значительна, что никакая бережливость в расходовании сил не приведет к цели, то все напряжение их должно сплотиться в один отчаянный удар. Находящийся в таком тяжелом положении, лишенный надежды на помощь откуда или отчего бы то ни было, уповает единственно на нравственный перевес отчаянной отваги, в высшем риске видит он величайшую мудрость, соединяя ее пожалуй еще с хитростью. А если он и за сим не достигнет успеха, то по меньшей мере, в славном падении приобретет право на будущее возрождение".

Такова теория Клаузевица, без которой мы считали невозможным подходить к разбору плана Варшавской операции и позволили себе заставить читателя прослушать скучную, быть может, но для дела необходимую мораль.

б) Соотношение сил.

Итак, не только „истощенным и ослабленным" войскам Западного фронта приходилось иметь дело с превосходным в числе противником, но и на всем фронте мы почти в два раза в численности уступаем противнику и при всех остальных равных условиях, по только что изложенной теории, не могли расчитывать на успех.

Что же касается армий Западного фронта, то их 48.000 штыков и сабель приходилось бороться против почти втрое превосходящего противника (114.000 штыков и сабель). „Даже при неблагоприятных прочих обстоятельствах" такое тройное превосходство должно было по Клаузевицу обеспечить бы полякам победу.

Конечно, такой перевес в силах еще не говорил абсолютно за успех противника, ибо для этого необходимо, чтобы и прочие условия соотношения сил были равные. Выше нами подробно исследовано состояние сил обеих сторон и теперь мы только кратко их напомним.

При сравнении армий противников, мы видим, что обе являлись армиями молодыми и ни у одной из них не было „большой привычки к войне", лучшее вооружение безусловно было на стороне бело-поляков. Участник похода тов. Путна в указанной нами статье говорит: „наши части, полные наступательного порыва и самоотверженности не могли соперничать с противником ни численностью, ни силою огня, ни способностью маневрировать". Наконец, в смысле оперативной (стратегической) подвижности мы имели неустроенный тыл, тогда как противник опирался на хорошую сеть железных и шоссейных дорог, по которым действительно быстро перебрасывались дивизии поляков.

Самое главное преимущество, которое было на нашей стороне—это высокий революционный дух и стремление к победе. „Вдвое-втрое сильнейший противник не мог остановить нашего наступления", говорит автор „Похода за Вислу". „Такова инерция удара, инерция победы", добавляет он.

Выше мы видели, что в польской армии произошел уже перелом духа, все время подогреваемый командованием и страной к оказанию упорного сопротивления нашему наступлению. В наших же армиях утомление 5-ти недельным победоносным маршем также начинало сказываться и „реальная сила" этих армий значительно понизилась с подходом к Висле. В действительности, преимущество в „отваге" и „духе" еще были на нашей стороне, но не в такой уже степени, как это думает автор „Похода за Вислу". В представлении фронта можно было еще вводить большой данной это наше превосходство и „вдвое-втрое сильнейший против-

ник не мог остановить нашего наступления", так расценивал фронт революционный порыв наших войск.

Таким образом, значение числа в предстоящем сражении выдвигалось вперед. Оно было не на нашей стороне. Отсюда делаем вывод, что рассчитывать на уничтожение противника мы не могли, и нашей задачей являлось нанесение ему такого удара, который, если бы не привел его к полному разгрому, то послужил бы толчком для ведения мирных переговоров. А на них правительство Белой Польши обязательно бы пошло, боясь окончательного разгрома.

Равновесие в числе наступило уже при подходе к Нареву и Бугу, но тогда на нашей стороне было еще превосходство в „духе" и „отваге", поэтому, необходимо было использовать нашу сильную сторону. „Чем слабее силы", учит теория, „тем меньше должны быть и цели им поставленные, тем короче срок их возможной деятельности", так как в противном случае мы должны были потребовать большего напряжения сил и энергии. Становится понятным, почему нужно было стремиться нанести удар бело-полякам к востоку от Вислы, так как с отходом к ней „наша обстановка ухудшится, так как мы упустили момент разгромить его" (противника), так высказывало свое мнение Главнокомандование в разговоре 10 августа, отмечая, что „как результат (этого)—очевидность—70.000 противника суждено встретить на Висле".

По тем или иным причинам мы оказались на Висле с силами меньшими, чем у противника, но должны были все же решать задачу, поставленную политикой. „Условия общей обстановки решат, следует ли избегать сражения из-за недостатка сил или нет", говорит Клаузевиц и эти условия прежде всего определялись политикой. Главнокомандование и фронты обязаны были выполнить ее требования. Мы уже выше указывали, что для политики нужна была победа на Висле, а потому, со стороны стратегии должно было быть предпринято все, чтобы выполнить это требование. Пред'являя это требование, политика не встречала возражений со стороны стратегии. Последняя, оценив обстановку шла в решительный бой с надеждой на успех.

Как теория, так и автор „Похода за Вислу" приходят к согласному решению, что победу можно было вырвать только „на основе частной победы, на основе первоначального разгрома одного из участков польского фронта".

Прежде всего нужно было выбрать этот участок, а затем сосредоточить для удара по нему превосходные силы, так как, по словам Клаузевица, „факты сосредоточения превосходных сил на решительном пункте и искусное употребление их основаны чаще всего, на верной оценке самих пунктов, на должном с места направлении, на решимости, пренебре-

тающей маневренностью в пользу важнейшего, решимости, дающей возможность держать силы в совокупности", чем на правильном расчете времени и пространства.

Итак, наша цель была быстрая решительная победа, и, если в дальнейшем учесть, что мы были лишены возможности подать помощь с тыла и „уповали единственно на нравственный перевес отчаянной отваги", то все же мы не должны были идти на такой „отчаянный удар", чтобы „в славном падении приобрести право на будущее возрождение". От нас требовалось „энергическое напряжение сил" в сочетании с „мудрой умеренностью в постановке цели", чтобы увидеть „игру блестящих ударов и осторожного воздержания".

Не нужно забывать, что Республика 50% своих вооруженных сил бросала в бой на Висле.

В середине августа 1920 года мы оказались в таком же положении, о котором в 1915 году, если читатель помнит, Фалькенгайн писал Гинденбургу: „уничтожение врага никогда не ожидалось от текущих операций на востоке (у нас на западе), а только решительная победа, отвечавшая целям верховного командования. Уничтожение в целом и не должно в данном случае делаться предметом достижений, т.-е. нельзя задаваться целью уничтожить врага, значительно превосходящего в силах и стоящего фронтально против вас, раз он располагает прекрасными сообщениями, достаточным временем и безграничным пространством (у поляков его было еще вполне достаточно) в то самое время, как вы сами вынуждены оперировать в бедных путями районах (у нас разрушенные железные дороги), имея в своем распоряжении очень ограниченное время".

в) Об'ект операции.

Прежде всего мы должны отметить, что как фронт, так и Главное командование стремится к разгрому главных сил противника. Автор нам ярко выявляет ту радость, которая охватила фронтовое командование, когда представлялась возможность разгромить 5 польскую армию. „Ударный таран" армий Запфронта все время идет против главных сил противника в представлении фронта и только противник огорчал фронтовое командование, уклоняясь от решительного столкновения.

Хотя „для Западного фронта было совершенно очевидно, что главные силы противника сосредоточены против нашей основной группировки, в районе Цеханов—Новогеоргиевск—Варшава", „однако", по словам автора, „мы не знали, где встретим мы главное сопротивление противника — на Висле или за Вислой". Эта поправка автора имеет существенное

значение для выяснения плана операции, почему мы на нее и обращаем внимание.

По справедливости мы должны отметить стремление нашей стратегии нанести удар главным силам противника—это было самое лучшее решение, особенно, в том неравенстве сил, в каком мы оказывались. Ясно, что дорога в Варшаву вела только через эту победу.

Затем позволим себе немного уклониться в сторону и для ясности напомнить про „скопление таранных масс", каковые в своем прямолинейном ударе явились, по мнению автора „неминуемым следствием характера современной войны", о чем мы подробно говорили выше, а также и про „неминуемое следствие характера гражданской войны. это предпочтение наступления обороне", об этом „следствии" поговорим ниже.

г) Выбор направления главного удара.

10 августа фронтовое командование стояло перед окончательным принятием плана Варшавской операции, имея перед этим два разговора по прямому проводу с Главным командованием, о которых мы говорили в предыдущей главе.

Нужно было выбрать „направление главного удара". Автор „Похода за Вислу", говорит нам, что в этом случае „приходилось думать не только о тактических удобствах сражения, но и об основных жизненных магистралях противника".

„Нанесение удара в центр, в Варшавском направлении—было для нас непосильной задачей", говорит автор „Похода за Вислу". С этим, пожалуй, можно согласиться, но нельзя не указать, что не было шансов на то, чтобы отчаянным натиском овладеть Пражским тет-де-поном, так, по крайней мере, Главное Командование в разговоре 15 августа спрашивало фронт: „как дела с Прагой, не в наших ли она руках". В выводах своей статьи: „Под Варшавой" тов. Путна (начдив 27) говорит так: „при своевременном развитии (поддержании соседями) успеха 27 дивизии, правый берег реки Вислы в районе Прага—Яблонна мог быть очищен от поляков в первые дни нашего подхода к подступам Варшавы, что неоспоримо могло обречь на неудачу подготовлявшийся противником контр-удар со стороны Ивангорода, как равно и предрешить участь Варшавы". Мы не склонны так оптимистично смотреть на последствия занятия нами Праги, но согласны с тов. Путна, что такая возможность была, и она. действительно, во многом бы нам облегчила контр-маневр против Ивангородской группы противника, а у последнего в довольно значительной мере понизила дух, когда по столице Белой Польши был бы открыт огонь нашей артиллерии.

В былые времена Суворов взятием Праги взял и Варшаву. В то же время, учитывая то упорное сопротивление на подготовленной заранее позиции, которое мы должны были встретить на Варшавском тет-де-поне и каковое действительно было проявлено поляками, по свидетельству того же Путна, мы согласны с фронтовым командованием, что строить победу на Варшавском направлении было нельзя.

„Оставался разгром одного из флангов", говорит автор и далее обращается к расценке удара по тому или иному флангу бело-поляков.

Читатель помнит, что удар по левому флангу последних имел следующие выгоды: 1) угрожал сообщениям с Данцигом, прерывая подвоз бело-поляками вооружения и снаряжения; 2) обходился фланг основной группировки противника; 3) наши войска для совершения этого удара не должны были делать никаких существенных перегруппировок, чем выигрывалось время и, сверх того, не приходилось менять своей коммуникации, которая направлялась у нас от Вильны и Лиды к юго-западу; 4) если бы поляки, уклонившись от боя, отошли за Вислу, то для удобства форсирования этой чрезвычайно трудной переправы необходимо было совершать ее на широком фронте; к этому особенно вынуждало отсутствие у нас понтонных средств.

К „невыгоде этого направления" автор относит то, что „отходящие части становились несколько тылом к Восточной Пруссии и, таким образом, оперативная свобода их, в случае неудачной операции, значительно уменьшилась и даже подвергалась угрозе".

Следуя за автором, мы начнем наш разбор с Данцигского коридора. Этот коридор привлек внимание как командования фронтом, так и Главнокомандования. Имевшиеся сведения указывали на выгрузку Антантой в Данциге вооружения и снабжения для бело-поляков и не исключалась возможность даже помощи войсками. В разговоре 8 августа на отданное ранее распоряжение о неприкосновенности границы с Восточной Пруссией фронт просил точно определить эту границу, так как часть Восточной Пруссии составляла плебисцитарную область, а также и то, могут ли поляки занимать войсками эту область. 10 августа также в разговоре фронт указывал, что „в директиве 4 армии укажу овладеть районом Яблоново—Грауденц—Торн, так как это польская территория", на что со стороны Главного Командования было отмечено, что „не имею сведений, в каком состоянии сейчас Торн, но если он в полном вооружении, то не рекомендую приступать к его овладению, а лишь заслониться, так как 4 армии для этой задачи не хватит. Границы Пруссии сегодня вам переданы". В директиве 10 августа, отданной после разговора,

фронтом 4 армии была поставлена задача: „обеспечивая правый фланг фронта частью сил. овладеть районом Яблоново—Грауденц—Влоцлавск—Добржин". 13 августа Главное Командование дало следующие указания: „при продвижении армий фронта на запад Данцигский коридор, вследствие своего флангового положения к главным направлениям, может потребовать растяжки наших сил для его занятия, а потому приказываю: дабы затруднить противнику возможную переброску сил из указанного коридора, а также, чтобы лишить противника помощи извне, как войсками, так и в снабжении, с постепенным продвижением на запад производить разрушение железных дорог, ведущих из Польши в Данцигский коридор в пределах мирной польской территории, при чем таковое разрушение должно быть серьезным".

Выше, основываясь на польском источнике: „Польша в мировой войне" (Воен. мысль и революция, 1923, кн. 1), мы уже указывали, что „часть верхней Вислы и Сана, опирающихся на два бассейна, угольный и нефтяной, является последней крепостью сегодняшней Польши". Таким образом, несмотря на то, что через Данцигский коридор шел подвоз снабжения и даже возможно было ожидать появления войск Антанты, он, в его современных границах, не составлял надежного пути связи с внешним миром и не на нем могла быть построена последняя оборона Польши. Не будем спорить, что промышленность Польши, особенно в 1920 году, не настолько встала на ноги, чтобы самостоятельно питать армию, и Данцигский коридор являлся важной для нее магистралью, перерыв которой должен был учитываться, по мнению автора, при выборе направления главного удара. Но для какого сопротивления важен был этот коридор? Наш ответ только для будущего, только для того, которое белополяки могли организовать, потерпев поражение на Висле или добровольно отступив за нее. Для начавшейся же Варшавской операции он существенной пользы принести уже не мог—важно было только на время прервать сообщение по нему до решения сражения.

Изложенное, в связи с намерениями фронта по основательной закупорке коридора, вплоть до предполагавшегося овладения крепостями Торн, затем в директиве не указанного, и Грауденц, ибо иначе мы не понимаем овладение этим районом, как то определялось фронтом, а равно и с тем, что фронт не знал, где он встретит „главное сопротивление противника на Висле или за Вислой", приводит нас к выводу, что, планируя операцию, фронт рассчитывал на решительное сражение именно за Вислой и подготавливал его уже во время этой операции.

Такое направление, хотя бы даже „части сил", 4 армии к западу вело только к дальнейшему распылению и без того слабых наших сил. Данцигский коридор втягивал их в себя, как мышеловка. Между тем, Клаузевиц советует: „чем слабее силы, тем меньше должны быть и цели, им поставленные".

Главное командование, в том же разговоре 10 августа „оставляя" фронту „задачу скорейшего разгрома польских сил без увлечения глубокой стратегией, так как в этом отношении „опасаюсь, что у нас не будет времени, необходимого для такого рода решений", советовало ограничиться лишь заслоном против Торна, находя овладение им не по силам 4 армии, а 13 августа приказало ограничиться основательным разрушением железных дорог в коридоре—для решения Варшавской операции этого было достаточно.

Таким образом, как бы ни важна была жизненная артерия противника, пролегающая по Данцигскому коридору, но актуального значения для данной операции она не имела и расходовать на перерыв ее наши скудные силы было нельзя. Никакой выгоды для победы перерыв коммуникации в коридоре не давал.

Затем следующей выгодой направления главного удара по левому флангу бело-поляков автор считает обход фланга основной группировки поляков. Очень важная выгода, но она требовала наличия, хотя бы относительного, превосходства в силах, так как в противном случае обход мог натолкнуться на равные или превосходные силы противника и не дать успеха. О группировке сил по директиве фронта 10 августа мы еще не говорили, скажем об этом ниже, а сейчас пока обратим внимание на следующее. Фланг противника: 1) прикрывался р. Вкрой, а 2) имел за собой крепость Модлин (Новогеоргиевск), правда, не в таком состоянии, как в дни империалистической войны, но во всяком случае позволяющую оказать упорное сопротивление. Эти соображения приводят к заключению, что для обхода фланга поляков, таковой должен быть глубоким, т.-е. снова вели к растяжке наших сил на запад. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Далее положительную сторону направления главного удара по левому флангу бело-поляков автор видит в том, что для совершения этого удара наши войска не должны были делать никаких существенных перегруппировок, чем выигрывалось время, а затем не приходилось менять своей коммуникации, которая направлялась у нас от Вильны и Лиды к юго-западу.

Если читатель припомнит положения автора об ударной таранной стратегии, о предпочтении быстроты действий излишнему маневрированию, то станет ясным та выгода, какую

автор находит в нанесении удара по левому флангу основной группировки. По этому вопросу мы высказывались выше и говорили, что такая прямолинейность ударов не всегда ведет к цели. Слов нет, что если бы перегруппировка была произведена ранее, то вообще никакой потери времени не было бы. Но мы становимся в то положение, в каком оказался фронт 10 августа. Мог ли он располагать временем для перегруппировки. Сам фронт не знал, где мы встретим главное сопротивление противника до или за Вислой и, по-видимому, склонялся к решению, что решительное сражение разовьется за Вислой. Если это так, то очевидно, что время на перегруппировку было, тем более, что не имелось в виду фронтальным ударом овладеть Прагой, а за ней и Варшавой. Если отнестись к вопросу формально, т.-е. подсчитать, что к 12 августа фронт должен был „овладеть Варшавой", то с подходом на Буг уже выяснилась неосуществимость этого — фронт запаздывал, а раз так, то лишних несколько дней, потерянных на перегруппировку, не могли иметь решающего значения. Остается еще одно, что, не меняя основной группировки, фронт соблюдал принцип внезапности. Однако, таковой по существу для бело-поляков не было. Для польского командования и их саттелитов французов было ясным, что наш главный удар ведется к северу от Бута и, как мы знаем ныне, Вейган боялся атаки Варшавы с севера, а не с какого-либо иного направления. К тому же самый удар в обход требовал времени и принцип внезапности терял свою силу. „Нужная для успеха внезапность... никогда не удается в столь больших размерах, чтобы противник не мог своевременно принять контр-мер", писал Фалькенгайн Гинденбургу. В данном случае бело-поляки 5 недель уклонялись от главной группировки армии Запфронта, не желая вступать с ней в решительное столкновение и по прошествии этого времени, конечно, для них никакой неожиданности нашего удара с севера не было.

Подходим к очень важному вопросу—перемене коммуникации. Таковая у нас шла, по заявлению автора „Похода за Вислу", от Вильны и Лиды к юго-западу. На этот счет мастер военного дела Наполеон оставил нам ряд поучений и примеров из своей боевой работы. Сказав в 1807 году в Варшаве свою знаменитую фразу: „Тайна войны — в тайне сообщений", Наполеон поясняет затем впоследствии это так. „Никогда не следует", говорил маленький капрал, „обнажать своей операционной линии, но уменье переменить ее, когда обстоятельства того потребуют, составляет один из самых искусных маневров. Армия, искусно меняющая свою операционную линию, обманывает неприятеля: он не знает, где ее тыл, вообще слабые пункты, которым он мог бы угрожать".

Теория, исследуя эту „деликатную операцию", видит возможность обеспечения „операционной линии": 1) в переносе ее в своем тылу на иное направление; 2) в благоприятной внешней политико-экономической обстановке, т.-е. возможность базироваться на соседнее государство, благоприятно относящееся к нам и, наконец, 3) в решительной победе. Тот же Наполеон говорил: „Конечно, не следует легкомысленно обнажать своей операционной линии; я это очень хорошо знаю; этого требует здравый рассудок, равно как и азбука искусства. Но, в виду достижения великой цели, бывают минуты, когда следует жертвовать всем для достижения победы и не опасаться жечь кораблей". В другом месте он поучал: „Если бы военное искусство заключалось в том, чтобы ничем не рисковать, то слава сделалась бы достоянием посредственности. Нам необходима полная победа"—и далее пересчитывал те случаи, в которых он попадал в критическое положение, но победа спасала все (Маренго, Аустерлиц, Ваграм). Как бы великий полководец не рассчитывал на победу, однако, мы знаем так же хорошо, как им во время подготовки операции устраивалось двойное базирование. Вспомним иенскую операцию 1806 года: основная линия коммуникации отходит от левого фланга сосредоточивающейся в южной Германии ударной массы Наполеона, находясь под угрозой удара противника, а потому за „батальонным карре в 200 000" Наполеоном организуется вторая коммуникационная линия на юг.

Обратимся к нашей операции на Висле. Наша коммуникация шла по северной железно-дорожной магистрали на Гродно, Лиду и далее на юго-запад, при чем Белосток был открыт 10 августа. Линия была мощная. Взгляд на карту указывает нам, что в тылу фронт имел еще две линии на Клещели и Брест, при чем последний также был открыт 10 августа.

Чем же фронт мог обеспечить свою северную коммуникационную линию? Она проходила вблизи Восточной Пруссии, трудовое население которой хотя и в полной мере сочувствовало нам, но правительственные власти были далеки от того, чтобы в случае неудачи позволить откинуть нам свой тыл на территорию этой области. Восточная Пруссия соблюдала нейтралитет. К тому же фронт имел прямые указания свыше не переходить границ Восточной Пруссии. Оставалось одно средство—решительная победа. Можно ли было рассчитывать на нее, это мы покажем ниже, здесь же указываем, что фронт мог только уповать на этот способ обеспечения своей коммуникации, если не желал ее менять.

Автор „Похода за Вислу" об'ясняет нам причины отказа фронта от этой „деликатной операции". Перенос коммуникации на Клещели и Брест он признает „сложной манипу-

ляцией", которую выполнить бело-поляки не позволили бы. В современных условиях войны, при наличии железных дорог и автомобильного транспорта, эта „манипуляция" сделалась менее сложной, чем была во времена Наполеона и вообще до эпохи Мольтке, но только при условии удовлетворительной работы указанных видов транспорта. Последний же у нас, как мы указывали выше, был далеко не налажен и с технической стороны действительно эта манипуляция — перенос операционной линии — была трудна. В смысле мощности железных дорог линия Минск—Барановичи—Брест—Седлец—Варшава не уступала северной линии и весь вопрос был в недостатке паровозов.

Что касается опасения, что противник может помешать этому, то это подвержено сомнению, так как при искусном проведении операции противник и не сразу бы понял этот маневр.

Между прочим военная история дает нам яркий пример подобного переноса коммуникации. Как читателю известно, Дибич в 1831 году первоначально собрал свои главные силы в районе Белосток — Бельск, имея в виду наступать в угол между Наревом и Бугом и базируясь на Гродно. Некоторыми предлагалось обратиться к Верхней Висле, перенеся базирование на Брест-Литовск. Однако, Дибич оставался при своем решении, мотивируя его тем, что: „1) все подкрепления приходили с севера; 2) необходимо было потратить время на передвижение войск к новому базису; 3) потратить время на устройство базиса... 4) пришлось бы базироваться на угол Полесья, страны бедной, мало населенной и почти не имеющей магазинов". Так пишет Пузыревский в своей „Польско-русской войне 1831 года". Читатель заметит, что почти те же причины выставляются и автором „Похода за Вислу". Нужно учесть, что Дибич не располагал ни одной колеей железной дороги. Однако, местные условия заставили все же Дибича обратиться к предлагавшемуся ранее плану и искусным фланговым маршем русская армия перешла на южный берег Буга, почти на виду у поляков, перенеся свое базирование на Брест-Литовск. Дибичу пришлось потратить время, но зато базирование его сделалось обеспеченным.

Такая затрата времени не сорвала бы операции и у нас в 1920 г., но предохранила бы от того положения, в каком мы оказались во время отхода от Вислы. Не подлежит все же сомнению, что в перемене операционной линии в 1920 году мы были в более благоприятных условиях, чем Дибич весной 1831 года. Однако, как мы уже отмечали выше, фронт искал обеспечения своей коммуникации в решительной победе, т.-е. в способе решительном, но в то же время и сомнительном, так как много говорило, что чашки весов военного счастья заколеблятся не в нашу пользу.

Далее автор указывает, что направление главного удара в левый фланг бело-поляков давало нам выгоду форсирования Вислы на широком фронте, если бы противник отошел за нее, особенно в виду отсутствия у нас понтонных средств. Сразу отмечаем, что это было возможно лишь тогда, когда мы располагали бы неограниченным временем для ведения операций, а между тем нам нужна была скорая победа. На таком же широком фронте можно было форсировать Вислу и выше Варшавы, да к тому же в более благоприятных местных условиях, так как река была меньшей ширины. Нам лично приходилось в 1913 году с войсковыми частями на маневрах переправляться через Вислу в районе Солец, к югу от Ново-Александрии, и должны отметить, что эта переправа, без всяких понтонных средств, правда, в условиях мирного времени, не была сопряжена с какими-либо трудностями. История войны 1831 года, да и 1914—1915 г.г. дают подтверждения этому—переправы южнее Варшавы всегда совершались относительно легко, даже в боевых условиях.

Таким образом, из разбора выгод северного направления главного удара, приведенных автором, вытекает, что все они не давали нам особых преимуществ в достижении быстрой, решительной победы, а, наоборот, вели к затяжке времени и требовали для успешных действий довольно крупных сил, которыми мы в данных условиях не располагали. Высказанное нами подтвердится ниже, когда мы обратимся к рассмотрению нашей группировки по директиве фронта от 10 го августа.

Если поискивать выгоды этого направления, то мы их найдем, но не в наступательном образе действий, а в обороне. К западу от Нарева протекала р. Вкра, которая могла быть избрана нами первым оборонительным рубежом против бело-поляков, кстати и отошедших за нее, наконец, вторым таким рубежом, но более сильным, являлся Нарев с его болотистыми берегами, позволявший нам оказать упорное сопротивление противнику.

Автор „Похода за Вислу" не закрывает глаза на те недостатки, кои присущи были направлению главного удара в левый фланг бело-поляков, правильно указывая, что не исключалась возможность для войск оказаться прижатыми к прусской границе. В своих рассуждениях о переносе коммуникации мы уже отметили это, а здесь лишь укажем, что опасность эта была вполне реальной и требовала особых сил и мер для предотвращения этого. Пузыревский в его труде о войне 1831 года, говоря об описываемом нами направлении главного удара, пишет: „движение в этом направлении для нас представляло опасность, вследствие флангового положения крепости Модлин и возможно было лишь при том условии, если бы мы отказались от своей базы и не дорожили сообщениями

(что и было во вторую половину кампании)". Если вспомним, то, действительно предпринимая поход к нижней Висле по правому ее берегу, Паскевич имел базу при себе, выступив с подвижными запасами, рассчитанными на такое время, когда, заняв положение на нижней Висле, он мог бы базироваться на запасы, собираемые в Торне, т.-е. на прусской территории, правительство которой благоприятствовало нам в ведении войны. При нашем изложении этого мы намеренно наименовали этот поход Паскевича „рейдом". ибо он и был таковым по существу до тех пор, пока армия не устроила свою базу на германской территории. Кроме того, нужно учесть, что рейдирующая русская армия 1831 года была в числе 60.000 человек, превосходя силы поляков, которые могли быть собраны против нее. Паскевич заведомо бросал свою коммуникацию, не боялся принять сражение тылом к Восточной Пруссии как по численности своей армии, так и по политическим условиям. В 1920 году мы были не в таких условиях: по численности—скажем ниже, а по политической обстановке уже изложили выше, да затем и не могли отрываться от своей базы, не будучи обеспеченными хотя бы огнестрельными припасами в той мере, как это было у Паскевича. Опасность движения к западу от Нарева нашей „ударной таранной массы" для нас была велика. Пускаясь по этому направлению. мы „жгли корабли" и спасение могло быть только в одном—в победе.

Могла ли быть таковая же достигнута „атакой правого фланга основной польской группировки" (она Запфронту мыслилась в районе Цеханов—Новогеоргиевск—Варшава). На это автор нам дает ответ, что такая атака „по существу ставила армии Западного фронта перед задачей прорыва всего польского стратегического фронта, что, кроме основных трудностей самих по себе, при превосходстве в силах противника. усложнялось еще необходимостью форсировать в этом же месте р. Вислу". Затем к невыгодам автор причисляет: 1) необходимость сложных перегруппировок и 2) перемену коммуникационной линии—„было очевидно", что противник нам не позволит осуществить это.

Прежде всего мы должны уточнить, что под правым флангом автор понимает пространство к югу от Варшавы до Ново-Александрии, разграничительной линии с Югозапфронтом. Это мы обязаны точно установить для ясности понимания автора.

Итак, направляя атаку на этот участок р. Вислы, Запфронт вставал перед задачей прорыва всего польского фронта. Если мы вспомним, что неизвестно было, где противник окажет главное сопротивление, до или за Вислой, по большему вероятию на левом берегу этой реки, то, следовательно, фронту, с его малыми силами, приходилось форсировать Вислу. прикрывающую стратегический фронт бело-поляков. Если

основная группировка в 70.000 чел. противника была к северу от Варшавы, то какая-то группировка создавалась ими в районе Ивангорода. Это также было известно фронту. В какой численности представлялась фронту эта группировка 10 августа, мы не знаем, автор приводит ее силы в 22.000 человек, уже как результат современного исследования. Но так или иначе, эта группировка не ускользнула от внимания Запфронта, особенно, если учесть, что со времени отдачи директивы о взятии Варшавы, а затем 7 августа, в разговорах 8 и 10 августа главнокомандование все время обращало внимание Запфронта на Люблинское направление. Все это изложено выше и повторять здесь не будем.

Висла на участке от Гура-Кальвария до Ново-Александрии имеет протяжением около 80 верст, что отвечает такому же протяжению Вислы от Модлина до Добржина, при чем ширина ее и глубина на первом участке значительно меньше.

Если автор „Похода за Вислу" видел преимущества переправы через нижнюю Вислу в возможности произвести ее на широком фронте, думаем, что не далее Влоцлавска (на 40 верст далее к западу от Добржина), то по нашему пониманию такой же широкий фронт для переправы являл собою и участок Вислы от Гура-Кальвария до Ново-Александрии, в особенности, если учесть те наши силы, которые могли быть использованы для этой операции.

Что касается пунктов, удобных для переправы, то их на участке к югу от Варшавы значительно более. Не вдаваясь в военно-географическое описание, мы назовем их по Пузыревскому у Карчева, против Ласкаржева, против Козениц, у Стенжицы (вблизи Ивангорода), у Ново-Александрии, наконец, в 1915 году немцы переправились севернее Ивангорода, примерно в районе Стенжицы. На нижнем же течении Вислы постоянные переправы у Варшавы, Модлина и обыкновенные переправы у Вышгорода, Плоцка, Добржина и Осека (в районе Нешавы). Особых преимуществ в большом числе пунктов для переправы на нижней Висле мы не усматриваем.

Автор доказывал нам, что отсутствие у нас понтонных средств заставляло обратиться к переправам на нижней Висле, но нам кажется, что это отсутствие понтонных средств именно диктовало скорее необходимость переправляться там, где река менее широка, т.-е. на средней Висле. Если автор рассчитывал захватить существующие переправы на нижней Висле, то таковых, кроме Новогеоргиевска (крепости) и Варшавы, не было, а бывшие мосты у Плоцка и Влоцлавска всегда могли быть быстро разведены.

Таким образом, доводы автора „Похода за Вислу" о технических трудностях переправы на средней Висле для нас кажутся неубедительными.

Гораздо существеннее, что такой маневр вел к прорыву всего польского стратегического фронта, требуя для успеха крупных сил с нашей стороны, чем мы в данное время не обладали.

Противник создавал группировку по флангам этого направления главного удара, при чем, по расчетам автора, основная группировка в районе Варшавы и к северу насчитывала 70.000 человек и в районе Ивангорода сосредоточивалось 22.000 поляков.

Принимая решение прорваться через среднюю Вислу, необходимо было: 1) иметь заслоны против основной группировки и Ивангородской группы противника или, 2) прикрываясь против Варшавы и севернее, обрушиться на Ивангородскую группу и на ее плечах перейти Вислу.

В первом случае нам пришлось бы иметь два заслона достаточной силы для удержания противника, при чем оборона к северу от Буга облегчалась свойствами местности, позволяя, следовательно, ограничиться здесь меньшим количеством сил. Оборона против Ивангородской группы, в виду близости таковой к месту переправы, отвлекала бы также крупные силы.

При нашем общем недостатке в силах едва ли бы Запфронт смог выполнить эту операцию.

Больше шансов на успех давала атака Ивангородской группы бело-поляков. Против нее мы могли бы сосредоточить если не превосходные, то во всяком случае мало уступающие в числе силы, а учитывая наше моральное превосходство, можно было надеяться раздавить эту группу и откинуть ее за Вислу.

Нам в праве указать, что при действиях на юг мы отклонялись от основной нашей задачи—взять Варшаву. Однако, это возможно было выполнить, лишь разбив живую силу противника, прикрывающую этот город, а никак не непосредственная атака Варшавы.

Каковы опасности возникали бы для нас при направлении главного удара на среднюю Вислу? Ясно, что 70.000 противника из района Варшавы и севернее обрушились бы на наш оборонительный правый фланг. Движение поляков к северу от Буга, как уже указано было выше, затруднялось местными условиями, а затем, при переносе нами коммуникации на Клещели и Брест, не скоро бы сказалось на наших сообщениях, даже при решительном успехе польского наступления. В подтверждение сказанного, сошлемся на подобную атаку поляков войск гвардии в 1831 году в направлении на Остроленку, Ломжу. Эта атака при постепенном отходе Гвардейского корпуса на восток, быстро остановилась, когда с юга на помощь гвардии двинулись главные силы армии Дибича. Поляки были вынуждены отойти к Остроленке и здесь, приняв сражение, проиграли его.

Нужно было также считаться с ударом бело-поляков из Варшавского тет-де-пона. Этот контр-удар противника в общем направлении на Брест был более чувствителен, чем атака поляков севернее Буга. Подобный удар в 1831 году заставил Дибича отказаться от переправы через Вислу и почти с берегов этой реки повернуть на север для контр-маневра во фланг наступающему противнику. Маневр не завершился решительным успехом лишь вследствие того, что Дибич, за продовольственными затруднениями, был вынужден сам изменить направление движения главных сил на северо-восток, стараясь сблизиться со своей базой—Брестом. Самый же факт движения Дибича с юга заставил поляков тотчас же укрыться в Пражском тет-де-поне. Предполагаем, что подобный же результат вылазки из Варшавского тет-де-пона получился бы и в 1920 году, если бы наше базирование было перенесено на Брест. При решительной атаке с нашей стороны во фланг наступающим полякам наш удар с юга грозил им отбрасыванием их на север и потерей Варшавы.

Каковы бы выгоды были от разгрома нами Ивангородской группировки противника, читатель помнит из заключений француза Л. Ф., который единственную опасность видит для нее от нашего удара с северо-востока, а не с юго-запада, от Конной армии. Что выводы француза имеют за собой основание, мы показывали выше нашим подробным разбором возможных операций правого фланга Юго-Западного фронта.

Направлением главного удара против правого фланга основной группировки бело-поляков было для нас менее опасно, чем удар на севере.

Автор „Похода за Вислу“ причисляет к невыгодам его сложные перегруппировки, которые пришлось бы совершать, и перемену коммуникации на Брест.

Что касается последнего маневра, то нами только что были изложены преимущества его и все зависело только от искусного проведения в жизнь этой операции, доказывая выполнением его гибкость нашего управления в тылу.

В отношении сложности перегруппировок мы должны напомнить обсуждение возможности их в разговорах главнокомандования с фронтом 8 и 10 августа, приведенное нами в предшествующей главе. На предложение главного командования 7 августа снизить группировку направлением 3 армии на фронт Н. Минск—Седлец, фронт отвечал невозможностью выполнения, мотивируя это присутствием 40.000 поляков севернее Буга, разгром которых фронт считал своей главной задачей. Главнокомандование указывало, что, конечно, такую группировку нужно было принять при подходе к Бугу, а ныне становилось необходимым ударить уже по северной группировке противника. Слов нет, что перегруппировка на марше

к Бугу могла быть значительно легче произведена, чем с переходом через эту реку. С переправой через Буг такая перегруппировка сводилась к производству фланговых маршей вблизи противника и вызывала опасения в ударе последнего во время ее совершения. Однако, нужно отметить, что противник отходил сам, был морально подорван,—все это было известно фронту, и едва ли бы такой противник мог рискнуть на контр-удар. Однако, фронтовое командование, повидимому, считалось с таковым, что явствует из его успокоительных доводов в разговоре 8 августа, за два дня до отдачи директивы для розыгрыша варшавской операции. В 17 час. 20 мин. 8 августа фронт говорил главнокомандованию: „относительно движения трех армий севернее Буга вы не беспокойтесь, так как всегда могу по обстановке двинуть 15 и 3 армии примерно из района устья Нарева на юг". Эти предположения фронта открывают нам его намерения ответить контр-ударом на наступление поляков, но не со стороны Ивангорода, как это предвидело главное командование, а непосредственно из за устья Нарева. Подобный же маневр фронт проектировал на Немане и Шаре, если бы противник задержал наступление 16 армии. Автор „Похода за Вислу" нам на своем месте подробно развивал предположения фронта.

Однако, „лучше поздно, чем никогда", говорит народная мудрость, и нам думается, что, идя на потерю времени, на риск столкновения с противником при фланговых движениях с севера на юг, принятое решение 8-го августа о переводе двух армий с северного берега Буга на юг отвечало бы более слагающейся обстановке, чем планирования главного удара на севере.

„Наступление двумя группами для нас являлось совершенно невозможным, в виду нашей численной слабости", пишет автор „Похода за Вислу", с чем мы вполне согласны и что не предполагало осуществлять и главное командование.

Весь вопрос сводится к тому, где скорее мы могли достигнуть решения: на правом нашем фланге или на левом (говорим это в отношении только Запфронта).

Не говоря пока о принятом решении фронта от 10-го августа, вылившегося в директиву, мы должны сделать сравнение обоих направлений.

Не забудем, что как политическая обстановка, так и наша численная слабость требовала быстрого и решительного удара, при чем по соотношению сил рассчитывать на полное уничтожение противника было нельзя.

Противник мог принять сражение или к востоку от Вислы, или за ней. Если бы противник остановился на первом решении, то перед нами все же вырисовывались две его группировки: одна к западу от Нарева и другая в районе Ивангорода.

Удар по его северной (основной—в понятии фронта) группировке вел нас к глубокому обходу его фланга и, в случае удачи, выводил на Вислу, для форсирования которой требовались и силы и время. Одним словом, направление удара по левому флангу противника требовало от нас достаточного перевеса в силах, хотя бы на этом фланге, а главное отдаляло нас от быстрой развязки, не говоря уже о тех опасностях удара по тылам со стороны противника, каковые присущи были этому направлению.

Атака правого фланга основной группировки противника, его Ивангородской группы, быстро приводила нас к решительному столкновению с противником, еще не оправившемуся от действия пятинедельного отхода и не успевшим бы закончить намеченную перегруппировку. Автор считает, что наступление в юго-западном направлении от Буга вело нас к удару по воздуху. Если нам не пришлось бы разгромить противника на средней Висле, то во всяком случае мы не оказались бы на этом участке реки в таком положении, в каком очутились на нижнем ее течении. При переносе базирования с севера на юг наши армии не теряли своих сообщений с тылом.

Если бы противник принял бой к востоку от Вислы, в районе Ивангорода, то разгром его этой группы уже безусловно приводил нас к действиям лишь против его северной группировки. Должны отметить, что по относительно малой численности Ивангородской группы (в исчислении фронта 22.000 штыков), мы могли рассчитывать справиться с ней скорее, чем с 40.000 бело-поляков, оперирующих на северном направлении.

При предположении, что противник не примет боя к востоку от Вислы, или, если бы он оказался отброшенным за нее, вставал вопрос, откуда нанесенный удар будет более чувствителен: с нижней ли Вислы, или с среднего ее течения. Автор отдает преимущества первому направлению, так как противник лишался главной артерии, шедшей через Данцигский коридор. Но мы уже не раз выясняли, что цитадель Польши—Краков и перерыв сообщений с ним, а затем наше приближение к революционно-настроенному промышленному Домбровскому району могло оказать большее влияние на развал бело-польской армии, чем захват Данцигского коридора и перерыв связи с Познанью, где мы встретили бы враждебно настроенное к нам население.

Не рискуем быть прорицателями неосуществившихся событий, но если нужно было разыгрывать сражение на левом берегу Вислы, то во всяком случае направление главного удара с средней Вислы вело к более решительным результатам и оказывалось в большей безопасности в смысле связи нашей

с тылом, нежели наступление с нижней Вислы. В обоих случаях нашей коммуникации грозил удар от Варшавы, но в первом случае, т.-е. при ведении нами главной атаки на севере, наши армии отбрасывались на иностранную территорию, а во втором мы всегда могли успеть отойти на правый берег Вислы и далее или на Брест, или на юго-запад, на Ковель, снова встав во фланговое положение к наступающему противнику. Такое базирование на Волынь и предусматривалось в 1831 году Начальником Штаба Толем при планировании похода Дибича на левый берег Вислы. Маневр на коммуникациях не менее важен, чем маневр впереди фронта—„тайна войны—в тайне сообщений".

„Итак, оставалось решиться на атаку польского левого фланга, выставив заслон на Ивангородском направлении и рассчитывая на подтяжку, в период выполнения операции, сил Юго-Западного фронта на Люблинское направление", пишет автор „Похода за Вислу", подводя итоги всему ходу мышления Запфронта в выборе окончательного плана предстоящей операции на берегах Вислы.

Таково было решение Запфронта 10-го августа.

Из всего того, что знает читатель о взаимодействии фронтов к 10 августа, из предупреждения Главного Командования 7 и 8 августа о протекавших действиях 12 армии, едва ли можно было „рассчитывать на подтяжку, в период выполнения операции, сил Юго-Западного фронта на Люблинское направление", как пишет об этом автор. Расчет был слишком оптимистичен.

д) Группировка сил.

Обратимся теперь к рассмотрению той группировки, какую наметил фронт директивой 10 августа.

О том, насколько наши войска превосходили морально противника, как в понимании фронта, так и в действительности, говорилось выше. Остается рассмотреть подсчет „механических сил", который создавался вследствие принятого фронтом решения 10-го августа. Выше нами была приведена соответствующая таблица, взглянуть на которую и приглашаем читателя.

„Против правого фланга польской основной группировки мы направили не менее 14 наших стрелковых дивизий и 3 конный корпус. Учитывая моральное превосходство наших войск, мы имели полное право рассчитывать здесь на победу"—„на участке 4, 15 и 3 наших армий, имеющих в своем составе 12 пехотных и 2 кав. дивизии, поляки могли выставить всего только $3^1/_2$ пехотных дивизии, правда, полного состава, плюс разношерстные мелкие части. Мы имели полную воз-

можность нанести здесь противнику сокрушительный удар и оголить его левый фланг и коммуникацию". Так расценивает автор группировку на нашем правом фланге. Уверенность в „сокрушительном ударе" по левому польскому флангу в Запфронте была велика и имела под собой основание в качестве морального превосходства и даже в числе дивизий. Уверенность в победе была настолько крепка, что переход „слабой" 5 польской армии в наступление вызвал „чрезвычайно великую радость".

Таблица говорит несколько иное. Наш „ударный таран" — 4, 15 и 3 армии в 30.000 штыков и сабель должны были атаковать, по расчетам автора, 29.000 штыков и сабель, а в действительности 36.000, т. е. силы, уступающие в численности, и указание на превосходство в числе дивизий сводилось на-нет. Клаузевиц для победы требует двойного превосходства в силах, у нас его не было, и все расчеты фронтового командования на будущую победу базировались на „моральном превосходстве", учитываемом фронтом с коэффициентом 2 и даже 3. Если оно, действительно, было таково, то мы присоединяемся к предположениям фронта, как это сделало и Главнокомандование в результате переговоров 10 августа, указав, что обстановка фронту известна более детально, чем Полевому Штабу. Повидимому, рассчитывая, что один наш солдат стоит двух или даже трех бело-польских, фронтовое командование стремится „оголить левый фланг и коммуникацию" противника, что ведет к „глубокому обходу", той „глубокой стратегии", от которой предостерегало Главное Командование. Вглядевшись в начерченные на схеме к директиве 10 августа разграничительные линии, мы увидим, как далеко к западу охватывалась основная группировка противника. Из 30.000 ударной группы—21.000 штыков и сабель направлялись к западу от линии Вышгород—Сохачев, т. е. в 40 верстах к западу от Варшавы, не говоря о том, что часть этих сил втягивалась в Данцигский коридор для овладения районом Грауденц — Яблоново. На такой „глубокий обход" мог рисковать только тот, кто имеет за собой превосходство. Такового в силах у нас не было, и мы могли надеяться лишь на моральный перевес.

Автор „Похода за Вислу" говорит, что такой „очень глубокий обход" „имел под собой твердую почву" (курсив наш). Данные для этого автор приводит такие: „если бы противник встретил нас контр-наступлением на правом берегу Вислы, то наша группировка оставалась бы очень плотной и охватывающей. Если же бело-поляки не были бы в состоянии вступить с нами в открытый бой и отошли бы за Вислу, то для удобства форсирования этой чрезвычайно

трудной переправы необходимо было совершать ее на широком фронте".

Сравнение численности нашей и бело-польской группировок не указывает, однако, на плотность нашего сосредоточения ударного тарана, а принимая во внимание ту растяжку к западу, какую намечал фронт для 4 и 15 армий, мы бы сделали обратный вывод, что 9.000 штыков 3-й армии, наступающих на фронт Модлин—Вышгород, совершенно не обеспечивали от прорыва противником нашу северную группу армий. Относительно форсирования нижней Вислы на широком фронте мы высказали свои соображения выше.

Предположим, что нам бы удалось разгромить 5 польскую армию и отбросить ее на левый берег Вислы. Что же этим достигалось? Мы наносили удар лишь 29.000 штыков противника из общего числа его сил в 101.000 штыков и сабель по исчислению автора, а в действительности из 114.000, т. е. иными словами, были только $^1/_4$ его сил и на направлении, успех на котором не мог сказаться скоро на решении всей операции. Утверждаем, что победа над „Наревской группой" противника вела лишь к „местному тактическому успеху". А между тем, говоря словами Фалькенгайна: „Верховное командование совсем не устраивал местный тактический успех, а в особенности, как и было в данном случае, вызывал риск распыления сил в эксцентрическом направлении и мог привести только к дальнейшему растягиванию сил. Поэтому для верховного командования дело сводилось только к такому успеху, который, прежде всего, оказал бы свое воздействие на главную операцию".

Главному Командованию в 1920 году нужен был: „скорейший разгром польских сил без увлечения глубокой стратегией, так как в этом отношении опасаюсь, что у нас не будет времени, необходимого для такого рода решений",— так говорило Главнокомандование в разговоре 10 августа перед отдачей фронтом директивы. „Разгром" лишь $^1/_4$ сил противника на отдаленном направлении не вел к „успеху, который прежде всего оказал бы свое воздействие на главную операцию".

В то же время постановка отдаленных целей, намечаемых Запфронтом, требовала от уступающих в числе наших армий большего напряжения энергии, траты их морального превосходства и понижала поэтому моральный коэффициент фронта.

Однако, нам могут сказать—предпринял же в 1831 г. Паскевич такой „глубокий обход" и имел успех. Нет сомнения, что и он имел для этого „твердую почву". Паскевич был не из таких людей, чтобы рисковать славой своих прежних побед и твердо придерживался правила: „в день битвы нужно все иметь под рукой". „Предпринимая движение за Вислу,

нужно было пожертвовать прежнею базою и операционной линией и удалиться с бывшего дотоле театра военных действий, на котором оставался только слабый отряд Розена", пишет историк Пузыревский. Для такой операции Паскевич собирает 60.000 человек и с этой „плотной группировкой", имея при себе запасы до перемены базирования на Торн, пускается в рейд. При сосредоточении всех главных сил поляки могли атаковать противника с силами не более 40.000 человек и, таким образом, Паскевич мог всегда принять сражение, даже став тылом к Пруссии, имея за собой такое численное превосходство. Выше мы видели, что он и предусматривал это, давая указания для действий армии, в случае атаки ее из Модлина во время флангового марша.

Теперь перейдем к мерам, принятым фронтом для обеспечения главного удара.

„16 армия атаковала с фронта самую могучую польскую группировку и должна была связать ее в продолжении развития всей операции".

Директива фронта от 10 августа ставила всем армиям задачу: „окончательно разбить его (противника) и, форсировав р. Вислу, отбросить к юго-западу", на 16 же армию возлагалась задача: „14 сего августа форсировать р. Вислу главными силами, севернее Варшавы". Помощь в этом ей должна была оказать 3 армия, командарму которой „из района Залубице (на правом берегу Вислы) ударом в направлении Прага отбросить от Варшавы противника, отходящего перед 16 армией".

Таким образом, 16 армии ставилась решительная задача, выполняя которую, она не только должна была сковать „самую мощную польскую группировку", но и принять участие в общей операции на левом берегу р. Вислы. В нашем понимании задача 16 армии распадалась на две части: 1) совместно с 3 армией ликвидировать противника у Праги и 2) главными силами форсировать Вислу севернее этого пункта.

Обе эти части общей задачи 16 армии требовали достаточных для сего сил. Фронт исчислял „самую мощную польскую группировку" под Варшавой в 40.000 штыков и сабель, которая превышала на 10.000 действительную силу бело-поляков в этом направлении. На эту группировку поляков, по директиве 10 августа, должны были обрушиться 9.000 штыков и сабель 16 армии или с дивизией 3 армии 11.500 штыков и сабель. Такой недостаток сил фронт рассчитывал пополнить перевесом в моральном состоянии наших войск. Однако, и у противника были преимущества в виде: 1) укрепленного плацдарма с сильной артиллерией, бронепоездами и танками и 2) линии р. Вислы. Если учесть дополнительные данные в сравнении сил обеих сторон, то мы должны придти к вы-

воду, что сил 16 армии для выполнения „наступательной" задачи с переправой на левый берег было мало. Не исключался неожиданный „отчаянный" удар наших войск по Пражскому предмостному укреплению и, как знаем из выводов т. Путна, он мог завершиться успехом. Но на это фронт не мог рассчитывать и не рассчитывал.

Нужно вспомнить, что 16 армия прикрывала голову нашей коммуникации и, таким образом, на нее ложилась обязанность всегда обеспечивать ее от ударов противника.

Спустимся на юг. Здесь, на средней Висле, против 2 польской армии в 10.000 штыков и сабель фронт оставлял 1 дивизию 16 армии в 2.500 штыков и сабель. Мы не сказали бы, что эти силы были достаточными, но во всяком случае при нашем недостатке в силах вообще, они могли обеспечивать до известной степени фланг главных сил 16 армии, атакующих Прагу, от ударов с левого берега Вислы.

Всего против основной группы бело-поляков в районе Цеханов--Новогеоргиевск—Варшава в 66.000 штыков и сабель фронтом направлялось 39.000 штыков и сабель, т.-е. силы в $1^1/_2$ раза меньшие, но от имевшихся в распоряжении фронта составляющие почти 75%.

„Заслону на Ивангородском направлении" — нашей Мозырской группе, в 4.500 штыков и сабель, фронтом ставилась задача: „14 августа овладеть районом Козенице—Ивангород". Противник здесь исчислялся фронтом в 22.000 штыков и сабель, а в действительности собрал до 30.500 штыков и сабель. Было ясно, что такая задача была не по плечу Мозырской группе. Не только атака, но и оборона ее могли оказаться несостоятельной. Между тем, Мозырская группа являлась соединением, прикрывающим южный головной участок нашей коммуникации—Брест.

Как известно, по словам автора, фронт: „рассчитывал на подтяжку в период выполнения операции сил Юго-Западного фронта на Люблинское направление". Между тем, уже 8 августа для фронта было ясным, что из сил Юго-Западного фронта—12 его армия, фактически в операции могла принять участие только одна дивизия. С ней Мозырская группа в 6.750 штыков и сабель бросалась в атаку на 22.000 штыков и сабель по исчислению фронта, а в действительности против 38.000 штыков и сабель. Силы были чересчур неравные и левому флангу Запфронта грозило чреватое последствиями будущее.

Не будем проводить параллели этого сражения на Висле с Марной 1914 года, ибо суть не в параллелях, а в решении задачи. Как известно, творец Марны—Шлиффен, проектируя поход к Парижу, из назначенных для этого 72 пехотных дивизий, 11 кав. и $26^1/_2$ ландверных бригад, к северу от Меца

для „глубокого обхода", назначал 63 пех. дивизии, 8 кав. дивизий и 22 ландв. бригады, к югу от этой крепости назначалось 9 пех. и 2 кав. дивизии и 4½ ландв. бригады. Иными словами, 60% сил бросалось для удара и лишь 14% обеспечивали этот удар. Может показаться, что Шлиффен шел на большой риск. Однако, фельдмаршал прежде всего возлагал на заслон чисто оборонительную задачу, выполняя которую войска этого заслона опирались на крепости Мец и Страсбург, на укрепленную позицию на Ниде, на которую должны были отходить в случае атаки французов. Кроме того, за левым флангом ударной группы, т.-е. на стыке ее с заслоном, должны были следовать 16 запасных дивизий. Учитывая еще и то, что в тылу ударной группы была широко развитая сеть железных дорог, мы видим, что фельдмаршал имел „твердую почву" для глубокого обхода.

Между тем, у нас не было в тылу ни крепостей, ни оборонительных позиций для заслона (16 армии и Мозырской группы), ни резервов, могущих их поддержать в любую минуту против контр-ударов противника, а сам заслон получал активную, наступательную задачу.

Нам могут сказать, что в 1914 году немцы, доведя заслон до 25% сил, тем ослабили силы, брошенные для „глубокого обхода", и понесли поражение на Марне. Вопрос этот спорный. Увеличив силы заслона к югу от Меца, Мольтке (племянник) вложил на него активную задачу в операции и наступал по всему фронту, а не одна боязнь за атаку французами промышленного пограничного района Эльзаса и Лотарингии была причиной изменения группировки Шлиффена.

Как ни проповедывал последний „ударной таранной стратегии", но всегда соблюдал принципы обеспечения своих сообщений.

Итак, численно слабые наши армии, но с большим, по мнению фронта, моральным перевесом, шли в атаку на противника, который „по всему фронту продолжает отступление", как говорилось в директиве 10 августа, и каковой в действительности совершал контр-маневр.

е) Наступление и оборона.

Иностранные источники, оценивая сражение на Висле, ставят в заслугу польскому командованию его умелое сочетание обороны с наступлением и видят в этом соблюдение принципов военного дела.

Между тем, ни одна из армий Западного нашего фронта не получала оборонительной задачи, а все шли в решитель-

ное наступление по всему фронту. Было одно чистое наступление без сочетания с обороной.

Автор „Похода за Вислу“ нам не раз'ясняет этот очень интересный вопрос предпочтения наступления обороне, который вызвал впоследствии большие дебаты в Красной армии.

Другой участник этого похода Н. Какурин в своей статье: „На пути к Варшаве“ (Революция и война, сб. 4 и 5) на эту тему пишет так: „самым неблагоприятным для нас фактором, в случае вынужденной остановки, являлась крайняя малочисленность частей, делавшая их тактическими единицами лишь по названию, а не по сути“.

„Достаточно сказать, что число штыков в полках моей дивизии (10 див. 16 армии) колебалось в круглых цифрах от 160 до 250, нигде не превосходя последней цифры. Если это обстоятельство и было допустимо при условии обладания нами в полной мере инициативой, то малейшая остановка или перерыв в действиях сразу же отдавали все преимущества в руки противника, ибо при переходе к обороне боевой порядок дивизии, в лучшем случае, мог изобразить лишь жиденькую цепочку сторожевого охранения, с ничтожной силой огневого сопротивления на каждом выбранном противником для удара пункте и с невозможностью маневрировать из-за отсутствия для этой цели необходимого количества живой силы“.

„Каждый бой с сопряженными с ним неизбежными потерями, вне зависимости от его исхода, грозил окончательно свести на-нет удобоуправляемость и маневренную гибкость наших частей из-за полного почти исчезновения в них живой силы. Естественно, что сохранившиеся в частях пулеметы и артиллерия, при таком ничтожном количестве штыков, превосходили уже всякие, наиболее широко допускаемые теорией военного дела нормы, а, следовательно, до известной степени обременяли командование, а не облегчали его задачу. Нечего, конечно, говорить об обозах, численность и разнородный состав которых еще более были огромны и несообразны с наличием действительной боевой силы. Все эти данные всеми своими отрицательными сторонами в полной мере отразились бы на нас в случае перехода инициативы в руки противника“.

Таковы доводы в преимуществах наступления на всем фронте. Оборона, как способ действий, совершенно исключалась из обихода наших армий. В своей статье „Безмолвный фронт“ (Военный Вестник 1924 г. № 11) А. Свечин уже дал оценку соотношения бойцов с техникой и роль последней в тактике.

Мы остановимся несколько лишь на взаимоотношении обороны с наступлением. Поэтому исписано много, много бу-

маги, часть коей, конечно, не безызвестна и читателю, а поэтому мы будем лаконичны. Признавая „заправскую оборону", по выражению Клаузевица, достойным и в наши дни способом ведения войны и боя, мы считаем, что при современной технике такая оборона доступна для малых по числу штыков сил в большей степени, чем ранее. Мы не мыслим себе в обороне разброску малочисленной „живой силы" и принятия ею боевого порядка, который: „в лучшем случае мог изобразить лишь жиденькую цепочку сторожевого охранения, с ничтожной силой огневого сопротивления на каждом выбранном противником для удара пункте и с невозможностью маневрировать из-за отсутствия для этой цели необходимого количества живой силы". Мы напомним, что в 1915 году русской армии во время отступления, именно, приходилось вести оборону не только „при отсутствии живой силы", ибо, если таковая и была, то без винтовок, но даже при „безмолвной" из-за недостатка снарядов артиллерии. История этого отхода, однако, полна примерами хорошей активной обороны, построенной на контр-ударах. Напомним, хотя бы, оборону 13 русской армии на том же Буге к югу от Бреста, т.-е. на участке, где наступала в 1920 году наша Мозырская группа. Ничтожные в „живой силе" части 12 русской армии привлекли на себя значительные силы, активно ведя оборону до тех пор, пока не истекли кровью и не принуждены были отойти за Буг. Результатом такой обороны была отсрочка прорыва, готовившегося Макензеном под Холмом и последовавшего лишь с отступлением 13 армии за Буг. Это единичный пример из ряда других, в которых, наверное, принимали не мало участия читающие эти строки.

Оборона требует хорошего управления и хорошей армии, сильной духом. Мы были численно слабее противника, но если „вдвое—втрое сильнейший противник не мог остановить нашего наступления", как это пишет автор „Похода за Вислу", то тем более, по нашему мнению, такой противник не должен был сломить нашей обороны. Весь вопрос только в том, умели ли мы обороняться, так как оборона труднее наступления. Наш вывод, что нет,—вернее мы боялись прибегнуть к обороне, как это сделало польское командование.

Мы отвергали сочетания обороны с наступлением и заставляли даже слабые наши заслоны идти в атаку, перенапрягая тем их моральные силы. С нами происходило то, про что Клаузевиц говорит: „Может даже случиться, что наступающему, не смотря на исчерпание сил, легче двигаться вперед, нежели остановиться: его поддерживают нравственные силы, свойственные преимущественно наступлению. Ему трудно становится, так же, как и лошади, везущей тяжесть в гору". Но это могло повести к тому, что: „уносимый по-

током (наступления), сам того не замечая, легко перешагнет границу и очутится за кульминационной чертой".

Не скроем того, что летом 1920 года „поток наступления" уносил и нас, как до некоторой степени участника „Похода за Вислу", и для нас трудным являлось решение о сочетании обороны с наступлением—такова была уверенность в успехе, не подозревающая о том, что наши армии, по выражению тов. Путна, с переходом Буга уже не являлись „реальной силой".

ж) Управление операцией.

Считаем нужным затем остановиться на организации управления операции. Отдавая 10 августа директиву для Варшавской операции, фронт продолжал оставаться в Минске, имея в своем непосредственном подчинении 5 самостоятельных армий и расчитывая в скором времени получить еще две. Связь с армиями проволочная и по радио, по своему состоянию, не могла считаться обеспеченной. Если управление должно приспосабливаться к тем задачам, кои выпадают на долю армий, то видим, что 3 наших ударных армии (4, 15, 3) были тесно связаны между собою общей задачей, но об'единение их действиями оставлял в своих руках фронт, находящийся в 360—400 верстах от линии фронта. Равным образом, к югу от Буга 16-я армия и Мозырская группа имели в сущности одну общую задачу обеспечения главного удара и точно также увязывались в своих действиях фронтом. При „глубоком обходе" на нижнюю Вислу в 1831 году Паскевич, лишенный технических средств связи, принимая на себя командование главной армией, операции с востока под Варшавой и на Люблинском направлении возлагал на двух самостоятельных начальников (Розена и Ридигера), дав им определенные директивные указания. В наш век можно, конечно, управлять и издалека, если есть уверенность в хорошей работе технических средств связи, но автор „Похода за Вислу", не раз нам указывал, что фронт ощущал большой недостаток в этой области снабжения армии. Пока не предрешаем, что могло получиться из такого „трестированного" управления фронтом эпохи гражданской войны.

з) Группировка сил на средней Висле.

На этом мы могли бы закончить разбор плана операции на Висле 6 августа 1920 года, принятого фронтом 10 августа. Однако, это было бы не все, ибо справедливо говорит Клаузевиц, что: „критик, порицая какие-либо мероприятия, обя-

зан указать другие и доказать, что они действительно лучше; однако, взамен того просто только указывают меры, якобы лучшие, но совершенно бездоказательно. Это, конечно, убедить не может, ибо таковыми являются другие, столь же недоказанные предположения и затеваются бесконечные споры, лишенные всяких данных для правильного обсуждения вопроса. Мы требуем доказательств во всех тех случаях, когда дело само по себе не представляется ясным до очевидности".

Мы отнюдь не „порицали" принятого плана фронтом, но лишь только показывали, что он не вел к быстрому решению, каковое требовала обстановка и сопряжен был с известным риском. Правда, что на войне нужно рисковать, но в то же время нельзя и нарушать обыденных положений военного дела, за которые потом приходится платиться.

Итак, мы должны развернуть перед читателем лучшее решение задачи, вставшей перед Запфронтом и при том представить к тому доказательства. Не будем скрывать, что мы становимся в трудное положение.

Если нами признано, что атака левого польского фланга к северу от Буго-Нарева вела к затяжной операции, то, следовательно, оставались только два решения: 1) непосредственный удар на Варшаву, и 2) разгром Ивангородской группы противника и переправа на левый берег Вислы.

Что касается непосредственного удара на Варшаву, то выше мы указывали, что такой „отчаянный", по выражению Клаузевица, удар можно было предпринять, направив для этого части 16 армии и всю 3-ю армию. Если, по свидетельству тов. Путна, даже части 16 армии при содействии одной лишь дивизии 3 армии едва-едва не одержали успеха и не ворвались на Пражский тет-де-пон, то с участием всех сил 3 армии успех мог быть вполне вероятным. Но... дальше атаковавшие части встречали бы Вислу и при решившемся на защиту города противнике могли бы быть и остановлены. Однако, и этого сказать нельзя с достоверностью, так как потеря Праги была бы таким моральным ударом для белополяков, что не исключена была возможность восстания пролетариата в Варшаве, стремившегося бы облегчить нам атаку города. Во всяком случае последствий такого „отчаянного" удара предсказать впредь было бы трудно, а потому мы согласны с автором „Похода за Вислу", что избирать это направление для нанесения главного удара было нельзя.

Обращаясь ко второму решению — атаке Ивангородской группы противника, мы не будем вводить что-либо от себя нового, а напомним тот план, который предлагался 7 августа главнокомандованием фронту. Как уже известно, в этот день телеграммой главное командование рекомендовало: направить 3 армию „на фронт Н. Минск — Седлец, дабы правый

Армии и фронты поляков.	По расчетам полевого штаба.				В действительности.				Наши армии и фронты.
	Поляки.		Красная Армия.		Поляки.		Красная Армия.		
	Число дивизий.	Штык. и саб.	Число дивизий.	Штык. и саб.	Число дивизий.	Штык. и саб.	Число дивизий.	Штык. и саб.	
Северный фронт.									Ланфр.
5 армия	$8\frac{1}{2}$—1 к.	41300	4 п. 2 к.	12000	6 п. $1\frac{1}{2}$ к.	36000	4 п. 2 к.	12000	4 арм.
1 армия	3 п.	15500	4 пех.	9000	6 пех.	30000	4 пех.	9000	15 арм.
ИТОГО	$11\frac{1}{2}$ п. 1 к.	56800	8 п. 2 к.	21000	12 п. $1\frac{1}{2}$ к.	66000	8 п. 2 к.	21000	
2 армия	—	—	1 пех.	2250	2 пех.	10000	1 пех.	2250	3 арм.
Центр. Гр. армий.									
4 армия	$6\frac{1}{2}$	28100	8 пех.	18000	$3\frac{3}{4}$ пех.	18500	8 пех.	18000	16 арм.
3 армия ударн. гр. .	5 п. 1 к.	21500	3 пех.	6750	2 п. 1 к. бр.	10000	2 пех.	4500	Моз. гр.
					$5\frac{3}{4}$ п. 1 к. бр.	30500	11 пех.	22500	
3 армия пасс. гр. . .					$1\frac{1}{2}$ п.	7500	1 пех.	2250	1 див., 12 ар. Ю.-З. фр.
ИТОГО	$11\frac{1}{2}$ п. 1 к.	49600	12 п.	27000	$9\frac{1}{4}$ п. 1 к. бр.	38000	12 пех.	27000	
ИТОГО	23 п. 2 к.	106400	20 п. 2 к.	48000	$21\frac{1}{4}$ п. 2 к.	114000	20 п. 2 к.	48000	

Армии и фронты поляков.	По расчетам полевого штаба.				В действительности.				Наши армии и фронты.
	Поляки.		Красная Армия.		Поляки.		Красная Армия.		
	Число дивизий.	Штык. и саб.	Число дивизий.	Штык. и саб.	Число дивизий.	Штык. и саб.	Число дивизий.	Штык. и саб.	
Южный фронт.									Ю.-З. фронт.
6 армия	2 п. 2 к.	13100	4 п. 4 к	21000	2½ п. 1 кав.	16500	4 п. 4 к.	21000	4 див. 12 арм. и 4 див., 1 кон.
Украинская армия	Укр. части.	18000	4 п. 1 к.	12000	1 п. укр. ч.	18000	4 п. 1 к.	12000	1 див. 1 кон. 14 арм.
ИТОГО	2 п. 2 к. и Укр. части.	31100	8 п. 5 к.	33000	3½ п. 1 к. укр. ч.	34500	8 п. 5 к.	33000	
ВСЕГО	25 п. 4 к. и Укр. части.	137500	28 п. 7 к.	81000	24¾ п. 3 к. и укр. ч.	148500	28 п. 7 к.	81000	

фланг 16-й армии мог свободно выдвинуться на фронт Седлец—Луков".

Дополняя эту группировку направлением 15 армии заслоном против Праги на фронт—нижнее течение Буга— Н. Минск и 4 армию к северу от Буга, а равно Мозырскую группу и 1 дивизию 12-й армии от Бреста и южнее на Люблин, мы получили бы группировку сил, указанную на стр. 143 и 144.

Мы отнюдь не хотим сказать, что этот план является „лучшим", как это требует Клаузевиц и затем представить доказательства этому.

Разберем его группировку, как она в действительности слагалась, и при условии, что Главное Командование не рассчитывало не только на содействие 1 конной, но и большей части 12-й армии, из которой фактически можно было привлечь только одну дивизию.

Против северной группировки противника (по данным Главнокомандования в 56.000 штыков, а в действительности 66.000 штыков) выставляются заслоном 2 армии (4 и 15) в 21.000 штыков и сабель, т. е. силы в половину меньше по рассчетам главного командования. Считая, что моральный перевес был на нашей стороне, можно было надеяться локализировать всякие попытки контр-ударов этой группы поляков, каковые подробно разобраны нами выше.

На Ивангородскую группу бело-поляков в 49.000 штыков и сабель по данным Полевого Штаба, а в действительности 38.000 штыков и сабель направлялось 27.000 штыков и сабель. Силы безусловно малые для того, чтобы решительно разгромить эту группу, в лучшем случае можно было надеяться достигнуть равновесия на фронте, затяжки в решении. Сковав эту группу противника Главнокомандование полагало, как и фронт, привлечь к участию в операциях главные силы 12 армии и всю 1 конную армию. С подходом этих частей наши силы достигли бы 48.000 штыков и сабель и с перевесом, как численным, так и моральным на нашей стороне они могли состязаться с 38.000 штыков и сабель бело-поляков, рассчитывая одержать успех. Если выкинуть из расчетов пока поддержку Юго-Запфронта, то целью главного командования на Ивангородском направлении являлся контр-маневр с целью предотвратить заносимый бело-поляками удар. Не имеем права скрывать того, что в этом случае план главного командования направлял силы в самом чувствительном для бело-поляков направлении, как об этом нам выше говорил француз Л. Ф. Последний считал, что весь успех Ивангородской группы бело-поляков строился на том, что не последует против нее нашего наступления с северо-востока.

Наконец, на южном фронте мы оказывались в силах почти равных с противником, с уходом же 12 и 1 конной армий в полтора раза уступали бы ему.

Сравнивая этот план с планом фронта, мы, в сущности, видим почти равномерную группировку сил на Запфронте: лишь на 6.000 штыков и сабель было назначено больше на Ивангородское направление, чем оставалось на пассивном участке против Варшавы и к северу от нее. Принцип „частной победы" выявлялся более резко в предположениях фронта, но зато и был связан с „риском". Второй план был более обеспечен, но в то же время, не выявлял быстрого решения операции, того стремительного удара, которым задавался фронт. В то время, как фронт пытался во что бы то ни стало „овладеть Варшавой", второй план приводил пока к исправлению создавшегося положения и только с подходом сил Юго-Запфронта можно было говорить о переходе в решительное наступление со средней Вислы. Не будем отрицать, что может быть 27.000 штыков и сабель, вдохновленные стремлением к победе и сами бы покончили с Ивангородской группой противника, но уже для дальнейшего развития главного удара со средней Вислы без содействия 12 и 1 конной армий обойтись было нельзя. Варшава была еще будущей целью.

Из разговоров фронта с главным командованием мы определенно знаем, что последнее рассчитывало одержать успех к востоку от Вислы, а раз таковой отпал, то считало обстановку для нас ухудшившейся, учитывая к тому же затяжку в развитии боевых действий на южном фронте. Ставя также главной задачей в кратчайший срок овладеть Варшавой, главное командование проводило это при условии первоначального разгрома Люблинской группы бело-поляков. В разговоре по прямому проводу 18 августа с фронтом, когда уже обозначилось наступление этой группы противника, но оценивалось фронтом, как действие „пока небольших сил". главное командование указывало: „считаю, что мы в данный момент и при данной обстановке обязаны в кратчайший срок овладеть Варшавой и разбить Люблинскую группу". Последняя с 20-х чисел июля не упускалась из вида Главным Командованием и расценивалась, как фактор, могущий остановить наше движение к Варшаве.

Для „стремительного удара" у нас не было сил и сначала требовалось таковые сгруппировать, а затем уже предпринимать поход за среднюю Вислу. Из истории мы знаем, что Дибич двинулся к средней Висле для перенесения операций на ее левый берег, несмотря на то, что его Начальник Штаба Толь советовал повременить с этой задачей до подхода подкреплений. События оправдали опасения Толя и Дибичу пришлось отказаться от намеченной операции.

С подходом к Висле обстановка складывалась не в нашу пользу, и мы становились перед решением: 1) итти на риск и стремиться во что бы то ни стало к победе, хотя бы и частной, или 2) оттянуть решением, но не потерпеть неудачи.

Однако, как политическое положение, так и стратегическое, в связи с обстановкой на других фронтах, требовали быстрого решения, и мы не склонны вносить какое-либо осуждение в сторону рискованных планов. Отметим только одно, что, принимая их, нужно было заранее сказать отчетливо, что мы идем на этот риск и требовать чего-либо иного от последствий его, т.-е. от полной неизвестности в результатах мы не могли.

Неравенство в силах противников на Висле было таково что с нашей стороны для быстрой развязки мог быть только один „отчаянный удар". „Находящийся в таком тяжелом положении", пишет Клаузевиц, „лишенный надежды на помощь откуда или отчего бы то ни было, уповает единственно на нравственный перевес отчаянной отваги, в высшем риске видит он величайшую мудрость, соединяя ее, пожалуй, еще с хитростью. А если он и засим не достигнет успеха", предрекает философ войны,—„то по меньшей мере в славном падении приобретет право на будущее возрождение".

Вот обстановка, в которой мы оказывались на Висле из-за недостатка двинутых в поход сил, из-за неустроенного тыла и других причин. Но, эти общие причины все же не снимали с нас ответственности ослабить последствия „славного падения" и создать условия, благоприятствующие „будущему возрождению", иными словами, открывать свои сообщения мы не могли. Если до известной степени мы шли на то, чтобы „жечь корабли", то все же должны были подумать и о том, что предпринять в случае кораблекрушения. Маленький капрал, изрекая это поучение, „жег корабли", лишь тогда, когда он шел почти к верной победе, а не к местному тактическому успеху. Главная наша атака левого фланга сопровождалась большим риском в смысле „приобретения права на будущее возрождение", чем атака на Ивангородском направлении, и нужно отметить, что обе не вели к такой победе, в пользу которой нужно было „сжигать корабли". Подобная победа в короткий срок для нас на Висле была в данной обстановке немыслима, она оттягивалась по времени до сосредоточения сил.

Если фронт рассчитывал достигнуть этого во время выполнения операции, как об этом нам говорит автор „Похода за Вислу", то нужно учесть, что противник мог не оставаться пассивным, его воля не была еще совершенно парализована и он не потерял способность к контр-маневру.

Все это так,—скажет нам читатель, но где же „лучшее решение“ той задачи, которую политика ставила стратегии. На это мы можем сказать одно, что это решение для нас в смысле победы временно отпадало,—о чем должна была быть поставлена в известность политика, и если бы последняя пожелала все же настоять на своем требовании, ибо, по словам Клаузевица: „во всяком случае военное искусство политике не указ“, то для стратегии все должно было слиться „в один отчаянный удар“. Но тот же философ войны говорит, что: „война мерит масштабом политики, она в общих своих очертаниях есть сама политика, заменившая перо мечом, но все же обдумывающая цели по своим законам“. Даже при „отчаянном ударе“ нарушать законы войны нельзя и за это приходится дорого платить.

Клаузевиц учит, что: „наступающий покупает предметы ценные для мирных переговоров, но пока расплачивается за них наличными деньгами, в виде расходования своих боевых сил. Если перевес, хотя и ежедневно уменьшающийся, все-таки приведет к выгодному миру, то цель достигнута“.

В нашем положении на Висле, в средине августа 1920 года, когда мы стремились „купить предметы ценные для мирных переговоров“—победу под Варшавой, мы уже не могли расплачиваться „наличными деньгами“, за отсутствием у нас перевеса и прибегали, по образному выражению того же Клаузевица, к „займам“ в то время, когда бело-поляки „уяснили себе невыгодное положение противника и воспользовались им“.

5. Развитие операции.

а) Действия на нижней Висле *).

Так или иначе, но 10 августа план Варшавской операции был принят и армии приступили к его осуществлению. Вместе с автором „Похода за Вислу“ мы и последуем за ними.

События на Запфронте во время этой операции развертываются на трех направлениях: 1) на нижней Висле—где наступал наш „ударный таран“ (4, 15 и 3 армии), 2) под Варшавой, предмостные укрепления которой атаковывались главными силами 16 армии и 3) на Ивангородско-Люблинском направлении, где наша Мозырская группа шла в атаку на сосредоточившегося там противника.

Вполне естественно, что все внимание устремлялось на северную нашу группу. В предшествующем изложении мы подробно останавливались на тех задачах, которые на нее возлагались, а ныне обратимся к рассмотрению того, как они воплощались в действительности.

---

*) Примечание. Предлагаем пользоваться, кроме приложенных схем, 10 верстной картой листы 1, 2, 6, 7 и 8.

Читатель, наверное, помнит, что действовавшая против нас 5 польская армия, вначале имевшая задачей оборону Нарева и сбитая оттуда нами, отступила за р. Вкра, за которой приводилась в порядок и усиливалась за счет свежих войсковых частей, прибывавших с южного фронта. С прибытием последних силы армии возросли, а так как местность не давала особых выгод для обороны, то Польским Командованием было решено и этой армией нанести свой удар в северном направлении, при чем в общестратегическом положении по армии этот удар должен был содействовать отвлечению нашего внимания и сил от направления, в котором должен был последовать главный удар, а именно со стороны р. Вепржа.

В то время, когда 5 польская армия прочно для перехода в наступление имела у себя в резерве 2 пехотных дивизии из общего наличия 4½ дивизий, то противостоящие нашему фронту располагались иначе. Говоря о стремлении нашем найти главные силы противника и разгромить их в „решительном столкновении“, автор „Похода за Вислу“ по поводу перехода 5 армии белополяков в наступление указывает: „и вот теперь противник сам давал нам возможность осуществить эту задачу. 5 армия, слабейшая по числу единиц и слабейшая духом, перешла в наступление против наших 15 и 3 армий, имея под ее отогнутым левым флангом понятно самые свежие, самые боеспособные наши части 4 армии. Радость этого события для фронтового командования была чрезвычайно велика“.

Над 5-й польской армией в 30.000 штыков и сабель, нависали наши 4, 15 и 3 армии в 70.000 штыков и сабель, т.-е. двойные силы. Как видим, она не была „слабейшей по числу единиц“ — ее 6 пехотных и 1½ кав. дивизии были полного состава. Что касается „слабости ее духа“, то повторяем, что в состав ее были включены 18 пех. дивизия, доблестно дравшаяся против нашей 1 конной армии, 9 пех. дивизия, хорошо зарекомендовавшая себя упорным сопротивлением на Брестском направлении, а остальные части были пополнены в значительной мере добровольцами, т.-е. элементом в данном случае довольно устойчивым в моральном отношении.

Мы уже указывали, что большая часть сил нашей ударной группы направлялась для глубокого обхода, а в частности 4-я армия втягивалась „частью сил“ в Данцигский коридор, от 12 дивизий шла вдоль границы с Восточной Пруссией (схема № 11).

11 августа 3-й конный корпус занял Бельск, а пехотные части 4 армии вышли в район Млава—Цеханов.

13 августа, в то время, когда штаб 4 армии находился в Цеханове, 5-я польская армия начала наступление, и штаб армии, по описанию автора „Похода за Вислу“ был „внезап-

дано атаковать прорвавшимися между 4 и 15 армиями мелкими частями противника и должен был постепенно сняться и уехать на запад к своим частям". „Таким актом нарушалась связь между штабом фронта и 4 армией, которая более не восстанавливалась, вплоть до начала нашего отступления, что, конечно, произошло благодаря полному отсутствию в нашем распоряжении каких бы то ни было средств стратегической связи"—таковы последствия этого события в оценке их автором „Похода за Вислу".

Прорыв был ликвидирован 15 армией, выдвинувшей свою резервную дивизию. „Однако, как показал дальнейший ход событий, это происшествие не было простой случайностью", говорит автор „Похода за Вислу", „5 польская армия, оттесненная за р. Вкру, получила приказ о переходе в наступление и начала его по всему фронту 15 и 3 армий".

14 августа фронт отдает 4 армии следующую директиву: „Считаю, что для обеспечения правого фланга вами двинуты недостаточные силы. Направьте мой резерв—54 дивизию (дивизия, находясь в составе армии, числилась в резерве фронта) примерно в район Полубб-Шензее. Кроме того, необходима кавалерийская разведка района Грауденц—Торн".

Таким образом, 4 армия, получившая задачу: „овладеть районом Яблоново — Грауденц — Влоцлавск — Добржин", из 4-х своих пехотных дивизий две должна была направить в коридор. Внимание Командарма обращалось: 1) на Вислу на фронте Влоцлавск—Добржин и 2) на коридор. С этим он и уехал из Цеханова, надолго потеряв связь с фронтом.

15 августа 5 польская армия начала наступление и заняла Цеханов. Это событие не обескуражило фронт, а, наоборот, как уже мы слышали от автора „Похода за Вислу", вызвало „радость" с уверенностью покончить с 5 армией бело-поляков. 16 августа фронт отдает следующую директиву северной группе армий: „Противник, перейдя в образовавшийся разрыв между 4 и 15 армиями в районе Глиноецк—Плонск, занял конными частями Цеханов. Одновременно противник потеснил правый фланг 15 армии. Приказываю—окружить и уничтожить зарвавшуюся группу противника, для чего: 1) Командарму 4, оставив заслон в западном направлении, главными силами атаковать противника в районе Сахоцин—Закрочин (в районе Новогеоргиевска). Сосредоточить армейский резерв в районе Цеханов—Прасныш. 2) Командарму 15—перейти в решительное наступление в общем направлении на Плонск. Правым флангом выиграть шоссе Прасныш—Цеханов. 3) Командарму 3—сосредоточив к правому флангу ударную группу, оказать содействие 15 армии в направлении на Плонск. Ускорить движение 56 дивизии в район Маков".

„Казалось, гибель 5 армии противника являлась неминуемой и уничтожение ее повлекло бы самые решительные последствия в дальнейшем ходе всех наших операций", пишет автор „Похода за Вислу". „Однако, полякам повезло. Наша 4 армия, где новый командарм потерял связь со штабом фронта, не отдавала себе ясного отчета в складывавшейся обстановке. Не получая приказов фронта, она выставила в районе Рационж—Дробин какой-то бесформенный полузаслон и разбросала свои главные силы на участке Влоцлавск—Полоцк. 5 армия противника оказалась спасенной, и совершенно безнаказанно, имея на фланге и в тылу у себя нашу мощную армию из 4 стрелковых и 2 кав. дивизий, продолжала наступление против 3 и 15 дивизий. Такое положение, чудовищное по своей несообразности, помогло полякам не только остановить наступление 3 и 15 армий, но и начать шаг за шагом оттеснять их части в восточном направлении".

„Такое положение, чудовищное по своей несообразности" имело место в начале сентября 1914 года на Марне, когда командующий 1-й герм. армией Клук также упустил случай, совместно со 2-й герм. армией нанести решительное поражение 5-й же армии французов и позволил ей безнаказанно отойти за Марну. Действия немца Клука разобраны подробно в литературе и читатель поймет наш интерес взглянуть поближе на „нашего Клука", устремившегося к Влоцлавску и Плоцку с неменьшим порывом, чем его предшественник спешил к Парижу, пытаясь догнать убегавших англичан.

Как мы уже указывали выше, все взоры были обращены на север, где наша ударная масса должна была добиться решительной победы.

Переход поляков 15 августа в наступление на Цеханов обеспокоил Главное Командование, и в ночь с 16 на 17 августа оно спрашивало по прямому проводу фронт: „как ему рисуется обстановка 4 армии, не внушает ли она опасений дальнейшего развития". Фронт на это отвечал: „33 дивизия (15 армии) сосредоточилась 16/VIII утром в районе 10 верст южнее Цеханова и повела наступление в западном направлении. Противник, наступавший на Цеханов, видимо сильно потрепан, взято 1200 пленных, 7 орудий и пулеметы, противник в панике отступил в юго-западном направлении, нами вновь занят Цеханов. С командармом (4-й) связь сейчас будет, полештарм 4 имеем, добиваемся сведений. Из Науена (немецкое радио) сообщают по радио о боях в районе Влоцлавска и Плоцка. По докладу Наштарма 15 Командарм 4 находится в Липно. Таким образом, я расчитываю, что в районе Цеханова мы получим спайку 4 и 15 армий, хотя странно пребывание Командарма 4 в Липно—это выясняется. Недостаток связи в этом происшествии с прорывом сильно сказался.

Одновременно на всем фронте противник перешел в наступление, потеснив 4, 16 и 11 дивизии (15 армии) на линию железной дороги Цеханов-Новогеоргиевск и занял Насельск-Серпец".

Доложив обстановку и у остальных армий, фронт указывал на имеющиеся сведения о готовящемся наступлении „свежей" армии бело-поляков из района Люблина на север и о тех мерах, которые он намечал в целях противодействия. Таковые сводились к направлению 8 дивизии в Луков, а 56-я дивизия (3 армии), бывшая в резерве, „втянулась в бой и потому запоздает с переброской. Таким образом, переброска Буденного стала полной необходимостью".

„У противника появляются все новые добровольческие части. Сегодня, т. е. 16 августа, Командующий 15 армией указывает, что наши части не слишком становятся боеспособны. Это первое замечание"—продолжал фронт и в конце разговора добавлял: „получены сейчас сведения, что 12 дивизия (4-й армии) заняла Страсбург, Командарм 4 в Серпец".

Со стороны Главного Командования было отмечено о той важности Люблинского района, каковая отмечалась еще в бытность его в Минске и об отдаче директивы 11 августа о переброске 1 конной армии, о чем читатель знает уже из вышеизложенного. Что касается 4-й армии, то Главное Командование говорило: „не одобряю я увлечения продвижением 4-й армии на севере по корридору".

16-го августа 5-я польская армия ввела в дело все свои резервы. 16 августа армия бело-поляков продолжала наступление своим правым флангом и в центре, достигнув больших успехов, как это пишет француз Л. Ф. „Насельск был взят; 15 армия большевиков разбита". „Но", продолжает француз, „на севере противник сильно сопротивлялся; две советских дивизии 4 армии могли взять во фланг и в тыл левое крыло 5 польской армии; кавалерия (кавдивизия) и 18 пехотная дивизия должны были отойти в исходное положение. Положение могло быть опасным, если бы Командующим фронтом не были двинуты подкрепления к г. Сикорскому; последний получил поддержку из конных частей и всей 4 дивизии, бригады которой спешно поочередно прибывали к Плоцку и в Новогеоргиевск. Теперь поддержав ими левое крыло, явилась возможность перейти к развитию достигнутого армией 16 августа успеха".

Таким образом, к 17 августа против 3-х пехотных дивизий и конного корпуса 4-й армии противник выставлял заслон в полторы пехотных дивизии и более одной кавдивизии. Не состоявшаяся 16 августа атака 4 армии в восточном направлении 17 августа уже не могла сулить успеха.

17 августа внимание фронта отчасти уже отвлекается на юг, где противник, перейдя в наступление из Люблинского

района, занял Колбель, Сенница, Луков, Бела. В этот день директивой фронт ставит армиям задачей: „разгром наступающей Люблинской группы противника", однако, не отказываясь и от операции на севере. Здесь фронтом приказывается: 1) „4 армии отставив заслон в Бромбергском направлении, сосредоточить к 20 августа в районе Прасныш—Цеханов—Маков не менее двух-трех стрелковых дивизий и 3 конный корпус, атаковав с тылу противника, наседающего на 15 и 3 армии; 2) 15 армии обеспечить перегруппировку 4 армии и атаковать одновременно с частью ее сил группу противника в районе Плонска; 3) 3 армии оборонять подступы к р. Нарев и также подступы к р. Буг от устья р. Нарев до правого фланга 16 армии. У Вышкова имеет предмостное укрепление на левом берегу р. Буга. 21 стрелковую дивизию тремя переходами перебросить через Коссов в район Дрогичин во фронтовой резерв".

По справедливости мы должны теперь обратиться к рассмотрению того, что происходило в 4-й нашей армии, которую поглощало открытое пространство равнины нижней Вислы.

Находясь на внешеем нашем фланге, 4-я армия в стремлении выигрывать все время фланг противника затрачивала известную часть сил на быстроту своего движения. С началом отхода бело-поляков от Нарева перед ней в сущности открывался простор, по которому она с большей скоростью и устремилась к Висле.

Каково было в это время состояние 4-й армии можно проследить по статье тов. Гая, бывшего комкора III („Отход III корпуса на Запфронте"—Рев. и война сб. 4—5) и по его докладной записке, поданной Главному Командованию по возвращении из Германии после интернирования. Другие участники боев на нижней Висле 4 армии пока еще хранят молчание, что, конечно, вынуждает и нас с осторожностью подходить к оценке боевой силы этой армии только по свидетельству т. Гая, тем более, что автор „Похода за Вислу" определяет ее, как „мощную" армию.

Указав, что сначала похода от Двины, конкорпус не испытывал затруднений в снабжении, тов. Гая отмечает далее, что с продвижением на запад, в виду отсутствия в конкорпусе транспортов: „вопрос снабжения становился с каждым днем все острее. Неоднократные мои просьбы: дать более или менее продолжительную стоянку, дабы за это время могли с одной стороны отдохнуть и лошади и люди после многодневного утомительного марша и с другой, чтобы можно было подтянуть из Полоцка тылы корпуса,—не увенчались успехом. Обстановка повелительно требовала двигаться вперед, и командарм, подчиняясь ей, приказывал стремительно на-

ступить, ставя все новые и новые задачи, упуская, очевидно, из виду, что силы людей и лошадей имеют свои пределы. Каждое продвижение вперед все больше подрывало силы корпуса: изнурялись лошади, люди; выбывали из строя красноармейцы и комсостав, а пополнений не поступало. Количество сабель в корпусе, наконец, уменьшилось до 3000, так как пришлось отправить в распоряжение командарма 15—89-й и 90 кавполки (800 сабель). Мною было послано несколько докладов командарму о положении корпуса, с указанием, что оно близко к катастрофе, так как конский состав до того изнурен, что нельзя развивать аллюр больше рыси, что за отсутствием огнеприпасов артиллерия почти бездействует. Однако, все мои указания и доклады не привели к положительным результатам. Корпус все слабел, а события своим чередом надвигались довольно быстрым темпом".

Таково состояние корпуса было при его подходе к нижней Висле. Недостаток в артснарядах в корпусе был таков, что, получив 17-го августа задачу овладеть Плоцком, комкор вынужден был: „взять из обозов 53 дивизии 600 снарядов". После атаки этого города, когда командарм 4 потребовал конкорпус на Плонск, согласно указаний фронта, то „усталым, не спавшим трое суток полкам, роптавшим командирам и возмущенным начдивам (комкору) пришлось вкратце выяснить положение и потребовать немедленного наступления на Плонск. На их ответы: „чем же мы будем стрелять, нет снарядов, патронов, нет карт, третий день люди и лошади не ели, не спали, кони еле-еле двигаются, часовые спят, стоя с винтовками в руках, дайте отдыха", пришлось угрожать и потребовать без ропота и рассуждения исполнять приказ".

Что касается стрелковых дивизий, то с их состоянием тов. Гая знакомит нас уже во время отхода, после 4-х дневного марша с запада на восток. 21-го августа комкор 3 конного встретил „усталые, крайне малочисленные, панически настроенные полки 53 дивизии. Пришлось уговаривать, на каждом шагу останавливаться, угрожать"—это было еще до серьезных боев этой дивизии по прорыву на восток. При свидании с начдивом 53 (в ночь с 21 на 22 августа) комкора 3 конного; „начдив 53 сообщил, что в виду крайней утомленности, вследствие 4-х дневного быстрого отхода из Влоцлавска — Липно — Серпец, а также благодаря неудачам последних боев, в его дивизии царит паника и непослушание командованию, неуверенность, которая усиливается наличием колоссального обоза всех частей 4 армии. К тому же дивизия потеряла всякую боеспособность, так как в ней насчитывается не более 3000 человек... Как начдив, так и военком крайне устали и имели вид растерянных и больных людей.

При мне с военкомдивом два раза был обморок, вследствие бессоницы и утомления, как об'яснил начдив".

В своей заключительной части статьи тов. Гая, перечислив все те бедствия, какие пришлось испытать конкорпусу со стороны армии, указывает на эксплоатирование последней своей конницы: „еще тем, что по всем дорогам или по фронту конкорпус проходил с боем, а потом за ним гонялись на подводах 4 пехотных дивизии...Приходилось только удивляться беззаветной храбрости конных полков и терпению бедных пехотинцев, бежавших за нами".

Мы привели описание состояния конкорпуса его командиром, который, конечно, ответствен за него. Что касается стрелковых дивизий, то, если 53 дивизия, не смотря на такое состояние, все же прорывалась вместе с конкорпусом с боями на восток, была на пределе окончательной потери боеспособности, другие дивизии (кроме 12 стр.) оказывались, если не в таком же состоянии, то скорее с уклоном в худшую сторону. Мы должны учесть, что комкор познакомил нас с пехотой во время отступления и обязаны ввести поправку. Нет сомнения, что при продвижении к нижней Висле боевая сила стрелковых дивизий 4 армии была иная, но почти с уверенностью можно сказать, что она была уже на пределе. Дивизии шли по инерции и „мощность" армии для нового маневра на восток безусловно не могла быть таковой, на какую расчитывал фронт и ныне указывает нам автор „Похода за Вислу".

Обратимся теперь к действиям 4 армии. В развитие основной директивы фронта от 10 августа по приказу командарма 4 от 13 августа дивизии армии 14 августа должны были находиться в следующих районах: 3 конкорпус, по овладении переправами через р. Вислу, выбросить разведку в район Брест (Куявский), 12 стр. дивизия в районе Страсбурга, 53 стр. дивизия в районе юго-западнее Липно, 18 дивизия в районе 15 верст юго-западнее Серпец (Ясень—Клобуково), 54 дивизия в Серпец. В действительности в этот день: конкорпус уже подходил к Висле на участке Нешава—Влоцлавск, 53 див. Серпец, 12 д. в районе Сольдау, 18 дивизия Дробин и 54 дивизия в 10 верстах к северо-западу от Рационжа.

Читатель помнит, что директивой фронта 10 августа на армию была возложена задача: „обеспечивая правый фланг фронта частью сил, овладеть районом Яблоново-Грауденц-Влоцлавск-Добржин. В районе Цеханов-Плонск оставить одну стрелковую дивизию во фронтовом резерве", при общей задаче фронта разбить противника и „форсировать р. Вислу, отбросить к юго-западу". Стык между 4 и 15 армией на Висле определялся Плоцком (для 15 армии включительно).

Считаем себя обязанным оговориться, что подробного описания событий в 4 армии нет ни в оффициальных докумен-

тах, ни в литературе, кроме статьи тов. Гая, его доклада, указанных нами выше и книги Сергеева, а потому наше изложение может страдать и неточностью.

Получив задачу по развитию действий к западу от Плоцка, командарм 4 и направил туда свою армию, упустив указания фронта оставить одну дивизию в районе Плонск-Цеханов и 54 дивизия, как тыловая, 14 августа была в 30 верстах к западу от этого района.

Полевой штаб 4 армии в этот день находился в Цеханове в 40 верстах от 54 дивизии. Между тем правый фланг соседней 15 армии вышел еще только на р. Вкра к югу от линии Цеханов—Глиноецк и таким образом 4 армия (ее дивизии) оказались на 40 верст оторванными от 15 армии.

14 августа командарм 4 получил от фронта подтверждение своих устремлений на запад, в виде указания направить 54 дивизию в Данцигский корридор на усиление своего правого фланга.

Читателю уже известно, что 14 августа кавгруппа белополяков из района Глиноецка угрожала вклиниться между 4 и 15 армией, а потому 15 августа командарм 4, с целью облегчить положение 15 армии, отдает приказ: „1) 54 стр. дивизии вторично наступать в направлении Рационж-Плонск, обеспечивая свой фланг со стороны Глиноецка и обязательно связавшись с 4 дивизией 15 армии, правый фланг которой был в районе Кемпа, что на р. Вкра; 2) 12 стр. дивизии оставаться в Районе Лаутенбурга; 3) 18 стр. дивизии энергично кратчайшим путем наступать на Плонск, держа тесную связь с 54 дивизией; 4) 53 стр. дивизии занимая фронт Бежунь-Серпец, обеспечивать операцию 18 и 54 дивизий; 53 д. и 3 кон. корпусу занять фронт Липно-Влоцлавск, прикрыв маневр 54 и 18 стр. дивизий со стороны Торна и Вислы, для чего тщательно наблюдать участок от Влоцлавска до Плоцка. Полевой штаб армии должен был находиться в Цеханове, но в случае изменения обстановки должен перейти в Млаву".

Из этих намерений командарма 4 вытекает: 1) попытка оказать содействие соседней 15 армии еще до получения директивы фронта от 16 августа; 2) оценка этой операции, как временной задержки наступления армии, а, следовательно, не учитываемой, как главной и 3) неуверенность командарма в своем благополучном пребывании в Цеханове вдали от армии и намерение переехать в Млаву, очевидно, из-за желания не оторваться от фронта. Получалось довольно оригинальное положение, когда командарм собирался руководить операцией 18 и 54 дивизий, повернутых ныне на 180 градусов на восток, оказываясь фактически перед фронтом этих дивизий. Злой язык может сказать, что командарм затевал двухстороннюю военную игру, собираясь, очевидно, превра-

ться в главное руководство этой игрой, находясь посредине между противником и своими дивизиями.

Нет сомнения в том, что 15 августа дивизии армии продолжали свое движение на запад и 18 и 54 дивизии должны были остановиться, а затем начать операцию на восток. Все это говорит за то, что приказ командарма 4 мог получать осуществление лишь с вечера 15 или с утра 16 августа. В эти сроки 5.000 наших штыков и сабель должны были обрушиться на 9.000 штыков и сабель бело-поляков (18 дивизия и кавдивизия). При нашем моральном превосходстве, пожалуй, можно было расчитывать на успех. Однако, 16 августа к средине дня поляки имели уже в районе Плонска $1^1/_2$ пех. (18 и $^1/_2$ 4) дивизии и больше одной кавдивизии, т. е. более 12.000 штыков и сабель, получая двойное превосходство в силах против 18 и 54 дивизий и сравнивались в силах со всей 4 армией, если бы она одновременно ударила на эту группу. Но на этот день 12, 53 стр. дивизии и конкорпус были далеко на западе (12 дивизия в 50 верстах, 53 дивизия в 30—40 верстах и конкорпус в 60—70 верстах) и для сосредоточения этих сил на линии Дробин-Роционж понадобилось бы не менее 2-х дней. Только с утра 18 августа, при самых благоприятных обстоятельствах, могла начаться атака всей 4-й армии противника на линии Глиноецк—Плонск. Но это было уже поздно. Такая грубая вещь, как арифметика, если даже не учитывать силы людей и лошадей, что, по свидетельству тов. Гая, очень часто забывалось нашим командованием, показывала на невозможность расчитывать на удар 4-й армии.

Оказавшись 15 августа под непосредственной угрозой польской конницы, подобно Клуку на Марне, развернувшему свой штаб для отражения наступления 5 французской кавдивизии, командарм 4 снялся со своим штабом и уехал из Цеханова к армии, но в противоположность немецкому штабу, штаб 4-й армии поспешил сжечь имевшуюся у него радиостанцию из боязни отдать ее в руки противника. Отныне командарм 4 оказывался предоставленным довольно сомнительной надежности проволочной связи с фронтом и последний, как мы уже видели, из германского радио получал отчеты о боевых действиях 4-й армии под Влоцлавском и Плоцком.

Для нас представляет интерес выяснение оценки командармом 4 возможной атаки противника на Цеханов. Что таковая учитывалась им, видно из его предположений от'езда из Цеханова в Млаву, на север. Это одно показывает, что командарм 4 смотрел на это, лишь как на случайный эпизод в общей цепи событий гражданской войны, каковые при разжиженном фронте вполне вероятны и отнюдь не знаменовали

собой серьезного удара бело-поляков. Наконец, командарм 4, покинув Цеханов, уехал не к той группе его дивизий, которая [illegible] была атаковать Плонск, а, наоборот, оказался в Липно, т.-е. на крайнем своем правом фланге, в 60 верстах от 16 и 54 дивизий. Очевидно командарм считал быть необходимым там, где разыгрываются главные действия его армии, т.-е. на западе, а не на востоке. Потеряв связь с фронтом, штаб 4-й армии был связан довольно плохо и со своими дивизиями, особенно с 3 конкорпусом. С от'ездом из Цеханова штаб армии руководил только через связь дивизий. „Со штармом, в виду нашего стремительного наступления и отсутствия средств связи, регулярной связи никогда не было", пишет т. Гая.

15 августа командарм 4 прибыл в Липно, где встретился с комкором 3 конного и где находилась 53 стр. дивизия. Сюда штадив 18 из Дробина доносил, что к нему прибыли парламентеры от противника с предложением до 17 августа всей нашей 4-й армии положить оружие, в противном случае последует концентрическая атака окруженной со всех сторон 4-й армии.

16 августа командарм 4 отдает приказание комкору 3 конного: „взять район Влоцлавска и перейти Вислу". Повидимому, угрозы противника не беспокоили командарма 4. „После ряда неудачных боев" пишет тов. Гая, „корпусу удалось, наконец, с помощью бригады 53 стр. дивизии, овладеть мостом на р. Висле у Влоцлавска и выбросить несколько разведывательных партий в город и за Вислу. Правый фланг корпуса в это время овладел мест. Бобровники и захватил у Нешавы 2 парохода и несколько барж с консервами, выбросив на лодках разведку на левый берег Вислы".

16 августа командарм 4 был в Серпец, в центре своей армии. Повидимому, до командарма дошла директива фронта от 16 августа, коей приказывалось: „Командарму 4, оставив заслон в западном направлении, главными силами атаковать противника в районе Сохацин-Закрочим". Далее мы орентируемся по статье тов. Гая. „17 августа, около 18 часов, я получил приказ (через штадив 53) сдать участок Нешава—Влоцлавск 53 дивизии, выделить 60 казачий полк в район Кикол (полк производил разведку на Торн—Добржин), передав его в распоряжение начдива 12, а остальными силами наступать на Плоцк через Дробин, так как положение 15-й армии крайне тяжелое и необходима помощь".

Чтобы покончить с злоключениями Клука 1920 года, мы позволим себе несколько забежать вперед и продолжить описание действий 4-й армии.

Для атаки Плоцка командарм 4, кроме 3 конкорпуса направлял и бригаду 18 стр. дивизии. Тов. Гая недоумевает

в своей статье, для чего командарму 4 понадобилось взятие Плоцка: для демонстрации ли удара по левому берегу Вислы, или же для удара по глубоким тылам 5-й польской армии. Нам кажется более вероятным второе предположение.

Ночью 18 августа конкорпус берет Плоцк. Не успел он еще закрепиться в городе, как командарм 4 потребовал комкора к телефону в штадив 18 в Гослице и в 7 ч. 35 м. по телефону передал ему лично следующее приказание: „Положение 15-й армии крайне ухудшилось, немедленно передать г. Плоцк бригаде 18-й дивизии, а самому с корпусом, не теряя ни минуты, через Гослицу наступать на г. Плонск". На доводы комкора 3 конного, что вывести сейчас корпус из боя трудно, тем более, что пехота не подошла, командарм 4 приказал: „Бросить немедленно город и сейчас же наступать на Плонск".

Получив категорическое приказание, 3-й конный корпус в 13 часов 19 августа начал перегруппировку для выхода на новое направление атаки и в 15 часов уже завязал бой с противником к западу от Плонска.

„По показаниям пленных в Плонске сосредоточились крупные силы противника: приблизительно 4 полка кавалерии и 2 пех. дивизии", что вполне соответствовало действительности. В 15 ч. 30 м. 19 августа комкор 3 конного получил приказ по армии об отходе всей армии на восток и в 17 часов имел личный разговор по телефону с командармом 4.

„В 17 часов, наконец, меня соединили со штадивом 18 и вызвали командарма", пишет т. Гая, „которого я просил точно ориентировать меня о положении армии и сказать, какова дальнейшая задача корпуса. На мой первый вопрос я точного ответа не получил, а на второй—он сообщил, что ничего серьезного пока нет, наступление корпуса крайне облегчило положение 54 и 18 дивизий, так как противник ослабил натиск на эти дивизии и, благодаря нашему наступлению, начал отходить на Плонск. Не смотря на это, положение 15-й армии настолько ухудшилось, что 4-я армия вынуждена отступать. Задача корпуса—прикрывать отход пехоты армии, главным образом, 53 дивизии, которая по его расчету должна была уйти из Липно 19 утром. Вся армия к 21 должна сосредоточиться по линии: Млава—Конопки—Цеханов в 3 группы:—54 и 18 дивизии в районе Цеханов; корпус на правом фланге армии в районе Млавы; 53 дивизия в армейском резерве в районе Шульмерж и Лесного, что на шоссе Цеханов—Грудуск. Корпусу—прекратить дальнейшее наступление на Плонск и далее на местечко Гура не наступать, а оставаться на занимаемой позиции, дабы прикрыть отход армии с запада и с юга. 21 августа корпус должен отойти на линию Редзанов—Стржегово, а 22 августа на Млаву и западнее ее.

На мой вопрос: „как положение на участке 15 армии, где 12 дивизия, на какой линии, и кем занят Цеханов". Командарм ответил, что связи с 15 армией нет, но по всей вероятности, правый фланг 15 армии восточнее Цеханова, если не в самом Цеханове; 12 дивизия из Сольдау отходит на Млаву, а штаб 4 армии переходит на Остроленку". „Этим и закончился наш разговор", сообщает тов. Гая.

Сдерживая противника в районе Плоиска, комкор 3 конного перешел к 7 час. 20 августа со своим штабом из Гослице в Дробин, где: „застал командарма 4, члена Ревсовета и начштарма 4, которые в ночь на 20 августа прибыли на автомобилях из г. Серпец. Новых сведений о противнике они еще не имели. Командарм вновь подтвердил задачу корпуса, прося меня спасти 53 дивизию. В 8 часов они выехали через Дробин—Млава и далее на Остроленку". „Это было мое последнее свидание с командармом", пишет комкор 3 конного.

До 20 часов 20 августа 3 конный корпус сдерживал противника в районе м. Гура, прикрывая отход 18, 54 дивизий и случайных частей 53 дивизии, проходивших через Дробин, а затем и сам начал отход на линию Редзаново—Стржегово.

Автор „Похода за Вислу", говоря об отдаче фронтом директивы 17 августа, так описывает действия 4-й армии: „Отсутствие средств связи и бестолковые путешествия 4-й армии по Данцигскому корридору, повидимому, не позволили получить командарму 4, отданного приказа во-время. В довершение всех несчастий, командарм 4, оторванный от штаба фронта и от соседних армий и не представлявший, в силу этого, общей обстановки на фронте, считал таковую вполне благоприятной и отступление находил совершенно несвоевременным. 19 числа, случайно поймав Командзапа по проводу, он изложил ему эти свои соображения, но получил категорическое подтверждение ранее отданного приказания. Само собой разумеется, что времени 4-й армией было потеряно столько, что своевременно она ни в каком случае не могла выполнить поставленной задачи... Большую часть ее противник прижимает к восточно-прусской границе и заставляет перейти на германскую территорию".

Перед нами прошла деятельность Командарма 4 с 17 по 20 августа и читатель мог проследить, как реагировал Командарм на приказания фронта. Первая директива фронта от 16 августа о наступлении главными силами 4 армии на Сахоцин-Закрочим вылилась в приказание конкорпусу 18 часов 17 августа, при чем в нем указывалось, что „положение 15 армии крайне тяжелое, и необходима помощь". Следовательно, немного более суток понадобилось для того, чтобы директива фронта уже дошла до 3 конкорпуса, который и бросается Командармом 4 для выполнения этой задачи, а на

западе оставляются две пехотные дивизии с 2 конными полками. Естественно, что в случае отхода армии в целом, этот пехотный заслон обрекался на тяжелые жертвы в смысле напряжения сил людей и, конечно, сопровождался потерей времени. Второй приказ фронта от 17 августа дошел, повидимому, к утру 18 до Командарма 4, так как в 7 часов 35 мин. им лично конкорпус от Плоцка поворачивается на Плонск, т.-е. на северо-восток, выше которого должны были вести наступление 54 дивизия и 2 бригады 18 дивизии. Нужно к тому же учесть, что 4 армии не было еще дано категорического приказа об отходе, а указано: „оставить заслон для закрепления занятого района в Бромбергском направлении". Задача: „закрепление занятого района", требует, конечно, известных сил, а не простого наблюдения, и мы не склонны обвинять Командарма 4 в оставлении им 18 августа 53 дивизии в Липно и бригады 18 дивизии в районе Плоцка. По свидетельству тов. Гая, Командарм 4 рассчитывал на уход 53 дивизии из района Липно утром 19 в силу отданного им приказа 18 августа об отходе всей 4 армии на восток.

Для нас являются поэтому непонятными указания автора „Похода за Вислу" на „бестолковые путешествия 4 армии по Данцигскому корридору", производимые по директивам фронта, как читатель видел выше, а также недооценка Командармом 4 серьезности обстановки и суждения о несвоевременности отступления. Автор говорит, насколько мы поняли, что 19 Командзапом было категорически подтверждено начать отступление 4 армии. Может быть, Командарм 4 и высказывал иную оценку обстановки, но в действительности уже в 15 час. 30 мин. 18 августа, по свидетельству тов. Гая, им был отдан приказ об отходе всей 4 армии.

Клук „Похода за Вислу" старался выполнить приказы фронта по мере их получения, но безусловно оказывался не в курсе дел в 15 и 3 армиях, которые в это время сильно теснились противником. Если 19 августа Командарм 4 еще мог разговаривать с фронтом по прямому проводу, а 20 августа, повидимому, миновал Цеханов, то остается пожалеть, что фронт, потеряв 15 августа связь с 4 армией, пытался восстановить таковую лишь посредством телеграфа, а не выслал хотя бы из ближайшего штаба 15 армии особое лицо для ориентирования Командарма 4 в слагающейся обстановке — с 16 по 20 августа было достаточно времени для этого и поручение могло быть выполнено даже в условиях безопасности. Возможно, что для этого не было свободного автомобиля, но, может быть, нашелся бы аэроплан, которым следовало рискнуть для спасения армии.

Нам могут сказать, что в 1914 году посылка Хенча из Главной квартиры в 1 и 2 германские армии повела только

к отходу этих армий и проигрышу сражения, но здесь, как увидим ниже, фронт уже 17 августа отказывался от операций на нижней Висле и рассчитывал возможно скорее получить 4 армию, как активную силу. Никакой Хенч не мог уже повредить делу наступления правого нашего фланга, когда сам фронт не ставил его главной задачей.

Выше мы видели, что самая дальняя 53 дивизия к 17 августа была уже в районе Липно. Если бы приказ фронта от 17 августа в тот же день дошел до Командарма 4 и им тотчас же был в свою очередь отдан приказ об отходе из Липно 53 дивизии, таковая могла начать свое отступление не ранее утра 18, т.-е. не сутки раньше, чем она фактически к этому приступила. На линию Цеханов — Маков дивизия подошла к утру 21 августа, когда последняя была уже занята противником. Однако, по свидетельству француза Л. Ф., 5 польская армия уже 19 августа заняла линию Цеханов—Млава. готовясь встретить отступающие части 4 армии и шедшие далеко впереди 53 дивизии части 54 и 18 дивизий также не могли благополучно пройти и лишь частично прорвались на восток 20 августа. В такой же обстановке оказались бы и 53 дивизия, если бы она подошла к железной дороге Цеханов — Млава на сутки раньше. Директива фронта 17 августа, даже своевременно выполненная 4 армией, была для нее все же запоздавшей.

Мы должны несколько вернуться к 15 и 3 армиям, которые 16 августа фактически уже перешли к обороне и Командарм 15 свидетельствовал фронту, что „наши части не слишком становятся боеспособны“, как о том доказывал фронт Главному Командованию. Француз Л. Ф. считает 17 августа днем „окончательной победы“ 5 польской армией, в результате атак которой 17 августа бело-поляками был взят Пултуск и Сероцк и весь правый берег Нарева между этими пунктами.

Эти события еще не отразились на распоряжениях штаба фронта, когда 17 августа была отдана армиям фронта директива, указанная нами выше. До отдачи последней того же 17 августа фронтом еще раз было подтверждено Командарму 4: „отрезать пути отступления противнику, действующему против 15 и 3 армий“.

Директива фронта 17 августа, будучи полученной в Полевом Штабе, вызвала обмен мнений фронта с Главным Командованием по прямому проводу.

Фронт в ночь на 18 августа докладывал: „4 армия — ничего существенного неизвестно, установлена связь с 12 дивизией и конкорпусом, последний в районе Влоцлавска еще не переправился. 12 дивизия штадив Страсбург—ничего особенного. Командарм 4 был в штадиве 54, 15 и 3 (армии)

продолжают вести встречные бои, примерно, на старой линии. 3 армия—оставлен лишь Сероцк". Далее фронт обрисовал обстановку на фронте 16 армии и Мозырской группы, где произошел прорыв противника, указывая: „что пока действуют лишь небольшие силы (поляков) и этот отход произошел, благодаря тому, главным образом, что части Мозырской группы сильно истощены и переутомлены. Во всяком случае я отдал приказ о перегруппировке: конкорпус и две-три стрелковые дивизии 4 армии сосредоточить 20 августа в районе Цеханов, Маков, Прасныш.

Днем 18 Начоперупр просил фронт выяснить: „из 4 армии Вы оттягиваете три дивизии в район Цеханов — Прасныш—Маков, главное командование просило узнать — находятся ли эти дивизии в движении в этот район, или они находятся значительно западнее, примерно, в районе Серпец, Дробин, Рационж и нельзя ли оттуда продолжать тот удар, как Вы намечали—на Сахоцин, Закрочим и просило высказать Ваши предположения по принятому Вами последнему решению по сосредоточению главных сил 4 армии в район Цеханов—Прасныш—Маков".

На это фронт отвечал: „сведений о 18, 54 и 53 дивизиях еще не получено. По предыдущему приказу, который Командармом послан 12 дивизии, главные силы должны подтянуться к району Плонска и я рассчитываю, что эти части в движении. При выполнении марша-маневра в район Цеханова, Прасныш, Маков, Командарму 4 приказано ударить в тыл Новогеоргиевской группы противника, так сказать, по дороге. Эти силы мне нужны, чтобы покончить с противником, который усиленно наседает на 15 и 3 армии, а кроме того, в случае чего, могут послужить источником, кулаком, для удара на юг, где нибудь между Ливецем и Бугом, это в худшем случае".

18 августа в 2 часа дня главное командование высказало фронту, что: „по-моему, 4 армия находится в выгодном положении для удара во фланг петли противника (фронт 5 польской армии образовал петлю с узлом около Новогеоргиевска), почему мне тоже кажется, что Ваша директива о сосредоточении дивизий 4 армии в районе Маков, Прасныш, Цеханов не удачна, лучше продолжать тот маневр, который уже начат этими дивизиями, затем Гая уже переправился на левый берег Вислы и я не знаю, выгодно ли Вам менять его задачу".

„Дело в том", отвечал фронт, „что, если бы 15 и 3 армии справлялись бы со своей задачей, то, конечно, 4 армия, действуя под Влоцлавском на Кутно, могла бы дать известные результаты, но дело в том, что 3 и 15 армии все время теснятся противником, и Командарм 15

определенно указывает, что части начинают сдавать (курсив наш). Это обстоятельство заставляет во что бы то ни стало разбить Новогеоргиевскую группу противника тем более, что из конкорпуса 15 кавдивизия переправилась лишь частично и успеха пока не развила. Обстановка в 4 армии такова: 12 дивизия, сведения от 16 августа, занимала район Пахтария, Щука, Бржезе (в окрестностях Страсбурга), 10 кавдивизия Бобровники, 15 кавдивизия район Влоцлавска, 53 дивизия Липно—Влоцлавск, 18 дивизия фланговой бригадой заняла Гослице (10 в. с.-в. Плоцка) и двумя бригадами наступала из района Мысткова (10 в. с.-з. Плонска) на Плонск, 54 дивизия наступала на Сахоцин, Цеханов. Таким образом, для активной задачи на левый берег Вислы можно было бы направить лишь конкорпус и слабую 53 дивизию, что ничего существенного не даст. Новогеоргиевская группа, видимо, очень серьезной силы, так как даже обложенная с трех сторон девятью дивизиями, она все-таки развивает успех (курсив наш). Поэтому я и решил закрепиться заслоном где-нибудь по линии Страсбург, Влоцлавск, Гослице, а главными силами разгромить Новогеоргиевскую группу. Кроме того, при создавшейся обстановке мне, вероятно, понадобятся резервы для перегруппировки. Для разгрома Новогеоргиевской группы я вряд ли смогу создать сильный кулак для удара с севера на юг. Вот эта боязнь за разброску больших сил правого фланга и заставила меня сократить задачу 4 армии, так как она совершенно оторвалась от района главных действий".

„Вы меня не поняли", пояснило главное командование. „я говорю об использовании положения 4 армии для удара в тыл Новогеоргиевской группы и считаю, что конный корпус может ударить в тыл Варшаве, если сейчас будет иметь направление на Плоцк. То, что вы строите, я вам писал немедленно после отдачи вашей директивы о под'ем всех армий фронта на север и затем в разговоре на другой день доказывал необходимость удара с севера на к г, но это было в период борьбы на линии Буга. Вы отказались, настойчиво провели свой план, и теперь я хочу хоть какую-либо пользу выжить из этого плана и, по-моему, это можно, а именно: энергично сосредоточенными силами нанести удар на Плонск—Закрочим и Плонск-Насельск и вот, добиваюсь от вас, будет ли это выполнено или вы оставляете свое решение сосредочения дивизий в указанном вами районе".

В свою очередь фронт также раз'яснил, что: „при выполнении указанного сосредоточения дана задача ударить в тыл. Правда, я связал сроком, раз'ясню еще Командарму 4, что

задача удара в тыл, до сосредоточения ее, должна быть выполнена. 15 и 3 армии дана пока пассивная задача, так как на подход конкорпуса потребуется два-три дня, и сейчас они активно действовать не сумеют. Все дело сейчас в том, что хотя мы и победители, но сейчас значительно слабее поляков и им маневрировать легче (курсив наш), а тут еще запоздала конная армия, которую я расчитывал иметь на левом фланге главных сил. Итак, разгром Новогеоргиевской группы ставится обязательной задачей", заключал фронт.

В итоге этого дня, 18 августа, в 24 часа фронт докладывал по прямому проводу: „4 армия приступила к выполнению моей директивы. Конкорпус 18 августа по дороге занял Плоцк и теперь движется в назначенный район. Сначала Командарм 4 хотел действовать активно, но неустойка 15 и 3 армий, а также некоторые нелады вследствие этого и в 4 армии в Плонском направлении, заставили его немедленно приступить к перегруппировке, которая и производится. Я считаю, что перегруппировка эта нелегка. От 15 армии сводки нет. Из приказа 3 армии видно, что под давлением противника, форсировавшего Буг, части отходят на линию, примерно, Любель-Бранщики (в 8—10 вер. с.-в. Вышков), при чем упоминается, что левый фланг 15 армии двигается наравне, проскользнули непроверенные сведения, будто бы противник захватил Брок, но это маловероятно".

Итак, день 18 августа прошел в выяснении мотивов принятого фронтом решения, фиксированного им 17 августа.

Мы видели выше, что французский критик считает 17 августа „днем окончательной победы 5 польской армии". Из всех разговоров между Главным Командованием и фронтом 18 августа, по нашему мнению, вытекает что день 17 августа является тем поворотным днем в Варшавской операции, когда фронт, приняв новое решение разгромить Люблинскую группу противника, предписывал армиям фронта перегруппироваться для этой задачи.

На второй же день наступления Центральной группы армий бело-поляков с р. Вепрж на северо-восток, фронт вынужден был отказаться от неуклонного стремления добиться решения операции задуманным маневром „ударной таранной массы" на севере. В этот день фактически инициатива уже перешла к противнику, и мы становились в положение обороняющегося.

Смелое заключение—скажут нам и потребуют от нас доказательств. Не считаем возможным избегать давать их читателям нашего труда.

Прежде всего мы должны отметить, что день 18 августа проходит еще в переговорах Главного Командования об обстановке к северу от Новогеоргиевска в освещении, далеко уже не соответствовавшем действительности. Если читатель вспомнит, что в дни 7—10 августа фронт стремился к нанесению решительного удара по левому флангу основной группировки противника на нижней Висле и сдерживался Главным Командованием, то 18 августа уже, наоборот, последнее, желая „выжить какую-либо пользу из принятого фронтом плана, предлагало ему разгром Новогеоргиевской группы противника и даже операции на левом берегу Вислы конным корпусом, переправившимся у Влоцлавска. Ныне фронт оказывался сдержанным в своих устремлениях на запад.

Объяснение этому мы находим в том, что фронт, как ближе стоящий к армиям, скорее почувствовал понижение их боеспособности и, наоборот, повышение боевых качеств противника. Та наша ударная группа армий, которая должна была нанести бело-полякам стремительный и решительный удар, оказалась не в состоянии этого выполнить, так как: 1) „3 и 15 армии все время теснятся противником, и Командарм 15 определенно указывает, что части начинают сдавать"; 2) „Новогеоргиевская группа (противника), видимо, очень серьезной силы, так как даже обложенная с трех сторон девятью дивизиями, она все-таки развивает успех" и 3) „боязнь за разброску больших сил правого фланга и заставила меня (фронт) сократить задачу 4 армии, так как она совершенно оторвалась от района главных действий".

Что же фронт признал из того, что при отдаче директивы 10 августа для проведения Варшавской операции им, по-видимому, оценивалось иначе. Прежде всего—это фиксирование силы 5 польской армии, которая считалась им „слабой" и переход которой в наступление вызвал „чрезвычайно великую" „радость фронтового командования", по словам автора „Похода за Вислу". В действительности, 5 польская армия 16 августа усилилась лишь 1 пех. дивизией и частью конницы, т. е. не более, как 6.000 штыков и сабель, а по вышеизложенному о ее силах видно, что она и до этого была в равновесии с нашей ударной группой. Затем фронт увидел, что наши армии „определенно начинают сдавать" и что мы, „хотя и победители, но сейчас значительно слабее поляков и им маневрировать легче". Таким образом, выявляется та переоценка моральных сил армии, когда 10 августа, при отдаче директивы, таковые оценивались фронтом в пользу нашего превосходства. „Вдвое-втрое сильнейший противник не мог остановить нашего наступления" —так нам говорит автор „Похода за Вислу" о состоянии наших армий к 10 августа, а в действительности почти равные силы 5 польской ар-

мии останавливают наступление нашей ударной массы, а затем, увеличив свое превосходство на 6.000 штыков и сабель, переходят сами в решительное наступление. Наконец, фронт фиксирует свою „боязнь за разброску больших сил правого фланга“, т.-е. за ту „глубокую стратегию“, от которой предостерегало Главное Командование в разговоре 10 августа перед отдачей директивы и о чем известно уже из вышесказанного нами.

Однако, фронт не отказывается от разгрома Новогеоргиевской группы противника и это „ставится обязательной задачей“. Но последняя проводится фронтом не как решительный удар, могущий повернуть колесо военного счастья в нашу пользу во всей операции, а „так сказать, — по дороге“, как это определяет фронт. Действительно, фронт уже учитывает возможность новой операции „на худший случай“, а именно: 4 армия „в случае чего может послужить источником, кулаком, для удара на юг, где-нибудь между Ливецем и Бугом“. Идя же в район Прасныш, Цеханов, Маков — 4 армия облегчает и положение 15 и 3 армий, на которые усиленно наседает противник, при чем фронт учитывает, что: „перегруппировка эта (4 армии) не легка“.

Также правильно фронт расценивал и действия Командарма 4. „Сначала Командарм 4 хотел действовать активно, но неустойка 15 и 3 армий, а также некоторые нелады вследствие этого и в 4 армии, в Плонском направлении, заставили его немедленно приступить к перегруппировке, которая и производится“.

Должны отметить, что, хотя, по определению фронта, с Люблинского направления перешедшие в наступление силы бело-поляков и оценивались Командармом 16, как небольшие, однако, директива фронта 17 августа была не только вполне своевременна, но уже отчасти запоздала и отвечала слагающейся обстановке как на нижней Висле, так и к северу от Вепржа. Думать о каком-либо решительном ударе по тылам Новогеоргиевской группы вдоль даже правого берега Вислы с запада, при наличии заслона поляков в 12.000 штыков и сабель, было нельзя, и самое правильное решение было „так сказать, по дороге“ нанести удар в районе Цеханова силами 4 армии, пробиться на соединение с 15 и 3 армиями, а затем перегруппировываться на „худший случай“. Последний уже 18 августа выявлялся в значительной мере возможным занятием противником Брока.

„Казалось, гибель 5 армии противника являлась неминуемой и уничтожение ее повлекло бы самые решительные последствия в дальнейшем ходе всех наших операций“, пишет автор „Похода за Вислу“. „Однако, полякам повезло“.

Это „везение" автор „Похода за Вислу" об'ясняет „чудовищным по своей нелепости" положением, создавшимся, вследствие разброски сил 4 армии на участке Влоцлавек—Плоцк и выставлением „бесформенного полузаслона" в районе Рашина. Дробин, что является, по мнению автора, виной Командарма 4—этого Клука нижней Вислы.

Выше мы видели, как сам фронт указывал на необеспеченность правого фланга 4 армии и отдавал для этого из своего резерва 54 дивизию, приказывая направить ее в Данцигский коридор и как Командарм 4 не выполнил этого, а уже 15 августа повернул, наоборот, ее для удара на восток, вместе с 2 бригадами 18 дивизии для оказания содействия 15 армии еще до получения об этом директивы фронта от 16-го августа. Не снимаем с Командарма 4 всех промахов его в управлении этим наступлением на Плонск, но не можем согласиться и с доводами автора, что наша операция против 5 польской армии об'ясняется лишь этими действиями Командарма. Выше нами было очерчено состояние этой армии, далекое от „мощности", затем „бесформенный полузаслон" Командарма 4 фактически уже 15 августа выражался в 1½ стрелковых дивизий, т. е. почти в 50% его пехоты. Он был бы еще меньше, если бы Командарм 4 выполнил директиву фронта и отправил 54 дивизию в Данцигский корридор. Наконец, выше также подробно сделан разбор деятельности Командарма 4 в дни 16—20 августа, выполнение им директив фронта, и повторяться мы не будем.

Можем одно сказать, что добрым гением 5 армии бело-поляков был отнюдь не Командарм 4, а все те причины, кои побудили фронт отдать директиву 17 августа, та „глубокая стратегия". на которую у нас не было ни сил, ни времени, а равно и материальных средств связи для управления теми способами, кои нами были приняты.

В разборе плана Варшавской операции выяснено подробно, насколько мы могли расчитывать на успех на нижней Висле. Читатель помнит, что нанесение здесь нами главного удара было настолько трудно и опасно, что шансы на победу были минимальны. Они и подтвердились, а поэтому мы отнюдь не склонны приписывать успех бело-поляков их счастью, „везению", по выражению автора „Похода за Вислу". Не будем отрицать того, что счастье в военном деле играет роль, но не всегда и не такую большую, чтобы ему одному давать главное значение. Старик Суворов на этот счет говаривал: „Сегодня счастье, завтра счастье... нужно когда-нибудь и уменье".

Не можем пройти мимо, чтобы не отметить правильного учета фронтом превосходства противника над нами в оперативной свободе, в его способности к быстрому маневрирова-

нию, чего мы были лишены. 18 августа фронт признал то, о чем в 1915 году Фалькенгайн писал Гинденбургу, что: „нельзя расчитывать смертельно поразить в целом путем охвата численно превосходного противника, который, не считаясь с жертвами в людях и территории, не желает останавливаться и к тому же за собой имеет огромную Россию и хорошие пути". Бело-поляки имели за собой и достаточную для маневра территорию, и хорошие пути, не боялись жертв в людях и численно нас превосходили. К сожалению, такой учет противника фронтом был уже запоздалый и не мог поправить дела в решении всей операции.

б) Директивные указания армиям левого фланга фронта 10 августа.

Мы оставили 16 армию и Мозырскую группу, получивших директиву фронта 10 августа о наступлении на Варшаву и Ивангород, смело и решительно продвигающимися за отступающим противником.

10 августа фронт предписывал: „Командарму 16—14-го сего августа форсировать р. Вислу главными силами севернее Варшавы". „Мозырской группе 14 августа овладеть районом Козенице—Ивангород. В подчинение Командмозырской группы распоряжением Главкома передается 58 дивизия". Разграничительная линия между 3 армией и 16—Новогеоргиевск—Блоне для 3 армии включительно.

Директива 10 августа подчеркивала, что: „политическая обстановка требует немедленного разгрома живой силы противника".

В развитие этой директивы Командарм 16 отдал 11 марта со ст. Линево приказ армии, коим предписывалось 4 дивизиям (27, 2, 17 и 10) подойти к Висле на участке от Новогеоргиевска до п. Карчев и 8 дивизии от Карчева (исключит.) до Магнушева (включительно).

К югу от 16 армии наступала Мозырская группа, которая 14 августа атаковала противника с линии Желихов, Коцк, Любартов, р. Западный Буг.

Направив армии в решительное сражение на берегах Вислы, командование фронтом устремило все свои помыслы на нижнюю Вислу, зачарованное теми „магистралями", кои предстояло прервать и нанести противнику смертельный удар.

в) События на средней Висле до 18 августа.

Оставим пока наши армии и обратимся к рассмотрению событий, происходивших у бело-поляков, так как считаем, что

это поможет нам правильно ориентироваться в происшедших событиях. Пользуемся статьями Кюнстлера (Военный Зарубежник № 8—9) и Л. Ф. Варшавское сражение (Французское военное обозрение № 8 и 9).

Напомним читателю, что, согласно приказа от 6-го августа для защиты Варшавского тет-де-пона назначалась 1-я армия в составе 8, 10, 11, 15 и 19 дивизий, 7-й резервной и крепостной бригад. К 13 августа эта армия расположилась за укреплениями, поддержанная огнем 43 позиционных батарей и 3 танковых рот. В первой линии, с севера на юг, находились: 7-я резервная бригада, 11 дивизия, бригада 8-й дивизии, 15 дивизия, в резерве оставались 10 дивизия, 19 дивизия и бригада 8-й дивизии (схема № 12).

2-я армия находилась за р. Вислой в составе 4 и 2 дивизий, имея задачей оборону среднего течения Вислы.

Центральная группа армий—4 и 3 бело-польские армии под командованием Пильсудского (Штаб Н. Александрия) назначались для нанесения главного удара по левому флангу нашей 16-й армии, наступающей на Варшаву. 4-я армия в составе 14, 16 и 21 дивизий, бригады 6 дивизии и 32 пех. полка должна была сосредоточиться за р. Вепрж на участке Ивангород—Коцк. 3-я армия разделялась на две группы: активная в составе 1 и 3 пех. дивизий, 4-й кавбригады и контрруппы Яворского к 15 августа должна сосредоточиться на линии Фирлей (группа Яворского), Остров, Савин, и пассивная, в составе 7 пех. дивизии, 6 Украинской дивизии и Кубанской кавбригады, а равно и группы Гозера из этапных батальонов на линии Замостье—Холм заслоном против наших частей 12 армии.

Мы уже отмечали, что Пильсудский с полевым только штабом и представителями французской миссии прибыл в Н. Александрию, пустив все средства, вплоть до служения молебнов, для поднятия настроения бело-польских войск.

15 августа Польским командованием отдается директива о наступлении (№ 8752, III), коей ближайшей целью ставилось: „разгром 16 советской армии под Варшавой и, отрезав ей путь отхода на Брест, оттеснить ее на север через Буг".

4-я армия должна была вести наступление: 14 дивизия от Ивангорода на Гарволин, Н. Минск, 16 дивизия на Желехов, Калушин; 21-я дивизия на Коцк—Седлец, в резерве за левым флангом следовали 12 бригада 6 дивизии, 32 пех. полк. 16-го армия должна выйти на линию Гарволин—р. Быстрица и 17-го—Н. Минск—Калушин—Седлец. В 3-й армии группа Яворского и 1-я дивизия должны были вести наступление в общем направлении на Бела, являясь уступом за правым флангом 4-й армии, 3-я пех. дивизия получала направление вдоль западного берега Буга на Брест, являясь вторым уступом на

открытом правом фланге Центральной группы армий. 4-я кавбригада получала задачу связывать наступление обеих пехотных дивизий.

Таким образом, директива Польского командования от 15 августа не задается глубоким обходом левого фланга 16-й нашей армии и удар направляется на линию Н. Минск—Седлец, обеспеченный на юго-востоке наступающей ударной группой 3-й польской армии.

Действия польского командования в сражении под Варшавой можно разделить на два периода: 1) до 18-го августа—когда операции ограничиваются пространством между Вислой и Бугом и 2) после 18 августа, когда производится новая перегруппировка армий, в связи с постановкой им Командованием более широких задач в стремлении разыграть „Седан" для всех наших отступающих армий.

Как читатель помнит, 17 августа нашим фронтовым командованием также было принято новое решение, упредившее. таким образом, лишь на сутки польское командование. Поэтому мы пока и остановимся на рассмотрении действий обеих сторон до 17 августа включительно.

На Варшавский тет-де-пон устремились 4 дивизии нашей 16-й армии и 21 стр. дивизия 3 армии. На подступах к Варшаве с 13-го августа завязались упорные бои с переменным успехом. Мы не будем вдаваться в подробности происходивших здесь событий, интересующихся отсылаем к указанным нами выше статьям т.т. Какурина и Путна. Последний в своей статье указывает, что не исключена была возможность и взятия нами тет-де-пона, если бы действия наших дивизий были согласованы и направлены к единой цели. Выше нами не отрицалось, что такой „отчаянный" удар имел некоторые основания на успех.

Центр тяжести боев за Варшавский тет-де-пон сосредоточился в районе г. Радимина. Наши атаки 13 и 14 августа потребовали от поляков введения в первую линию под Радимином находившихся в резерве 19 и 10 дивизий и 7 танков, с помощью которых Радимин 15-го был снова в руках бело-поляков. До 16-го августа включительно поляки только оборонялись. „Вечер 14-го августа отмечается, как момент высшего напряжения боя", пишет французский источник и. кто знает,—может быть этот момент действительно мог повернуть события в нашу пользу.

16-го августа критические моменты для защитников Праги уже миновали—в этот день началось наступление Центральной группы армий с Вепржа. 17-го августа в 8 час. утра 15-я польская дивизия при „театральной" обстановке, по выражению француза Л. Ф., предшествуемая бронепоездом, перешла в наступление в направлении на Н. Минск, имея

в своих первых рядах Командующего фронтом Галлера, высоких военных и дипломатических представителей, союзные военные миссии и корреспондентов всех стран. Около 18 часов 16 армия заняла город, встретившись здесь с наступающей с юга 14-й бело-польской дивизией.

На этом мы обрываем описание событий, развернувшихся непосредственно под стенами Варшавы, а обращаемся на юг—к р. Вепрж. Намерения бело-польского командования нам уже известны, а потому мы переходим к анализу происходившего в это время у нас.

Левофланговая 8 дивизия 16-й армии из группы, атаковавшей Варшавский тет-де-пон, 14 августа находилась в районе к югу от Карчева. Мозырская группа, в составе 57 и 58 дивизий и Сводного отряда, 14 августа вела наступление с линии Желихов—Коцк, в районе Любартова и 58 дивизия получила задачу от Влодавы вести наступление в общем направлении на Холм.

Как командованием 16-й армии, так и Мозырской группы, повидимому, не придавалось особого значения группирующейся в Люблинском районе „новой" армии противника, хотя уже 12 августа Мозырская группа имела сведения о захваченном во Влодаве приказе по 3-й польской армии. История с этим приказом нами освещена подробно выше.

Однако, фронт уже 13 августа реагировал на этот приказ. Автор „Похода на Вислу" так освещает это: „16-я армия продолжала свои безуспешные атаки севернее Варшавы. Обстановка слагалась так, что необходимо было усилить наш левый фланг и, вместе с тем, дать возможность 16-й армии продвинуть себя на менее укрепленных противником направлениях. В связи с этим, 14 августа командованием фронтом отдается приказ о том, чтобы 16-я армия искала переправ южнее Варшавы и чтобы одну стрелковую дивизию она выделила в резерв фронта в районе Луков, к выполнению чего и было приступлено". Дата 14 августа, повидимому, явилась в указанном труде, как опечатка, так как эти мероприятия, как видно будет ниже, были предприняты фронтом позднее.

Ивангородская группа противника (4-я польская армия) не особенно тревожила наше ближайшее командование. Так Н. Какурин, говоря о начавшемся наступлении поляков против 16-й армии и Мозырской группы, указывает, что: „Этой ночью (с 16 на 17 августа) я еще не предполагал, что маневр противника будет так глубок и обширен, и цели, им поставленные, так решительны. Мне казалось первоначально, что мы имеем дело с одной лишь маневренной группой противника со стороны Ивангородского плацдарма, задавшейся ограниченной целью помешать активным действиям 16-й армии против Варшавы". Когда же противник занял 16-го

Сенница, Луков и Бела, Командарм 16 докладывал фронту, что: „пока действуют лишь небольшие силы и этот отход (16-й армии) произошел, благодаря тому, главным образом, что части Мозырской группы сильно истощены и переутомлены". „До сих пор в наступлении на Гарволин, Луков, Бела показали себя первая дивизия легионеров, части Булак-Булаховича", и „Командующий 16-й армией предполагает, что от Ивангорода действует 14-я дивизия", так сообщал фронт в разговоре в ночь на 18 августа.

„Новая" польская армия, которая сосредотачивалась в Люблинском районе, считалась фронтом восточнее. Директивой Командмозырской группы и Командарму 12 фронт 15 августа из Минска предписывал: „В районе Седлище, Красностав, Дубенки, Холм противник группирует до четырех дивизий. Приказываю разбить и уничтожить эту группу, для чего: 1) Командмозырской группы силою не менее полутора дивизий атаковать ее с севера; 2) Командарму 12 сосредоточить в районе Дубенки — Корытница и Грубешов свои главные силы, атаковать противника в общем направлении на Седлище". В тот же день фронт, докладывая Главному Командованию об этом приказе, указывал, что: „в общем, мне сдается, что Львовская операция может расстроиться и по обстановке правильнее перенести центр тяжести на Холмско-Люблинское направление".

16 августа Центральная группа армий бело-поляков начала свое наступление и в этот же день должны были начаться наши активные действия против 3-й польской армии.

„К сожалению, о польском наступлении Командование фронта узнало всего только 18 августа из разговора по прямому проводу с Командармом 16. Последний об этом узнал только 17-го. Мозырская группа совсем ничего не донесла о происшедшем",—пишет автор „Похода за Вислу".

В разговоре в первом часу ночи 15 августа, обсуждая с фронтом меры по укомплектованию слабой 12-й армии, Главное Командование отмечало, что: „Меня беспокоит левый фланг Мозырской группы и правый фланг 12-й армии, не сделал бы нам тут противник сюрприза, ведь это наше самое уязвимое место".

Но еще более „уязвимое место" было на севере — на фронте всей Мозырской группы. По свидетельству Н. Какурина, Начдив 8 в разговоре по телефону вечером 16 августа, сказав о неудачной нашей контр-атаке 16-го на Гарволин: „сообщил мне (Начдиву 10), что части Мозырской группы, повидимому, совсем рассеялись, и из его тона, как и всегда спокойного и сдержанного, я вынес впечатление, что события, предшествовавшие занятию противником м. Гарволин, были полной неожиданностью не только для 8 стр. дивизии, но,

повидимому, и для Мозырской группы". „Я осведомился только у Начлива 8, сообщена ли им вся обстановка в армию, и получил от него утвердительный ответ". Таким образом, вечером 16 августа штаб 16-й армии имел определенные сведения об атаке Ивангородской группы противника, но, повидимому, не дооценивал ее.

Вернемся к операции по разгрому 3-й польской армии, которая должна была начаться 16 августа. Для этой операции фронтом было направлено $4^1/_2$ стр. дивизии, т.-е. около 10.000 штыков и сабель против 4 польских дивизий, составлявших 20.000 штыков и сабель. Повидимому, фронт считал численность польских дивизий гораздо меньше.

Перехваченный приказ беспокоил, однако, фронт и, не надеясь на успех предпринятой 16 августа операции, не зная еще ничего о наступлении Ивангородской группы противника, фронт приказывает 16 же августа Командарму 16 его 8 стр. дивизию направить во фронтовой резерв в Луков. Во исполнение этого приказания Командармом 16 было указано 16 и 17 августа сменить части 8 дивизии 10 дивизией в окрестностях Варшавы.

Результат нашей операции против 3-й польской армии фронт в разговоре с Главным Командованием в 2 ч. 30 мин. в ночь на 18 августа фиксировал так. Указав, что под Варшавой противник отбросил 21 и 27 дивизии из Радимина за р. Сургут и что: „в остальном бои на месте", фронт докладывал: „Мозырская группа перешедшим в наступление противником оттеснена на линию, примерно, Магнушев, Ласкаржев, Желахов — Парчев — это 57-я дивизия, сводный отряд потеснен на линию верст 5 восточнее Парчева, 58-я дивизия, продолжая наступление, выдвинулась верст десять с.-восточнее Седлище. 12-я армия, заняв Грубешов, выдвинулась верст 15 северо-западнее этого пункта. По перехваченным директивам противника видно, что в Люблинском районе, между Вислой и Вепржем, сосредоточивается свежая армия для удара на север. Задача 3-й армии обеспечить это сосредоточение, выиграв время до 18 августа. Таким образом, переброска 1-й конной армии стала полной необходимостью. В район Луков подтягиваю 8 стр. дивизию. 56 дивизия (бывшая во фронтовом резерве в районе 3 нашей армии и переданная уже армии) втянулась в бой и потому запоздает с переброской... В общем считаю, что Люблинская армия может сыграть неприятную историю и возможно, если будет сильное давление, то придется растаскивать ударную группу 16 армии".

На это Главным Командованием было указано, что: „О значении Люблинского района я вам говорил еще в Минске и предостерегал затем после повышения вашего фронта на

север. Главным образом, я опасался под'ема 16 армии. Еще 11 августа я отдавал распоряжение о перегруппировке 1 конной. В силу очень неприятных событий, эта перегруппировка еще не началась и сегодня, и нет уверенности, что она начнется завтра... Советую немедленно 143 бригаду 48 дивизии из Вильны перекинуть в Брест. Что вы рассосете ударную группу 16 армии, очень доволен, так как абсолютно не сочувствую лобовому удару, который наносила эта группа".

Из приведенного разговора явствует: 1) продолжая ведение главного удара на севере, фронт, однако, сильно обеспокоен Люблинским районом и уже 16 августа стремится сосредоточить сюда резервы, намечая для них район Лукова; 2) предполагает „рассосать" активную группу 16 армии, очевидно, в этих же видах, так как о наступлении противника на Гарволин 16 августа ему еще ничего неизвестно; 3) надеется на переброску 1 конной, на что трудно было рассчитывать, и 4) Главнокомандование намечает сбором резервов Брест, т.-е. относит его более в тыл, чем фронт.

Таким образом, подготавливается у фронта принятие нового решения, которое вылилось в известную уже читателю директиву 17 августа и о чем речь будет ниже.

Однако, уже после приведенного разговора, найдя одобрение своим предположениям о коренном изменении группировки 16 армии, фронт в 3 ч. 45 м. 17 августа отдает следующее приказание Командарму 16:

„В связи с обнаруженным Варшавским тет-де-поном, представляющим значительные трудности для прорыва, приказываю действия главных сил вашей армии перенести к стороне вашего левого фланга. Одновременно окажите содействие Мозырской группе в ее наступлении на Ивангород". Неудача последней по всему фронту оценивалась, повидимому, фронтом лишь временной.

Таким образом, уже 16 августа Люблинский район довольно упорно привлекает внимание фронта, ожидающего здесь тот „худший случай", о котором фронт намекает в разговоре 18 августа.

Приведенная только что директива к утру 17 августа еще не отразилась в приказаниях 16 армии. В 6 часов утра 17 августа Командованием последней отдается следующий приказ: „Высоко-Литовск. 17/VIII 20 г, 6 ч. 00 мин. „С утра 16 августа противник перешел в наступление против Мозырской группы, ударом с р. Вепржа в северном направлении противник отбросил 57 дивизию к востоку за г. Радин, заняв Желихов, Адамов и Радин. На участке 3-й армии (нашей) в общем без перемен. Командзап приказал передать 8 стр. дивизию с полудня 18 августа в резерв фронта и сосредоточить ее в районе Лукова; связь со Штазапом держать через Штарм 16.

приказывают 1) Начдиву 8 с утра 17 августа, исполняя ранее данные указания, перейти в наступление силами не менее бригады на Гарволин от Осецка и Колбель, разбить находящегося в этом районе неприятеля, отбросив его к югу, овладеть к исходу 17 августа районом Ласкаржев, Желихов, обеспечивая этим себе выход остальными частями дивизии первоначально в район Сточек, а затем, по обстановке, и на Луков. 2) Начдиву 10—ускорить смену частей 8 дивизии, вернуть Начдиву 8 кавполк 8 дивизии".

Пока что о какой либо коренной перегруппировке 16 армия не думала, а исполняла лишь приказ фронта о направлении 8 дивизии в Луков и возлагала на нее же, попутно, оказать содействие Мозырской группе в ее наступлении на Ивангород. Как передал Начдив 8 свое впечатление в штаб 16 армии о наступлении бело-поляков 16 августа и о состоянии Мозырской группы,—остается невыясненным, но, очевидно, одно, что утром 17 августа штаб 16 армии считал положение еще не особенно угрожающим. Оно более беспокоило фронт, не терявшего еще надежды на продолжение наступления на Ивангород. Таким образом, если автор „Похода за Вислу" говорит, что фронт узнал о наступлении только 18, Комкинарм 16 только 17 августа, так как „Мозырская группа ничего не донесла о происшедшем", то мы относим это, именно, ни к факту самого наступления бело-поляков который, вечером, 16 августа был известен всем, а к размерам этого наступления и к надлежащей их оценке.

Между тем, в этот день: 1) в 3 польской армии—3 дивизия с боем заняла Влодаву; 1-я дивизия легионеров вышла в район Пышница—Рогынь; группа Яворского отбросила сильный отряд Мозырской группы от Парчева; 2) 4-я армия—21, 16 и 14-я дивизии вышли на линию р. Быстржица—Гарволин, отбросив части 57 дивизии и атаковав в Гарволине части 8 стр. дивизии.

17 августа наступление бело-поляков продолжалось: 3-я армия—6-я дивизия, отбросив 58 дивизию, двигалась из Влодавы к северу вдоль Буга на Словатичи; 4 кав. бригада после боя из Сосновца и Криво-верба вела наступление на Белу, 1-я дивизия двигалась на Межиречье; группа Яворского, атаковав у Конкловницы 170 бригаду 57 дивизии отбросила ее. 4-я армия—21 дивизия с боем заняла Луков и Селлец; 16 дивизия продолжала наступление на Калушин, а 14 дивизия к 12 часам вышла на линию Осецк—Колбель—Свидер (у Стаджев) и к вечеру совместно с 15 дивизией из Варшавы заняла Н. Минск.

15-го августа Польское Командование, видя безопасность средней Вислы, использовало 2 армию для поддержки других армий: 4-я дивизия была направлена сначала к Варшаве,

а затем в 5 польскую армию, где, как мы знаем, она пошла на усиление заслона около Плонска. 2-я дивизия вместе со штабом 2 армии были направлены на Ивангород, где должны были быть вечером 15 или, самое позднее, на рассвете 16 августа и составить резерв центральной группы армий.

Обратимся к нашим контр-мероприятиям. „Если бы мы успели, как и предполагалось, своевременно вывести во фронтовой резерв 8 стр. дивизию", пишет Н. Какурин в своей статье „На пути к Варшаве", то такое распределение сил (16 армии) со слабым центром „и сильно растянутым левым флангом не являлось бы особенно рискованным, ибо 8 стр. дивизия, активно маневрируя, воспрепятствовала бы, хоть временно, противнику использовать для себя все выгоды такого положения. Но, если бы противник упредил нас в своем маневре, или же атаковал нас до завершения сосредоточения 8 стр. дивизии в указанном районе, как это случилось, то такое положение армии грозило ей весьма тяжелыми последствиями".

Обсуждая приведенный нами выше приказ по 16 армии от 6 час. утра 17 августа, Н. Какурин говорит: „Обращаясь к расчету времени и пространства и анализируя задачу, выпадающую на 8 стр. дивизию, необходимо констатировать следующее. Дивизия должна была сосредоточиться, подтянув к себе 22 стр. бригаду. Одной стрелковой бригадой она должна была атаковать противника у Гарволина, сбить его и, преследуя, занять фронт Ласкаржев—Желихов. Для указанной цели бригада в течение дня с боем должна была проделать переход от 25 до 30 верст, считая по полету птицы, и в конце концов занять фронт в 20 верст, считая опять-таки по полету птицы. Естественно, что даже, не учитывая совсем злой и противодействующей нам воли противника, задача эта сама по себе едва ли могла быть выполнена ранее исхода 17 августа. Остальным бригадам дивизии надлежало сделать также переход около 30 верст до Сточек, при чем накануне и, примерно по моим расчетам, между 12 и 16 часами, противник, находившийся в Желихове, был от этого пункта всего верстах в 17, т.-е. вдвое почти ближе. Таким образом, при условии продолжения своего движения безостановочно, а не было основания предполагать противное, неприятель безусловно упреждал главные силы 8 стр. дивизии в Сточеке на следующий день, а, следовательно, достижение 8 стр. дивизией поставленной ей задачи на 18 августа ставилось в зависимость от исхода для 8 стр. дивизии боя, в который она неминуемо должна была ввязаться всеми своими силами 17 августа. Следовательно, высшее командование не могло уже смотреть на эту дивизию, как на маневренно свободную, как на резерв, еще не связанный волею противника и вполне готовый для проведения всех решений и планов командования в жизнь".

Однако, фронтовое командование расчитывало спокойно закончить группировку этой дивизии в Лукове к 8 часам 20 августа, как то явствует из его телеграммы Командарму 16 от 17 августа.

Мы вполне присоединяемся к расчетам Н. Какурина и дополним их своими предположениями: когда должно было последовать приказание о выводе 8 стр. дивизии в Луков, чтобы в последний она прибыла к 8 часам, но не 20-го, а 17-го августа, дабы действительно выполнить ту роль резерва, на каковую ее предназначал фронт, тем более, что ему было известно, что бело-польское наступление начнется около 18 августа.

Для передачи приказа от фронта до дивизии понадобилось фактически только 6 часов, затем дивизии предстояла смена, на что могло уйти не менее 12 часов, после чего она могла выступить в Луков, до которого было 60 верст. Следовательно, для перехода в Луков 8 стр. дивизии нужно было от $1^1/_2$ до 2 суток. Таким образом, на всю эту операцию необходимо было от 2 до 3 суток, при чем в первом случае марш, конечно, был бы форсированный.

Если желательно было иметь 8 стр. дивизию к 8 час. утра 17-го в Лукове, то приказание о ее направлении в этот район должно последовать от фронта в ночь с 14 на 15 августа, или даже в ночь с 13 на 14 августа. Фактически же оно последовало 16-го августа, хотя автор „Похода за Вислу“ приводит нам дату 14-го августа. Если это так, то, следовательно, вышло непонятное промедление в передаче приказа. В то же время мы знаем, что за дни 13—15 августа Люблинский район еще не тревожил фронт.

Представляет интерес затем выбор района Лукова для сосредоточения резерва. Из перехваченного приказа по 3-й польской армии было известно, что эта армия назначается для прикрытия сосредоточения „Новой“ армии в Люблинском районе. Силы самой 3 польской армии определялись фронтом в 4 пехотных дивизии, против которых 15 августа фронтом была решена наступательная операция. Наступлению же Люблинской армии должна была противодействовать пока одна 57 дивизия Мозырской группы. Луков по своему расположению находился перед фронтом наступления Люблинской армии противника и, таким образом, резервная 8 стрелковая дивизия должна была служить лишь поддержкой обороняющейся с фронта 57 дивизии и, повидимому, для удара во фланг отнюдь не предназначалась. Если бы таковой удар входил в расчеты фронта, то, естественно, по расчету времени на нужную перегруппировку, район для сосредоточения сил для этого удара должен быть отнесен значительно далее к востоку от Лукова на р. Западный Буг.

Не раз упоминаемый нами француз Л. Ф., говоря о том, что наступление Центральной группы армий бело-поляков, благодаря скрытности и быстроте, вылилось в „стратегическую внезапность", указывает, что она имела бóльшее значение, чем тактическая внезапность. „От армии до фронта все Советское командование было парализовано",—пишет Л. Ф.,—„мы с удивлением видим левый фланг 16 армии застывшим на Висле, на подступах к Варшаве, в дни 16 и 17 августа, в то время как против него и на его сообщениях с тылом развивалось наступление 14 польской дивизии. Что касается фронта, то его резервы были далеко на востоке от Бреста и, следовательно, не могли оказать помощь; фронт чувствовал себя обезоруженным, но не принял во-время нужных решений; когда был отдан приказ об отступлении, его армии уже потерпели поражение".

Читатель, конечно, поймет наше искреннее желание осветить эти наветы саттелита бело-поляков. Полевой штаб 16 армии находился 17 августа в Высоко-Литовске, в 120 верстах от Н.-Минска, в районе которого находились его фланговые дивизии. „Связь дивизий с командованием армии была нарушена, в силу слишком далекого расстояния полештарма от боевой армии",—пишет автор „Похода за Вислу".

„В 9 час. 30 мин. утра" (17 августа), пишет Н. Какурин, „ко мне в полевой штаб прибыл помощник начальника штаба 8 стрелковой дивизии, генерального штаба Прохоров, с запиской начальника 8 стрелковой дивизии на имя командующего 16 армией, с просьбой передать эту записку по нашему аппарату в штаб армии". Автор сожалеет о гибели оригинала этой записки, но „содержание ее в общем я хорошо помню". „В этой записке начдив 8 ставил в известность штаб армии, что его дивизия, как управляемая единица, уже исчезла и что он теперь принимает лишь меры к спасению и выводу обозов, сохранившейся артиллерии и отдельных войсковых частей, оставшихся от его дивизии и сам со штабом переезжает в Ново-Минск".

„Я тотчас же лично вызвал к аппарату начальника оперативного управления 16 армии тов. Варфоломеева, передал ему эту записку, прибавив от себя, что общая обстановка такова, что требует немедленного принятия решения и отдачи определенных приказаний".

К 14 час. 17 августа противник занял Колбель и Сенница, угрожая Н.-Минску.

„Около 14 часов я вновь",—пишет Н. Какурин,—„вызвал начальника оперативного управления 16 армии. Сообщив ему обстановку, я уведомил его, что обстановка на участке 8 стрелк. дивизии, в связи с занятием противником п. Кол-

бель, вынуждает меня самого принять те меры, которые диктуются обстановкой, не дожидаясь общего приказа".

Итак, к 14 час. 17 августа командованию 16 армии было известно: 1) разгром 8 стрелковой дивизии и 2) занятие противником р. Колбель, т.-е. угроза Ново-Минску и перерыву связи со своими левофланговыми дивизиями.

Автор „Похода за Вислу" говорит нам, что: „О польском наступлении командование фронта узнало только 18 августа из разговора по прямому проводу с командармом 16".

„Командарм 16, в своем разговоре по проводу, докладывая о сложившейся обстановке, высказал свое мнение о необходимости отойти для того, чтобы устроиться, но считал наступление бело-поляков не серьезным и предвидел возможность ликвидировать его. Однако, сопоставление разведывательных данных о противнике с тем наступлением, которое началось из-за р. Вепрж, заставило взглянуть на это обстоятельство другими глазами, и командование фронта дает немедленно приказ о резком изменении задачи армиям фронта".

Приказ, который ниже излагается автором, является директивой фронта, датированной 17 августа. В 1 час ночи на 18 августа фронт по прямому проводу уже докладывал об отдаче этой директивы. Повидимому, доклад командарма 16 был сделан фронту 17 августа, так как приказ 16 армии об отходе за р. Ливец был отдан командармом 16 в 18 часов 17 августа. Это, однако, не меняет существа дела в оценке обстановки 16 армией.

Вопреки мнению француза Л. Ф., командование фронтом отнюдь не было парализовано, а в директиве 17 августа указывало:

„На фронте 15 и 3 армий продолжаются встречные бои. На левом фланге 16 армии и на фронте Мозыргруппы противник, перейдя в наступление, занял передовыми частями Колбель, Сенница, Луков, Бела".

„Для разгрома наступающей Люблинской группы противника приказываю: 1) Задачи 4, 15 и 3 армий изложены нами выше, здесь из задач 3 армии отмечаем приказание ей: „21 стрелковую дивизию тремя переходами перебросить через Коссов в район Дрогичин во фронтовой резерв". Далее продолжаем текстуально: „4) 16 армии, отойдя за р. Ливец, вывести две дивизии в резерв за свой левый фланг; 5) Мозыргруппе выбить противника из района Бела и упорно оборонять район Янов — Бела — Словатичи; 6) 12 армии продолжать решительное наступление главными силами в направлении Холм—Любартов. 58 стрелковая дивизия возвращается в состав 12 армии. 7) 1 конной армии напрячь все силы и во что бы то ни стало сосредоточиться в назначенный срок

в районе Владимир-Волынск — Устилуг, имея в дальнейшем целью наступать в тыл ударной группе противника. 8) Разграничительные линии: между 16 армией и Мозыргруппой — ст. Жабинка, Янов, Седлец, все для Мозыргруппы включительно; между Мозыргруппой и 12 армией Ратно, Влодава, Радин — все для 12 армии включительно".

Итак, фронтом предпринималась операция „по разгрому наступающей Люблинской группы противника".

Автор „Похода за Вислу" оценивает так отдачу этой директивы: „Было очевидно, что, упустив время и возможность нанесения противнику поражения, мы сами попали в тяжелое положение и принуждены отступить. Зная характер боев и операций при наших прерывчатых разреженных фронтах, для командования фронтом не являлось секретом, что мы не удержимся и что отступление будет продолжаться, вероятно, до линии Гродно—Брест".

Из этих суждений вытекает, что фронт уже считался с фактом отступления, откидывая свой правый фланг на Гродно и рассчитывал удержать в своих руках Брест. Выше нами указывалось, что „по дороге" этот правый фланг должен был развязать себе руки предварительным разгромом Новогеоргиевской группы противника.

До разбора принятого 17 августа фронтом решения мы должны осветить его разговоры по прямому проводу с главным командованием, что сделано нами выше в отношении операций на правом фланге фронта; здесь же будем говорить лишь о „Люблинской операции".

В 1 час ночи 18 августа фронт докладывал: „16 армия и Мозырская группа. Противник, перешедший в наступление от Любартова и частью Ивангорода, сильно загнул фланг 16 армии, заняв Сенница, Луков и Бела. По докладу командарма 16 выходит, что пока действуют лишь небольшие силы, и этот отход произошел, благодаря тому, что части Мозырской группы сильно истощены и переутомлены". Сообщив сущность отданной директивы 17 августа, фронт добавлял: „143 бригада, одна батарея и кавполк 48 дивизии из Вильны перебрасываются в Брест, если только разрешите перебросить и кавполк. Только сегодня выяснили, что он застрял в Вильне"... „До сих пор в наступлении на Гарволин, Луков, Бела показали себя 1-я дивизия легионеров, части Булак-Булаховича, и командующий 16 армией предполагает, что от Ивангорода действует 14-я дивизия. Части 16 армии вполне сохранили боеспособность".

На это главное командование ответило: „Я согласен при настоящей обстановке под Люблином свернуть на Брест всю 48 дивизию, так как считаю, что мы в данный момент и при данной обстановке обязаны в кратчайший срок овладеть

Варшавой и разбить Люблинскую группу. Конной армии вы разрешили брать Львов?"

„Насчет 48 дивизии надо подумать, говорил фронт, так как голод на паровозы совершенно не дает возможности справляться с внутренними надобностями". Указав на остановку движения пополнений, санитарного движения и штабов, фронт, „однако, учитывая обстановку, 48 дивизию очень желал, и если поможете паровозами, а важность момента этого требует, то мы ее быстро перебросим".

„Я считаю", отвечало главное командование, „что обстановка безусловно требует усиления Бреста и что это возможно было сделать перегруппировкой 12 армии и конной армии, но момент пропущен и надо усилить с тыла. Я очень прошу вас самым внимательным образом следить за Люблинским направлением, имея в виду, что я на это направление готов еще дать и 55 дивизию, которая сейчас идет из Петрограда на Врангеля. Затем немедленно пополняйте 12 армию, готовя из нее ударный кулак, для этого не жалейте пополнений этой армии: прекрасные 7, 25 и 24 дивизии, если вы их пополните, а момент сейчас благоприятный, у вас образуется сразу кулак. Все это обдумайте и завтра утром дайте ответ. 48 дивизию ускоряйте погрузкой. Варшавой ликвидируйте 4—5 дней; по моему, это вам удастся. Вы не ответили о задачах конной армии".

„Конная армия", отвечал фронт, „должна итти в район Владимир-Волынский, Устилуг для дальнейшего удара в тыл Люблинской армии белых. 12 армию сейчас могу выслать 6.000 пополнения, наскребу и больше, затруднение в винтовках и обмундировании. К Люблинской операции я отношусь более, чем серьезно, так как считаю, что оптимизм Командармов этого направления неоснователен, за передовыми частями я ожидаю серьезных сил. Было первое заседание делегации—по внешнему виду заметно, что они чего-то ожидают и очень стараются установить радио".

Указав на отправление винтовок для пополнений, главное командование продолжало выяснять свой взгляд на операцию: „Я смотрю так: мы должны быть готовы к дальнейшему разгрому бело-поляков и в этом отношении должно быть полное напряжение и полная работа. 48 (дивизию) сворачивайте, завтра (вернее 18 же) дадите мне ответ относительно 55 (дивизии), если даю вам 48 и 55 дивизии, которые до зарезу нужны у Врангеля, то только потому, чтобы у нас была полная готовность ни на одну секунду не уменьшать решительности наступления на вашем фронте".

„Все ясно", отвечал фронт, „но опять повторяю, что желдороги восстанавливаются выше удовлетворительного и при достаточном количестве паровозов у нас был бы идеаль-

ный тыл. Учитывая те рессурсы, о которых я вам говорил, можно безусловно поручиться за полный разгром Пильсудского, надо справиться с транспортом. Поэтому, хотя бы только на время операции, прошу довести наши две магистрали до 10 пар, это даст полную победу. Необходимо просить Предреввсовета сделать этот нажим в течение 48 часов".

„С моей стороны сделаю все", заканчивало разговор Главное Командование.

Вслед за этим разговором произошел разговор фронта с Начоперупром Полевого Штаба, который просил также „развить ваше предположение при принятии решения отвести 16 армию за р. Ливец".

Фронт дал ответ: „за Ливец 16 армии пришлось отойти, чтобы выиграть свой левый фланг и, оторвавшись от противника, иметь возможность вывести дивизии в резерв. Мозыргруппа сильно потеряла боеспособность и 16 армии приходится позаботиться о левом фланге".

На вопрос: „не имеете ли сведений, где 8 дивизия,—может быть она ударом с севера могла бы еще немного поправить положение в Мозырской группе, а то уже очень досадно оттягивать 16 армию", фронт отвечал: „8 дивизия частями атаковала Гарволин, но по случаю смены не вполне планомерно и отошла к Н. Минску".

Среди дня 18 августа снова произошел обмен мнений Главного Командования с фронтом, главным образом, о действиях нашего правого крыла, о чем изложено уже выше. В этом же разговоре Главное Командование указало, что: „55 дивизию я уже повернул, кроме того, повернул к вам Кубанскую бригаду".

„55 дивизию просил бы повернуть на Брест", говорил фронт, „но, чтобы нам ее протолкнуть 2 эшелонами, нужно минимально прислать с ней 14 паровозов. Чтобы довести до 10 поездов на линии Орша — Барановичи, необходимо минимально 37 паровозов, на участке Полоцк — Лида не менее 30 паровозов, а считая до головных станций—это число будет еще больше". Далее фронт развивал свои соображения по разгрому Новогеоргиевской группы противника, известные читателю, при чем отмечал: „До разгрома Новогеоргиевской группы я вряд ли смогу создать сильный кулак для удара с севера на юг".

В итоге дня, в разговоре в 24 часа, на сообщение фронта, что после успехов 1 конной: „у меня создается впечатление, что Буденный занял Львов", Главнокомандование в свою очередь сообщило: „поляки по радио хвастаются, что ими занят Седлец, правда ли это? Если занят Львов, то каким порядком перемещать Буденного, пожалуй проще направлять его на Раву-Русскую, далее в северном направлении".

фронт отвечал: „Насчет Седлеца не знаю, но занятие весьма вероятно. Относительно перемещения Буденного, — видим по сводке, но переместиться с боями на столь большое расстояние довольно трудно, все зависит от степени потрепанности противника".

Итак, мы должны констатировать, что директива 17 августа была отдана фронтом после разговора с Командармом 16, который еще не придавал серьзного значения начавшемуся наступлению противника. Правда, „Мозырская группа сильно истощена и переутомлена", но „части 16 армии вполне сохранили боеспособность". Мы видели, как у фронта закрадывался червь сомнения в оптимизме Командармов Люблинского направления и „за передовыми частями" противника фронт ожидал „серьезных сил".

Во что же оценивались фронтом эти „серьезные силы"? Уже 15 августа фронт говорил о сосредоточении в районе Холма 4 дивизий 3 польской армии, затем обнаружилось наступление 14 дивизии бело-поляков и частей Булак-Булаховича. Таким образом, можно было рассчитывать на наступление от Люблина в общем направлении на Седлец не менее 3 дивизий бело-поляков с конными и партизанскими частями, т.-е. около 17.000 штыков и сабель.

О своих силах мы уже только что высказали, в каком состоянии они были представлены Командованию фронтом в докладе Командарма 16. Очевидно, до фронта еще не докатилась весть о разгроме нашей 8 стр. дивизии, хотя факт этого уже до 12 часов дня 17 августа был известен командованию 16 армии. Если части Мозырской группы утратили известную долю своей боеспособности, но не окончательно, то части 16 армии могли считаться вполне пригодными для маневра.

Эти данныя о состоянии своих войск мы должны иметь в виду при оценке принятого фронтом решения 17 августа.

Выше нами указывалось, что последнее ставило нас в положение обороняющегося. Что так случилось фактически— это мы увидим ниже. В решении же фронта, в постановке им новой задачи: „разгрома Люблинской группы противника" мы продолжаем видеть также временный переход к оборонительным действиям до окончания задуманной перегруппировки. Об отступлении еще не было речи, а все готовилось к контр-маневру, для которого спешно оттягивалась 4 армия, застрявшая на нижней Висле, долженствовавшая послужить ядром для удара с севера на юг „в худшем случае".

Таково было решение фронта в нашем понимании. Что касается главного командования, то оно также не теряло надежды на быструю ликвидацию Люблинского контр-удара бело-поляков, указывая фронту, что: „мы в данный момент и при данной обстановке обязаны в кратчайший срок овладеть

Варшавой и разбить Люблинскую группу". „Варшавой ликвидируйте 4—5 дней, по моему,—это вам удастся"—так думало главное командование. Следовательно, в обеих инстанциях Командования была еще надежда с известной перегруппировкой наших сил достигнуть успеха на подступах к Варшаве. Если не удался маневр с переходом на левый берег Вислы, то противник ныне сам вылезал на восток от Вислы, где ему можно было нанести поражение, используя последствия которого, возможно было рассчитывать ворваться в Варшаву.

Читатель видел, что в ведении мирных переговоров, происходивших в Минске, чувствовался застой, ожидание белополяков, и необходимо было дать новый толчок, чтобы заскрипели дипломатические перья.

Что же мог использовать фронт для новой операции на Люблинском направлении? Три его правофланговые армии,—наша „ударная таранная масса", оказались связанными 5 белопольской армией настолько, что командование фронтом вынуждено отдать числящуюся в его резерве 56 дивизию 3 армии в 15 армию с приказанием выдвинуться ей в район Макова. Командарму 3 приказывается выделить одну дивизию в резерв фронта (21 стрелковую). Рассчитывать на силы ударной нашей группы, пока не приходилось и поэтому, вполне понятен замысел фронта, как можно скорее разделаться с Новогеоргиевской группой противника, хотя бы, так сказать, „по дороге". Фронт уже предвидел, что на „худший случай" ему понадобятся силы 4, 15 и 3 армий для удара с севера на юг.

Таким образом, в распоряжении фронта оставались только 16 армия, Мозырская группа, 12 армия и 1 конная армия, дерущаяся еще под Львовом. 16 армия находилась под Варшавой вместе с 21 стр. дивизией 3 армии. Над ее левым флангом нависла непосредственная опасность удара и вырисовывалась необходимость с одной стороны уклонить этот фланг назад, так как парировать наступление бело-поляков контр-ударом с востока было нечем, а с другой нужно было вывести часть дивизий во вторую линию для образования резерва за левым флангом этой армии. Эти соображения, высказанные Командармом 16. утвердили фронт в решении отвести 16 армию за р. Ливец (на 45 верст от Варшавы), причем армия должна была „вывести две дивизии в резерв за свой левый фланг", который по новой разграничительной линии фиксировался к северу от линии Седлец—Янов. Как известно, 21 стр. дивизия, 3 переходами через Коссов должна прибыть к Дрогичину, т.-е., пройдя в 3 дня более 80 верст, к утру 21 августа должна была находиться в указанном ей месте. Что касается двух дивизий 16 армии, каковые обязаны были в качестве резерва прибыть в район, примерно,

к югу от Дрогичина, то им предстояло сделать точно так же около 80 верст, т.-е. ранее, чем через два дня, на их подход рассчитывать было нельзя. Эти подсчеты, без учета воли противника, приводят нас к выводу, что 3 дивизии, собираемые в районе Дрогичина, могли быть там 20—21 августа.

Между тем, уже 17 августа противником была занята Бела, в 20 верстах южнее намеченного района сосредоточения и к 20 августа противник, без сомнения, упреждал нас в сосредоточении резервов на Буге. Иными словами, подходившим резервным дивизиям приходилось с боем брать район Дрогичина. Фронт решает, однако, парировать это контр-маневром и приказывает 57 стр. дивизии, „сильно истощенной и переутомленной Мозырской группы" „выбить противника из района Бела и упорно оборонять район Янов—Бела—Словатичи". Такое решение показывает или на недооценку сил противника, наступающих от Люблина, хотя фронт и видел за передовыми частями „серьезные силы" бело-поляков, или же расчет на то, что силы 57 дивизии еще не настолько исчерпаны, чтобы отказывать в возможности производства контр-удара, или наконец, предположение, что главная масса Люблинской армии противника будет действовать на север против левого фланга 16 армии, а к стороне Буга выставить лишь слабый заслон. Последнее предположение соответствует всего более намерениям фронтового Командования, да и отвечало действительности—только заслон у Белы по своей силе превосходил „реальную силу" 57 стр. дивизии, главнейшей обязанностью которой к тому же являлось прикрытие нашей южной коммуникации на Брест.

По мнению фронтового командования операция бело-поляков пока не могла распространяться восточнее Буга. Если это так, то отвод частей 16 армии от Варшавы и выделение из нее резервов ставились в трудные условия, так как противник, очевидно, сильно связал бы это своими действиями.

Н. Какурин в известной уже читателю статье, разбирая положение 16 армии под Варшавой и указав на вывод 8 стр. дивизии, в результате боев 16 августа из числа маневренных единиц приходит к выводу: „Необходимо было, значит, искать других решений, которые радикально могли бы или изменить обстановку в нашу пользу, или же изменить неблагоприятное для нас стратегическое положение. Действительно, уже 16 августа противник был ближе к важному узлу железных и шоссейных дорог, г. Седлецу, лежавшему непосредственно в нашем тылу, чем мы к нему. Итак, только свободные, сильные резервы, при этом маневрирующие из глубины и, примерно, — во фланг обозначавшемуся общему фронту польского наступления, могли обеспечить для нас радикальное изменение в обстановке. Если их не

было под руками и в наличности, то следовало уже искать другого решения—исправлять свое невыгодное стратегическое положение. Таковым решением по создавшейся обстановке могло быть единственно—перемена фронта 16 армии на юго-запад, что могло быть достигнуто началом отхода ее из под Варшавы, не позднее вечера 16 августа за реку Ливец. Такое решение и было принято, но уже поздно и под давлением противника, было навязано им нам, а не добровольно принято нами и поэтому, не дало всех желательных результатов. Уклоняясь от боя 17 августа в крайне невыгодной для нас обстановке, мы, начав движение с вечера 16 августа, еще днем 17 августа могли отойти за указанный рубеж без помехи со стороны противника, ибо, как показали дальнейшие события, лишь вечером 17 августа передовые части противника вошли в г. Седлец, но при этом в распоряжении командования армией оставалась бы большей частью не введенная в бой 8 стр. и совершенно целая 10 стр. дивизия".

„Войска, втянутые в бой", продолжает Н. Какурин, „фиксируются противником в том месте, где этого хочет противник и оказываются не в состоянии выполнить в большинстве случаев приказов своего командования о новой перегруппировке, прежде, чем они фактически не выйдут из боя. Обстановка в дни 18, 19 и 20 августа на фронте 16 армии, когда мы пытались совершить наши перегруппировки и создать себе резервы последовательной рокировкой вдоль фронта и попыткой вытягивать части резервов в непосредственном соприкосновении с противником, показала нам, что эти резервы, не успев сосредоточиться, втягивались в бой в направлениях и непредвиденных, и нежелательных для высшего командования".

Говоря о результатах боя 10 стр. дивизии за 17 августа, Н. Какурин указывает: „Войска и начальники в минувший бой дали все, что могли; но перейдя известный предел упругости войск—и моральной и материальной, мы не в праве уже в дальнейшем требовать от них выполнения задач, рассчитанных на нормальные, организованные единицы... Можно было отдавать и писать директивы и приказы, но можно ли было сохранить уверенность, что они будут выполнены войсками, и можно ли было фактически требовать этого выполнения. В действительности, начиная с 18, а особенно с 19 августа, наше маневрирование против продолжающего наступать противника все более принимает форму маневрирования штабов, обозов, артиллерии, а не целых организованных единиц".

Правда, за такое маневрирование организованных единиц Н. Какурин получил не так давно упрек от А. Свечина в его „Безмолвном фронте", но факт остается фактом—войска

6 армии устали, утомились не менее Мозырской группы и заявление Командарма 16 о боеспособности частей было оптимистично. Быстро оторваться от наседающего противника дивизии 16 армии уже не могли и рокировка их к левому флангу не обещала успеха. Но об этом фронт не знал.

Пока должна была совершаться перегруппировка 16 армии, на юге фронт предписывал: „12 армии продолжать решительное наступление главными силами в направлении Холм—Люблин, 1 конной армии напрячь все силы и во что бы то ни стало сосредоточиться в назначенный срок в районе Владимир-Волынский, Устилуг, имея в дальнейшем наступать в тыл ударной группе противника".

С этого тыла мы и начнем. С отводом 16 армии за р. Лисвец, противник перед Варшавой выигрывал плацдарм в 45 верст вдоль всего среднего течения Вислы. Мы уже не раз указывали на возможность перенесения бело-поляками базирования на Варшаву. Однако, слагающаяся обстановка даже не потребовала от них этого, и они продолжали иметь свои сообщения на Ивангород. „Для обеспечения фланга к северу от Бреста, по мере продвижения правофланговой колонны (1 дивизия легионеров), обеспеченной на марше 1 кавбригадой, сил не было", пишет Кюнстлер. „Напрашивался вопрос—перенести ли базу на запад (Варшава), или пренебречь временным открытием фланга и тылов. Перебросна базы в Варшаву привела бы к потере времени и была бы затруднительна, в виду недостатка перевозочных средств. Железная дорога ходила только до Плятерово, грузовых автомобилей не хватало, а мосты на Буге были уничтожены. Риск оставить временно открытым фланг не был особенно большим, в виду того, что тылы большевиков были совершенно пусты, а слабые силы прорвавшихся на восток были сильно измучены, дезорганизованы и деморализованы, чтобы могли найти в себе силы для удара, переброска новых сил из глубины края требовала времени—все это давало нам возможность оттеснения и уничтожения большевиков, которые уходили на восток".

Так обстояло дело с вынесением фланга к востоку от Буга, а что касается к западу от него, то безусловно поляки могли, в случае угрозы, перенести сообщения от Ивангорода на Варшаву. При таких условиях, утверждаем, что наш удар в Люблинском районе с юго-востока: 1) не был уже так чувствителен для бело-поляков и 2) последние в нем уже образовывали фронт переброской туда двух дивизий пехоты на усиление оставленного здесь ранее заслона.

Обратимся к 12 армии, на которую устремлялись взоры как фронта, так и Главного Командования. Армия главными силами 16-го выдвинулась немного от Грубешова, скованная

на севере противником. Для того, чтобы достигнуть Любартова и надавить на тыл противника, как думал фронт, ей необходимо было пройти с боями около 80 верст. Считая даже по 20 верст в сутки марш 12 армии, можно было ожидать ее появления в районе Любартова не ранее 22 августа, при чем предупреждаем в оптимистичности такого расчета. Для выполнения его 12 армия должна быть достаточно мощной и сильной. Фактически же уже в ночь на 15 августа Главное Командование указывало: „необходима самая спешная отправка пополнений в 12 армию, которая очень малочисленна" и затем на протяжении дальнейших дней Главное Командование и фронт заняты укомплектованием этой армии.

Таким образом, ожидать „решительного наступления" от 12 армии не приходилось.

Что касается 1 конной армии, то директивой фронта от 15 августа ей предписывалось в 4 перехода, т.-е. к 20 августа быть в районе Владимир-Волынский—Устилуг, а директивой 17 августа подтверждалось это, при чем было известно, что 1 конная армия, попрежнему, дерется под Львовом, но требовалось к 20 августа все же быть на месте. Для выполнения директивы 17-го 1 конной армии предстояло, выйдя из боя, совершить марш в 80 верст в два дня—это при быстром получении директивы и молниеносном выходе из боя. Если же на это положить один день, то для нашей конницы предстояло в один переход пройти 80 верст, чтобы оказаться к назначенному сроку в районе Владимир-Волынска. Положим, что армия прибыла во-время и затем перед ней вставал поход в 120 верст до Люблина, на что понадобилось бы не менее 4-х дней с боями.

Было ясно, что задача, поставленная директивой 17 августа 1 конной армии, была для нее невыполнима, что 18 признал и сам фронт, говоря, что „переместиться с боями на столь большое расстояние довольно трудно, все зависит от степени потрепанности противника", подразумевая под этим овладение нами Львовом. А так как таковой оставался в руках противника, о „потрепанности" которого говорить пока не приходилось, то, следовательно, расчеты на 1 конную армию в операции разгрома Люблинской группы бело-поляков отпадали.

Так на это и смотрело Главное Командование, выдвигая 18 августа необходимость усиления Бреста, не за счет перегруппировки 12 и конной армий, так как для этого „момент пропущен".

Таким образом, подробный разбор директивы фронта от 17 августа в отношении Люблинской операции приводит нас к выводу, что таковая имела очень и очень мало предпосылок на успех. Нужно было сначала разделаться на севере

с Новогеоргиевской группой противника, пополнить 12 армию, подтянуть 1 конную, а пока вырисовывалась необходимость удержания за нами Бреста, прикрытого лишь 1½ дивизиями Мозырской группы, и в районе этой бывшей крепости создать кулак для маневра к северу от нее.

В ночь с 16 на 17 августа при первом известии о переходе бело-поляков в наступление против Мозырской группы Брест уже выявляется Главнокомандованием, указывающим фронту на направление туда бригады пехоты. В дальнейшем, как читатель знает, все, что было нужно „до зареза" на Врангелевском фронте (48, 55 стр. дивизии, Кубанская кавбригада)—все направляется им на Брест. Этот пункт должен был быть усилен „с тыла", дабы послужить исходным пунктом для атаки противника, наступающего от Буга к северу от крепости на восток. Волей-неволей наша коммуникация переносилась на юг. Несколько дней спустя, 23 августа, в бытность Главного Командования в Минске, идея удара от Бреста выливается им в директиву следующего содержания: „Противник, нанеся нам тяжелый фланговый удар, сейчас сам втягивается в рискованную для себя операцию, при чем уже теперь этот риск для противника увеличивается с каждым его шагом вперед. Это обстоятельство дает нам полную возможность сравнительно малыми силами без труда вырвать у противника инициативу действий, временно нами утраченную. Первые в этом отношении начинания могут и должны быть произведены со стороны Мозырской группы, которая должна выдвинуть свои щупальцы в Седлецкий район и выяснить, насколько он занят противником. Эта задача требует, чтобы войска Мозырской группы ни в коем случае не потеряли занимаемого ими района. В отношении усиления Мозырской группы, кроме мер, принимаемых мною, должны быть приняты меры и фронтом. Одновременно с этим должна быть создана активная завеса на фронте Волковыск—Кобрин, которая должна получить задачу прощупать серьезные силы противника на своем фронте и отбросить все мелкие части противника на запад. В этой задаче должны особенно себя показать бронепоезда со своими десантами и бронепоездами".

Группировка у Бреста, за недостатком паровозов, не могла быть быстро создана и являлась только страховкой на случай развития операций бело-поляков к востоку от Буга в его нижнем течении. Так, 142 головная бригада была высажена в Кобрине и только 27 августа могла начать наступление.

С одной стороны слабая работа железных дорог в тылу, а с другой отсутствие вообще резервов в виде целых войсковых единиц затрудняли создание такого маневра из глубины, во фланг наступающему противнику, про желательность которого писал Н. Какурин. Рассчитывая удержать в своих руках

Брест, главнокомандование полагало собрать здесь группу в $3^1/_2$ пехотных дивизии и 2 кавбригады, каковая и могла быть сочтена с намечаемым фронтом ударом с севера из его 4, 15 и 3 армий. Весь вопрос заключался в том: двинется ли противник на восток от Буга или нет, дав нам время на наши перегруппировки.

Чтобы закончить события до 18 августа, нам приходится остановиться на том медленном уяснении обстановки у нашего командования, в то время, как таковая на фронте протекала с большей быстротой. Об'ясняем это, единственно отдаленным расположением наших командных инстанций от линии фронта при плохой к тому же технической связи. Читатель сам мог проследить, что происходило на фронте и как события на нем расценивались нашим командованием. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

г) События на средней Висле после 18 августа.

Оставим пока наши армии и обратимся к противной стороне, перешедшей от обороны к наступлению, первоначальный успешный ход которого поднял дух армии бело-поляков, вселяя в нее с каждым шагом вперед уверенность в успехе.

К вечеру 17 августа фронт Центральной группы армий бело-поляков шел от Буга, южнее Словатичи, на Бялу, Межиречье, Седлец и Н. Минск.

18 августа: 3 армия—3 дивизия заняла Словатичи, 4 кавбригада подошла к Бяле, занятой накануне частями 1 дивизии, конница Яворского через Лосица дошла до Дрогичина и совместно с подошедшей 1 дивизией заняла этот пункт. 4 армия: 21 пех. дивизия заняла Мокободы, 16 дивизия достигла Калушина и 14 дивизия заняла Станиславов. 1 армия вышла на линию ст. Тлущ.

Отход 16 армии, в связи с перехваченным ее приказом об отходе за р. Ливец и Буг, вызвал постановку новых задач польским армиям и соответствующую перегруппировку в них дивизий.

Приказами № 8875/III и 8885/III от 18 августа польским армиям указывалось:

1. Под ударами с юга противник начал отход на фронте 1 армии и, судя по перехваченному приказу, предполагает организовать оборону за р.р. Ливец и Буг.

2. Дальнейшей задачей польским армиям ставится наступление с целью отрезать пути отхода противника на Брест, Белосток и Оссовец и прижать его к прусской границе.

3. Для выполнения этой операции армии перегруппировываются:

А. Центральная группа армий (3, 2 и 4 армии) под личным руководством Пильсудского со штабом группы в Седлеце.

а) 3 армия, в составе 2 и 17, 7, 6 Украинск. пех. дивизий, Кубанской кавбригады и группы Козера, получала задачу прикрытия Люблинской и Холмской областей, а равно указывалось ей же развить активные действия против нашей 12 армии. 2 дивизия прибывала из 2 армии, 17 дивизия перебрасывалась в Люблин из 1 армии, из-под Варшавы. По прибытии в Люблин обе дивизии получили направление: 17 дивизия на Влодаву, а 2 на Красностав—навстречу нашей 1 конной армии.

б) 2 армия, в составе 1 и 3 пех. дивизий (3 арм.), 21 пех. дивизии (4 арм.), 19 пех. дивизии (1 арм.) и 41 отд. пех. п. (5 арм.), 4 кавбригады и кон. группы Яворского (3 арм.), получала задачу преследования в общем направлении Межиречье—Белосток, занятия Брест-Литовска, Белостока и направлении 19 пех. дивизии и 41 полка в район Августово—Волковыск.

в) 4 армия, в составе 14, 15 (из 1 арм.) и 16 пех. дивизий, 12 бригады 6 дивизии и 32 пех. полка и 15 уланского полка, должна была преследовать противника в направлении Калушин—Мазовецк, форсировать Буг на участке Брок (вкл.)—Гранное (искл.), занять Мазовецк и прижать противника к германской границе, охватывая его своим правым флангом.

Б. Северный фронт (1 и 5 армии) под командованием Галлера.

а) 1 армия, в составе 8, 10 и 11 пех. дивизий и 7 рез. бригады, должна была вести преследование в общем направлении Варшава—Вышков—Остров—Ломжа, выкинув конницу на левый фланг для закрытия промежутка между р. Нарев и прусской границей.

б) 5 армия, в прежнем составе, получала задачу ликвидации нашей 4 армии, ведя наступление в общем направлении Прасныш—Млава.

В. Разграничительные линии определялись: а) между 3 и 12 армиями—Радин, Вышница, Словатичи, Мокраны (включ. для 2 армии); б) между 2 и 4 армиями—Седлец, Соколов, Гранное (на Буге), Брянск, Лапы (включ. для 2 армии; в) между 4 армией и 1 армией—Н.-Минек, Брок, Замбров (вкл. для 4 армии); г) между 1 и 5 армиями, повидимому, р. Нарев.

Вглядываясь в эту новую группировку бело-поляков, мы видим, что задумывая „Седан" польское командование для его осуществления бросало три армии (4, 1 и 5) или $13^{1}/_{4}$ пехотных и 1 кавалерийскую дивизию. Для обеспечения правого фланга и тыла направляющихся на север армий выделялась 2 армия в составе $4^{1}/_{4}$ пех. дивизий и 2 кав. бригад, и, наконец, для действий в Люблинском районе оставшаяся здесь 3 польская армия усилялась двумя дивизиями пехоты, получая отныне активную задачу против наших 12 и 1 кон-

ной армий. Направление 19 пехотной дивизии и 41 полка в район Августово—Волковыск мы об'ясняем желанием использовать эти части, в большинстве состоящие из уроженцев Литвы и Белоруссии, в привычном им районе действий.

Нельзя не отметить, что силы 2 польской армии были слабы для выполнения задачи по обеспечению правого фланга и тыла нового фронта, но, как мы видели выше, польское командование не считалось с возможностью серьезного удара с нашей стороны с востока. Все помыслы польского командования устремлялись к германской границе, в быстром достижении которой скрывалась решительность успеха задуманной операции.

Польское наступление развивалось так:

19 августа: 2 армия—3 дивизия после упорного боя заняла Брест, 1 дивизия заняла Дрогичин и Мельник, 4 кав. бригада—Янов, 21 дивизия заняла с боем Соколов и выдвинула передовые части к Бугу у Гранное.

4 армия—16 дивизия заняла район Венгрова—Вортнова, 15 уланский полк—Коссов, 15 дивизия—Брок, 14 дивизия и 32 полк оказались в резерве, продвигаясь за правым флангом армии.

1 армия частью сил переправлялась через Ливец, а другой частью сил переправилась через Буг у Браньщиков и двигалась в северо-восточном направлении.

В 5 армии части 18 дивизии заняли Цеханов.

„Согласование действий наших войск было очень затруднено, в виду отсутствия связи, вызванного быстротой движения наших отрядов, а также в виду того, что главное направление проволочной связи проходит с востока на запад, а движение наших войск шло поперек этих линий связи, а в конце концов, и тем, что противник, отходя, портил проволочную сеть", говорит Кюнстлер. „Автомобили и мотоциклеты были единственным средством для рассылки приказов и донесений. Ограниченное количество этих средств при войсках было причиной редких сообщений между войсками и командованием. Летчики, как всегда, выполняют важнейшую роль разведки, добывая очень ценные, частью единственные сведения о движении противника, в большей части эти сведения служат единственным основанием для принятия решений".

Француз Л. Ф., говоря о „поразительной быстроте" наступления бело-поляков, в среднем дивизии проходили около 35 клм. в день, указывает, что: „Воздушный флот с трудом поспевал за армиями, так как не успевали разбиваться аэродромы. Интендантская служба отказала в работе, и так как поляки проходили, во время преследования, по опустошенному району, можно себе представить то терпение, какое проявили части".

Управление находилось в тяжелой обстановке. В 4 армии штаб оставался почти, а за командующим армией непосредственно следовали на легковом автомобиле лишь начальник штаба с небольшой группой офицеров, имея за собой легкую повозку с телеграфным имуществом. В виду того, что необходимо было время для установления проволочной связи и в виду отсутствия в то время в армии еще радио-телеграфной связи, управление вынуждено было поддерживать связь только через штабных офицеров на автомобилях, повозках или верхом".

20 августа наступление несколько изменилось:

2 армия—3 дивизия в Бресте, 1 дивизия достигла Бельска, 21 пехотная дивизия—Брянска, 4 кав. бригада заняла Высоко-Литовск и продолжала движение на Милейчицы.

4 армии—заняла район м. Цехановец—Нур и далее по левому берегу р. Зап. Буг.

1 армия, не доходя до Острова, передав 8 дивизию в 4 армию, получила направление на Остроленку.

5 армия продолжала вести бои с прорывающимися частями нашей 4 армии, стараясь выдвинуть правый фланг на Красныш.

21 августа:

2 армии—3 дивизия произвела разведку от Бреста на Кобрин, 1 дивизия на марше из Бельска на Белосток, переправившись через Нарев остановилась, выжидая выдвижения 21 пехотной дивизии. Последняя замедлила свое движение на шоссе Мазовецк—Бельск у Брянска, выжидая результата боев на фронте 4 армии, где наши 15 и 3 армии атаковали левый фланг ее. 19 пех. дивизия высадилась в Плятерово и двинулась одной бригадой на Семятичи, а другой—на Бельск.

4 армия—16 дивизия заняла Мазовецк, 15 дивизия, выслав одну бригаду на Остров, другой завязала упорный бой в районе Замбров и Сиялово, 8 дивизия в движении на Остроленку, 14 дивизии в районе Чижова, 12 пех. бригада в резерве в Острове и 32 полк в Малкине.

1 армия заняла переправы через Оржиц у Шелькова и Макова и продолжала наступление на Рожаны и Красносельцы:

5 армия вела бои в районе Млавы.

22 августа:

2 армия—3 дивизия в Бресте, 4 кавбригада после занятия Заблудово утром совместно с частями 1 дивизии овладела Белостоком, 21 пех. дивизия заняла Сураж, 19 дивизия побригадно в Семятичи и Бельске.

4 армия—15 дивизия заняла Ломжу, 23 выдвинулась в район Кольно, заперев окончательно путь отступления нашей 4 армии, 14 дивизия 22 сосредоточилась в районе Замбров, а 23 заняла Ломжу и Новогрод. 16 дивизия 23-го перешла в район Менжинина, 8-я дивизия 22-го заняла Остроленку.

24 августа были заняты 2 армией Оссовец и Граево.

Возвращаемся к нашим армиям, оказавшимся в положении отбивающих удары бело-польских войск.

На правом фланге фронта, как читатель помнит, 4 армия 18 августа лишь собирала силы для удара на Плонск. „15 армия попрежнему теснима, ее правый фланг несколько южнее Цеханова, а левый фланг отошел за Нарев севернее Пултуска 3 армия за Наревом и Бугом, противник пытается форсировать Буг в районе Вышков и Командарм 3 опасается, что не сможет ликвидировать попытки, тем более, что 16 армия может оказать поддержку лишь незначительными силами и то, если на нее не наседают на правом фланге. 16 армия совершает свой отход. От Мозырской группы лишь отрывочные сведения, что противник от Бела повел наступление в направлении на Брест. 12 армия—58 дивизия отошла за Буг и где-то противник, кажется, его форсировал. 25 и 7 дивизии отошли за Буг и лишь в направлении Грубешов—Холм наши части сохранили положение. От Конной армии ничего нового".

Так обрисовывал фронт обстановку за 18 августа в разговоре с Главным Командованием в ночь с 18 на 19 августа и дал общую оценку ее.

„Обстановка тяжелая", говорит фронт, „которая требует прежде всего сильных резервов для их (армий) пополнения и оздоровления. Это требует хладнокровного отношения к территории, хотя и неприятно при переговорах. Вот мое мнение: части износились, а противник, пополнившись, значительно превосходит нас в числе—по данным разведки, в два раза, хотя она всегда преувеличивает".

Главное Командование запрашивало: „Будет ли держаться прочная связь с 4 армией, стягивает ли Командарм свои дивизии, как бы не вышло у него крупной неприятности в смысле отрезания всех его хвостов"... „Относительно необходимости выдержки при вашей обстановке—это-то я знаю, но также необходима и новая перегруппировка, которая вами и намечена в районе 12 и 1 конной армий, но которая нам не удается,—вот это обстоятельство меня сильно беспокоит".

Указав на принимаемые меры по обеспечению связи с 4 армией, фронт отвечал: „Конной армии опять послал раз'ясняющую и твердую директиву. Сейчас, вообще, озабочен вопросами пополнения, особенно приходится подталкивать дело для 12 армии".

В тот же день 18 августа армиям правого фланга фронт снова подтверждает их прежнюю задачу „разгромить Новогеоргиевскую группу противника".

Однако, события за 18 августа нарастали и нарастали, и к вечеру этого дня, как мы видели, фронт дает правильную оценку слагающейся обстановки. К сожалению, разведка ока-

...лась правее, и противник превосходил нас в силах именно ...два раза. Это превосходство дает ему возможность наступать по всем направлениям. Даже в Люблинском районе, где еще теплилась у нас надежда нанести удар,—противник отбрасывает части 12 армии за Буг—17 пехотная дивизия белополяков вступила в дело, а 2 еще находилась на марше к Красноставу.

В центре нашего расположения 16 армия отбрасывается противником на северо-восток, а Мозырская группа отходит за Брест, который к вечеру также занимается противником. Фронт наш оказывается разорванным на две части. Подвозимые с тыла резервы медленно продвигаются к пунктам назначения.

Мы не раз опирались на слова Фалькенгайна, что трудно разбить противника, превосходного в силах и который не потерял оперативной свободы, имея за собой хорошую сеть железных дорог. Читатель довольно подробно знаком с состоянием нашего железнодорожного транспорта в тылу, оказавшегося не в состоянии дать нужную провозоспособность за паровозным голодом. Командование фронтом было право, когда заявляло, что победа зависит от подачи паровозов. На противной стороне мы усматриваем, именно, это быстрое маневрирование войск по железнодорожным путям, переброску дивизий в желаемом командованию направлении, чего нам ни разу у нас не было. „Стратегическая внезапность" наступления бело-поляков оказала свое действие и не позволила произвести нашим войскам порчу железных дорог, оставляя их пригодными для эксплоатации противника. 19 дивизия бело-поляков высаживается на ст. Плятерово—непосредственно около Буга, в районе, который занимался нами с 7 по 18 августа. Людендорф, отступая в октябре 14-го года от Варшавы, но только на запад, необходимым условием успеха этого отхода, поставил задачей возможно большую порчу железных дорог, чтобы задержать наше наступление и тем выиграть время для перегруппировки к Лодзинской операции. Как известно, расчеты его оказались правильными. Не будем отрицать того, что у нас могло не хватить тех средств, какие нужны были для порчи дорог, но и немцы не все время применяли лишь взрывчатые вещества, а обычное средство—огонь оказывал им хорошую услугу. Были бы спички да солома, а „опустошить" район всегда возможно.

За 19 и 20 августа положение правофланговых армий фронта, а также и 16 армии значительно ухудшилось: противник все время теснил их к северо-востоку. Обстановка складывалась так, что необходимо было возможно скорее вытянуть армии из болотисто-лестистого мешка к югу от прусской границы.

20 августа фронтом отдаются еще две директивы следующего содержания.

Первая говорит: „Противник продолжает теснить 15 и 3 армии. Его налетом захвачен Брок. Мозырская группа оттеснена на правый берег Буга. Приказываю: 1) Командарму 4 не позже утра двадцать третьего августа сосредоточить три стрелковых дивизии и 3-й конкорпус в районе Ломжа, прикрывая их марш одной стрелковой дивизией. 2) Командарму 15 упорно обороняться, во что бы то ни стало обеспечить маршманевр 4 армии, оказать содействия 3 армии. 3) Третьей армии выбить противника из района Брок и упорно оборонять линию Любель—Браньщиков—Брок—Малкин. 4) 16 армии оказать поддержку левому флангу 3 армии и, упорно обороняясь, подготовить сильный удар противнику, наступающему на Брест-Литовск. 5) Мозырской группе упорно оборонять течение р. Буг. 6) 12 и 1 конной армиям задачи прежние. 7) Моему резерву: 21 стр. дивизии задача прежняя, 48 и 55 стр. дивизиям сосредоточиться в районе Пружан. 8) Разграничительные линии прежние".

Однако, этим предположениям уже не суждено было выливаться в жизнь на правом фланге армий фронта, а потому следует вторая директива:

„Части 16 армии оттеснены на правый берег р. Нурец. Приказываю: продолжать намеченный отход, при чем: 1) Командарму 4 довести переходы до максимальной быстроты для вывода армии в район Ломжа, 164 бригаду передать в подчинение командарма 3; 2) Командарму 15, обороняясь, прикрывать отход 4 армии, а с достижением последней района Прасныш—Остроленка, также начать планомерный отход, обеспечивая левый фланг 4 армии; 3) Командармам 3 и 16 упорно оборонять район Любель, Брок, Нур, р. Нурец, Каменец-Литовск до сосредоточения 4 и 15 армий на меридиане Остроленка. 4) В случае перерыва связи полештармов со мной командарму 15 об'единять под своим руководством действия 4, 15 и 3 армий с целью их отвода за линию Кольно и верхнее течение р. Нарев до устья Бобра".

„Но эта задача остается невыполнимой",—пишет автор „Похода за Вислу",—„3 и 15 армии в неравных боях, с самом невыгодном для себя положении, теряют значительную долю своих сил и 4 армии спасти уже не в состоянии. Большую часть ее противник прижимает к восточно-прусской границе и заставляет перейти на германскую территорию".

„Так кончается эта блестящая наша операция",—продолжает автор,—„которая заставляла дрожать весь европейский капитал и которая своим финалом позволила ему, наконец, свободно вздохнуть".

„Поляки, пустив в свою контр-операцию весь остаток своей энергии, выдохлись и не могли развить достигнутых ими успехов. Наши части в самом жалком виде подтягивались на линию Гродно-Волковыск и отсюда распределялись по своим армиям. Снова закипела работа. Пополнения были влиты в оставшиеся кадры и через каких-нибудь 2—3 недели силы фронта были снова восстановлены. Однако, восстановление это было условное. Прибывшее пополнение было не обмундировано, не обуто, а на дворе стояла осень".

Мы с достаточной полнотой освещали операцию и здесь повторяться не будем. Операция, которая была ведена на риск, строилась в значительной мере на нашем моральном превосходстве в решительные дни боев на Висле, закончилась нашим отходом. Утомленные и усталые армии фронта пришли в „самый жалкий вид", как говорит автор „Поход на Вислу". „Блестящая отвага и высокая предприимчивость часто заносят за цель",—говорит Клаузевиц,—„и таким образом не достигают желанного. Только тот попадает метко, кто малыми средствами сумеет вершить великое". Занесенные за цель, мы вызвали „напряжение сил не только бесполезное, не вознаграждаемое никаким успехом, но и пагубное". „Оно", продолжает философ войны, „может повести к реакции, а такие реакции, как доказано многочисленными опытами, всегда ведут к неблагоприятным последствиям. Это последнее явление до того обще и так естественно, что нет надобности указывать причин подробно".

„Жалкий вид" подтягивающихся наших армий на линию Гродно-Волковыск есть естественная реакция того беспримерного напряжения сил, какое ими было проявлено в 5-недельном походе к берегам Вислы. Армии выполнили все, что только было в силах, а что требовалось сверх их, то за это ответственны уже не они.

Также вызывают некоторые сомнения суждения автора о состоянии бело-польской армии в результате ее контр-наступления. Не будем оспаривать, что польскому командованию не удалось разыграть второй Седан в тех же размерах, как он был разыгран в 1870 году на полях Франции. Однако, все же успех имел свое значение на чашке весов и, как известно, бело-польской армии хватило энергии для розыгрыша снова с успехом для себя второй, так называемой Гродненской, операции.

Автор „Похода за Вислу" кратко нам говорит о последней, а именно: „о наступлении (нашем) можно было говорить только по получении обмундирования. А без наступления нельзя было говорить о боеспособности войск. Если же противник перешел в наступление ранее нас, то никакого не могло оставаться сомнения в том, что мы были бы разбиты.

Все же войска были настроены твердо. Проигранная операция толкала их на желание нового наступления. Мы имели все шансы на то, чтобы снова повернуть счастье в свою сторону. Весь вопрос был только в том, кто раньше подготовится и кто раньше перейдет в наступление. К сожалению, хозяйственное положение Республики не позволило нам осуществить нашей задачи. Поляки перешли в наступление первые и наше отступление стало неизбежным".

Можем свидетельствовать, что в дни нашего отхода вырисовывался даже срок начала второго польского наступления. Было ясно, что бело-полякам нужно перевернуть свой фронт с севера на восток. на что могло понадобиться до трех недель. Так оно и случилось. Через три недели поляки с новой группировкой перешли в наступление на восток, встретив наши наступающие части, но с незаконченной еще группировкой.

Что касается позднего выдвижения 1 конной армии в рейд на Замостье, то в этом мы вполне солидаризируемся с автором „Похода за Вислу" и выше подробно исследовали те сроки, которые могли считаться исходными для участия нашей конницы в общей операции на берегах Вислы. Рейд конной армии на Замостье встречал уже построенный фронт 3-й польской армии и, будучи сам по себе частной операцией, не мог отвлечь сил с того участка нашего фронта, где решалась судьба второго сражения после Варшавской операции.

На этом мы опускаем занавес. По мере сил мы старались разобраться в тех бывших действиях, кои прошли во время „Похода за Вислу"; удачно это выполнено нами или нет. судить, конечно, не нам.

VI.

ИТОГИ.

В своей речи на X Съезде РКП в марта 1921 года В. И. Ленин, говоря об ошибках в учете, подтвердил это следующим примером: „При нашем наступлении в польскую войну слишком быстрым продвижением почти до Варшавы несомненно была сделана ошибка; я сейчас не буду разбирать, была ли это ошибка стратегическая, или политическая, ибо это завело бы меня слишком далеко. Я думаю, что это должно составлять дело будущих историков, а тем людям, которым приходится в трудной борьбе продолжать отбиваться от всех врагов, не до того, чтобы заниматься историческими изысканиями. Но во всяком случае ошибка на лицо, и эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами".

Автор „Похода за Вислу", кончая свой труд, пришел к заключению, что „основной вывод из нашей кампании 20 года необходимо сделать тот, что ее проиграла не политика, а стратегия".

В подтверждение этого им приводятся следующие доводы: „Политика поставила Красной Армии трудную, рискованную и смелую задачу. Но разве может это означать неправильность. Не было ни одного великого дела, которое не было бы смелым и не было решительным".

„Красный фронт имел возможность выполнить поставленную ему задачу, но он ее не выполнил", говорит автор „Похода за Вислу".

„Основными причинами гибели операции", по его мнению, „можно признать недостаточно серьезное отношение к вопросам подготовки управления войсками. Технические средства имелись в недостаточном количестве, в значительной степени благодаря тому, что им не было уделено должного внимания. Далее, неподготовленность некоторых наших высших начальников делала невозможным исправление на местах недостатков технического управления. Расхождение ко времени решительного столкновения, почти под прямым углом, главных сил Западного и Юго-Западного фронтов предрешило провал операции как раз в тот момент, когда Западный фронт был двинут в наступление за Вислу. Несуразные действия 4 армии вырвали из наших рук победу и, в конечном счете, повлекли за собой нашу катастрофу".

На протяжении всей нашей работы мы пытались осветить затронутые автором вопросы и здесь детально вдаваться в их разбор не будем. Нам хочется сказать лишь несколько

слов о положительности тех выводов, которые читатель только что слышал.

В. И. Ленин глубоко прав, предоставив историкам разбираться в ошибках стратегии или политики в нашем „Походе за Вислу". Для того, чтобы вынести определенное об этом суждение, нужно знать в подробностях работу той и другой. Да и в этом случае мы были бы не склонны делать категорические выводы. Читатель, конечно, помнит, что мы позволили заявить себя адептом учения Клаузевица о взаимоотношениях политики и стратегии, что мы признаем „единую точку зрения", что для нас: „во всяком случае военное искусство политике не указ".

Летний поход за Вислу, как мы знаем, мог вызвать „международный кризис" и, конечно, в стремлении политики к такой высокой цели нельзя было ставить каких-либо препон. Политика требовала с оружием в руках вчинить этот кризис и стратегия обязана была принять к исполнению.

Весь вопрос был в учете сил, который должны были произвести как политика, так и стратегия. Нам не хочется повторять того, что мы предприняли кампанию с недостаточными силами по численности, что нами были брошены силы „возможно большие", как того требует Клаузевиц, что мы не получили прироста наших сил в развале армии противника—все это нами указано выше.

„Мы, однако, переоценили революционность внутреннего положения Польши в тот период",—пишет Л. Д. Троцкий в своей статье о военной доктрине. „Эта переоценка нашла свое выражение в чрезвычайной, т.-е. несоразмерной с ресурсами, наступательной нашей операции. Мы шли вперед слишком налегке, и результат известен: мы были отброшены"...

Читатель знает, что и Клаузевиц требовал всегда соразмерности наступления с рессурсами, для сего брошенными. „Весьма важно, чтобы как наступающий, так и обороняющийся, обдумывая план кампании, правильно установили кульминационную точку с тем, чтобы первый из них не совался в предприятие свыше своих средств, не прибегал, так сказать, к займам, а второй мог уяснить себе невыгодное положение противника и воспользоваться им". Если средств этих недостаточно, то Клаузевиц советовал ограничивать цели, при чем это одинаково необходимо как стратегии, так и политике, ибо: „если война должна вполне соответствовать требованиям политики, то последняя обязана точно соображаться с наличными средствами для войны".

Мы уже видели, какое соотношение сил получилось при нашем приближении к Висле и даже искусное соединение их в пространстве,—в частности, устранение указываемого автором расхождения сил Западного и Юго-Западного фронта,

не могло еще нам гарантировать решительной победы с переносом наших действий на левый берег Вислы.

В случае успеха на средней Висле, мы достигали известных выгод в ведении переговоров о мире, но поставить противника „на колени" было сверх наших сил.

Однако, все же могла ли политика рассчитывать, что наши армии одержат нужный ей успех на средней Висле. Это случилось бы лишь тогда, если бы нам удалось нанести второе поражение противнику в то время, когда еще перевес был на нашей стороне, т.-е. до Буга или в крайнем случае в пространстве между Бугом и Вислой. Если этого не произошло, то обстановка настолько изменялась не в нашу пользу, что рассчитывать на успешное завершение Варшавской операции было трудно. С нашей стороны мог последовать лишь „отчаянный" удар со всеми его последствиями, в случае неудачи. Командование фронтом не видело возможности принудить противника к принятию решительного столкновения к востоку от Вислы, но в таком случае не могло быть и надежд на успех за Вислой, в особенности с глубоким обходом правого фланга бело-поляков.

Одним словом, с подходом к Бугу стратегия не могла гарантировать политике немедленный успех, а политика не могла рассчитывать на него. Произошла ошибка в учете, о которой и говорил тов. Ленин. Факт остается фактом.

Это мы считаем основным выводом из нашей кампании 20 года.

Что же касается других промахов стратегии, указанных автором, то они, конечно, имели место, но влияние их не в такой мере могло сказаться на окончательном исходе похода.

Автор указывает нам на пренебрежение подготовкой технических средств управления. Не будем отрицать, что современное военное искусство пред'являет к этой стороне подготовки операции большие требования. В былые времена, при отсутствии таких средств, армии водились „батальонным карре", наподобие того, каким Наполеон командовал под Иеной в 1806 году. Адепт „ударной таранной стратегии" Шлиффен сто лет спустя после Наполеона полагал также необходимым водить армии подобным карре. Ныне нам снова проповедуется „трестированное" управление армиями, что становится возможным при наличии той техники связи, каковая теперь предоставляется в распоряжение Командования.

А если эта техника почему-либо отсутствует—как же быть тогда? Отказываться от войны нельзя. Следовательно, должны быть воскрешены старые приемы управления армиями, приходится обратиться от „трестов" к „кустарничеству". Если в походе на Марну в 1914 году германская ставка оказалась парализованной в управлении, благодаря недостатку техни-

ческих средств и проиграла сражение, то мы отнюдь не хотим это всецело отнести к неудачной попытке Хенча. Главную причину видим в отрыве ставки от армии, в отсутствии промежуточных инстанций в командовании—армейских групп, что в последующие периоды было быстро исправлено германским командованием. Управление должно было приближаться к наполеоновским временам личного командования маленького капрала. Чем меньше проволоки в управлении, тем ближе к войскам—вот старый „кустарный" способ управления, который все же меньше сулит неожиданностями, чем надежды на „трестирование", если его нельзя осуществить. Но снова повторяем, что отнюдь не против положений автора „Похода за Вислу" о необходимости хорошей, мы бы сказали даже отличной, технической подготовки управления оперирующими армиями. Если с этой точки зрения читатель просмотрит организацию нашего управления в минувшую операцию лета 1920 года, то сделает и сам без нас соответствующие выводы.

Далее автор „Похода за Вислу" видит причину невозможности исправления со стороны командования создававшихся погрешностей в положении, при бедности в технических средствах связи, в неподготовленности наших старших войсковых начальников. С такой „неподготовленностью" приходилось считаться, конечно, не только нам, но и противной стороне, как должно будет учитывать каждое командование и в будущем. Даже такие армии, как германская, французская и иные в мировой войне, знали не один пример этой „неподготовленности" подчиненных начальников. „Неподготовленность" таковых всегда будет налицо—это своего рода то „трение", о котором говорит Клаузевиц. Считаем, что для устранения этого необходимо лишь уметь во-время и умело смазать машину управления. Можно было бы много привести примеров подобной деятельности старших начальников—ограничимся лишь единичными. Если встать на точку зрения Фалькенгайна, то можно признать, что Гинденбург с Людендорфом также были неподготовлены к тому образу ведения войны, какой мыслился начальнику германского Генерального Штаба. Всем известно, с какой „неподготовленностью" пришлось столкнуться Жоффру во время Марнской операции в лице командующего английской армией Френча, решившего без обиняков садиться на корабли и плыть в Англию, вместо перехода в наступление. Действия французского главнокомандующего были просты—с одной стороны вызов в Париж военного министра Англии Китченера для „внушения" добрых мыслей неподчиненному Жоффру Френчу, а с другой личная поездка самого Жоффра к командующему английской армией.

Племянник Мольтке возложил такого рода миссию на подполковника Хенча и не достиг цели. При наличии желез-

ных дорог, автомобилей и аэропланов „неподготовленность" подчиненных начальников в значительной мере может быть легко устраняема.

Наконец, „несуразные" действия 4 армии вырвали из наших рук победу и, в конечном счете, повлекли за собой нашу катастрофу,—пишет автор „Похода за Вислу".

Нами подробно были разобраны действия 4-й армии, и мы не склонны согласиться с сделанным только что заключением. „Глубокая стратегия", на которой покоилась наша победа на берегах Вислы, была нам не по плечу, и действия 4-й армии отнюдь не являлись основной причиной „нашей катастрофы".

Мы не признаем такого влияния „единичных" ошибок на ход всей операции, чтобы они могли предрешить тот или иной ее исход, а потому никогда бы не рекомендовали историку выискивать этих виновников неудач. Но не отрицаем того, что это „знамение нашего времени". Читателю наверное хорошо известно, что после Версальского договора работала целая комиссия, исписавшая большое количество бумаги в поисках виновников империалистической войны. Если память вам не изменяет, то эта комиссия и сейчас не закончила своего бесполезного труда. Должны отметить, что отрезвление на западе Европы, кажется, наступило и ныне, что-то уже не слышно о суде над Вильгельмом, этим признанным сгоряча виновником мирового кризиса.

Так случилось в общемировом масштабе, так это происходило и происходит и в военном деле. Легенда говорит о том, что после каждого своего очередного отступления Куропаткин обязательно выискивал виновного в этом генерала и расклеивал о подвигах его афиши на улицах Харбина. За верность этого не ручаемся, но людская молва имеет за собой основание, учтя особенности характера незадачливого манджурского полководца. Империалистическая война изобилует такими же примерами: сменой начальников всех рангов и степеней, проигравших сражение, зачислением в резерв, посылкой всевозможных комиссий и т. д. Но если вникнуть глубже, то все же не „единицы" являлись причинами той или иной катастрофы. Действительно, вспомним сражение на Марне, более всех детально ныне разобранное литературой. Не скроем, что одной из причин такого подробного исследования этой операции с германской стороны был поиск виновника этой неудачи германского оружия. Перечитывая всевозможные на сей счет труды, мы видим, что одни винят в катастрофе Клука, он сам и его начальник Штаба Куль сваливают вину на командующего 2-й армией Бюлова и Хенча, Бюлов и Хенч высказываются относительно благоразумия принятого ими решения, так как в противном случае поражение 1-й герман-

ской армии было бы неминуемо. Более беспристрастные историки винят Ставку в ее оторванности от армий, а Дюпон в своем труде: „Высшее германское командование“, одной из причин неудачных действий 3-й германской армии приводит болезнь дизентерией всего штаба 3-й армии во главе с ее командующим. Трудно найти истинного виновника катастрофы, если, с одной стороны, сам план операции в своем основании вел к таковой, а затем и не было надлежащего управления во всех инстанциях. „Единичных“ виновников „катастроф“ как мировых, так и на полях современных сражений мы себе не мыслим—в них виноват коллектив управления, если вообще нужны правые или виноватые. Для практического же изучения военного дела на опыте минувшего, полезны как те, так и другие. Мы с равным интересом изучаем действия потерпевших неудачу полководцев, как приходим в восхищение от успехов того, чьи знамена покрыла слава победы.

Если наше предшествующее изложение событий летом 1920 г. углублялось в сторону разбора, критики тех или иных предположений или мероприятий, то это делалось единственно с целью научиться на опыте прошлого практическому военному искусству.

Мы далеки от того, чтобы привешивать нашей стратегии 20-го года ученые ярлыки „стратегии авантюристической“, или „стратегии масляного пятна“, как это делают иные нам современники. Мы сознаемся в своей научной отсталости перед такой классификацией стратегии, да и не видим в ней пользы, с одной стороны, а с другой, — „боимся“, по словам Клаузевица, „низвержения в самые низы школьного педантства, туда, где мы, ползая среди тяжеловесных понятий, никогда не встретим великого полководца, обнимающего дела одним своим взглядом“.

„Если таков должен быть результат теоретических исследований“, поучает философ войны, „то столь же хорошо, или, вернее, лучше вовсе не начинать. Такой теорией пренебрегают талантливые, и она будет забыта“.

Мы с нескрываемым чувством восхищения останавливаемся перед нашим походом за Вислу летом 1920 года, походом, который таит в себе неоценимые описания доблести и самоотвержения Красной Армии в целом и анналы которого полны поучительности для нас и следующего за нами молодого поколения борцов за революцию под красными знаменами.

Изучение этой войны Красной Армии на ее западном фронте героической борьбы составляет одну из главных задач не только историков, но и практических деятелей военных рядов пролетариата.

Поэтому мы снова повторяем, как высказывали уже в начале нашей работы, что искренно приветствуем появление

критического разбора „Похода за Вислу“, который развернул перед нами М. Н. Тухачевский.

Если мы позволили не согласиться с некоторыми его положениями и высказать иное понимание происходивших событий, то делали это не ради умаления достоинства его работы, не ради критики, как таковой, и тем более не ради уменьшения заслуг участников этого похода всех степеней.

„Много испытаний приходится на долю полководца“, пишет в своих „Воспоминаниях“ Людендорф. „Профаны просто смотрят на войну, как на арифметическую задачу, с определенными величинами, на самом же деле она все, что угодно, только не это. Это борьба великих, неизведанных физических и душевных сил, особенно тяжелая для той стороны, которая борется в меньшинстве. Приходится считаться с различными характерами и субъективными свойствами людей, и только воля руководителя является регулирующей величиной в этом хаосе. Те, кто критикует мероприятия военно-начальников, должны хотя бы изучить военную историю, если они не участвовали в войне на командных должностях. Я хотел бы дать им возможность хоть раз управлять боем. При неясности положения и колоссальных требованиях они испугались бы трудности задачи и—стали бы скромнее“.

Не скроем, с какими внутренними переживаниями опасности брались мы за перо, приступая к разбору „Похода за Вислу“, будучи, правда, также участником его, но не на командных должностях и не имея за собой солидного научного багажа, нажитого путем долголетнего изучения военной истории.

Боимся, что мы „профаном“ посмотрели на войну „как на арифметическую задачу“, прибегая иногда к четырем действиям этой науки малышей. Сколь было возможно, мы старались избежать получить нелестный эпитет, присваиваемый молодым критикам. Удалось это нам, или нет, — во всяком случае судить не нам. Имеем все же мужество его воспринять, если заслужили своими ошибочными положениями.

„Не ошибается тот, кто ничего не делает“, а Красной Армии, по словам тов. Троцкого: „критика нужна, проверка фактов, самостоятельность мысли, проработка прошлого и настоящего собственными мозгами, независимость характера, чувство ответственности, правдивость перед собой и своим делом“.

Почитали это первейшей своей обязанностью, обмакивая наше перо практических изысканий из опыта нашего „Похода за Вислу“.

Выполнило ли наше перо то, к чему оно призывалось, или нет,—будет судить тот, кто развернет эти страницы, ибо он также должен иметь „самостоятельность мысли“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

ВВЕДЕНИЕ

1. Значение военной истории для изучения военного дела 5
2. Труд М. Тухачевского „Поход за Вислу“ 7

I. Первое наступление запфронта

1. Обстановка на бело-польском фронте к весне 1920 года . . . 9
2. План первой нашей наступательной операции 11
3. Группировка сил 11
4. Майское наступление 13

II. Второе наступление запфронта

1. Подготовка к наступлению и его начало 16
2. Таранная стратегия 17

III. Революция извне 21

IV. Бугская операция

1. Директива Главнокомандования о взятии Варшавы 23
2. Клаузевиц о „высшей точке наступления победы“ 25
3. Клаузевиц о войне и политике 26
4. Разбор директивы Главнокомандования 27
5. Подход к Бугу 31
6. Обмен мнений Главнокомандования с фронтом о Бугской операции 33
7. Обмен мнений между Фалькенгайном и Гинденбургом летом 1915 года 36
8. Оценка Бугской операции 49

V. Варшавская операция

1. Состояние польской армии и план операции польского командования 60
2. Планы операций на Висле в 1831 году 72
3. План Варшавской операции:
   а) политическая цель 76
   б) оценка сил бело-поляков 77
   в) состояние армий запфронта 82
   г) пополнение армий фронта 84
   д) пополнения впереди фронта 85
   е) усиление за счет других фронтов 88
   ж) основания для принятия плана операции 107
4. Разбор плана операции 110

а) Клаузевиц о числе и частной победе 111
б) соотношение сил 116
в) об'ект операции 118
г) выбор направления главного удара 119
д) группировка сил 133
е) наступление и оборона 138
ж) управление операцией 141
з) группировка сил на средней Висле 141

5. Развитие операции:

а) действия на нижней Висле 148
б) директивные указания армиям левого фланга фронта 10 августа 169
в) события на средней Висле до 18-го августа 169
г) события на средней Висле после 18-го августа 191

VI. Итоги 200

ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ